

Рис. 7. Страницы из Проекта об учреждении Академии наук, утвержденного Петром Первым 22 января 1724 года с его пометами
Fig. 7. Pages from the Draft on the establishment of the Academy of Sciences, approved by Peter the Great on January 22, 1724 with his notes

Во-первых, она фактически образовывала неразрывное единство с создаваемыми при ней Академическим университетом и гимназией: хотя формально это были отдельные учреждения, но и в состав членов Академии, и в преподавательский штат университета входили одни и те же люди (то есть новая академия должна была совмещать функции проведения научных исследований и обучения). Поэтому академики являлись одновременно и профессорами. Во-вторых, она представляла собой государственное учреждение, финансирувавшееся за счет казны; ее члены, получая жалование, должны были обеспечивать научно-техническое обслуживание государства. При этом обязанности, возлагаемые на академиков (профессоров), были разнообразными: следить за научной литературой и составлять по своей специальности сводки научных результатов, участвовать в еженедельных заседаниях и годичных публичных собраниях Академии, давать научные справки и проверять предлагаемые Академии новые открытия, составлять для студентов курсы по своей науке, читать публичные лекции. Наконец, в отличие от западных университетов в создаваемом Петром Первым не предусматривались богословские кафедры (устройство богословского факультета было передано Синоду). В «Проекте» не говорилось о том, что библиотека и Кунсткамера являются частью Академии наук, но указывалось, что они должны быть предоставлены в пользование академиком.

На том же заседании Сената было «учинено»: «На Академию на первое время занять Шафировский²² двор, а потом, достроя, государынь царевен к тому взять, и к тому же пристроить что надлежит, деревянно». И это имело место 22 января (2 февраля) 1724 года в связи с чем этот день также может считаться датой «начатия»²³ Академии наук. Интересно отметить, что в выпущенной тиражом 2000 экземпляров небольшой брошюре, приуроченной к 200-летию Академии, праздновавшегося в 1925 году говорится, что Проект об основании Академии был утвержден 22 января 1724 года [К двухсотлетию... (К двукхсотлетию...), 1925]. Не 28 января! И, следовательно, не 8 февраля нового стиля.

²² П.П.Шафиров - соратник Петра I являлся одним из богатейших людей того времени и вторым по рангу дипломатом. В его особняке, расположенном вблизи от первого рубленого домика Петра I, царь до постройки своего Зимнего дворца устраивал в нем зимой Ассамблеи, но затем Шафиров был уличен в казнокрадстве и должен был быть казнен, однако в итоге уже императрицей Екатериной I прощен. Но его дворец в момент опалы был отдан Академии наук.

²³ «начатия» - слово, использованное самим Петром I

В различных изданиях, описывающих организацию Академии наук в нашей стране, можно встретить информацию, что, к сожалению, мало что известно об этом заседании Сената 22 января (2 февраля) 1724 года с участием императора. Причем эти фразы почти дословно кочуют из одной публикации в другую. На самом деле это не так и в статье Андреева [Андреев (Andreev), 1947] этот день работы Сената рассмотрен достаточно подробно. Равно как им довольно детально описаны и прочие события второй половины января (ст. ст.) 1724 года. Мы сочли возможным здесь их кратко коснуться. Но прежде остановимся на предшествующих событиях января 1724 года, при рассмотрении которых Андреев провел настоящее расследование, в том числе работая в архивах.

Так, сохранилось несколько заметок Петра I того периода, касающихся Академии, на основании которых и должен был, по-видимому, разрабатываться Проект-положение о ней. Весьма интересна записка Петра I от 13 января, на которую был подготовлен (не совсем понятно кем) довольно обстоятельный ответ, не имеющий даты, но с указанием, что эта бумага писана «рукой Петра Алексеева сына Курбатова» и эта надпись сделана другим почерком. Андреев предположил, что, скорее всего, речь идет о служившем одним из подьячих Сената сыне уже упоминавшегося выше знаменитого прибыльщика петровского времени Курбатова. Но был ли он автором той записки - замечает Андреев в 1947 году - «сказать пока трудно». Вряд ли стало легче это сделать сейчас.

О П.А.Курбатове известно очень мало, но просвещенные стремления отца были, конечно, известны сыну, и, можно допустить, что он был не просто переписчиком упомянутой записки, но и ее автором. В недавно изданной книге «Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700-1720-е годы)» [Серов, Жуковская (Serov, Zhukovskaya), 2023], содержится информация, что, давая пояснения по делу своего отца, Курбатов-младший 6 июля 1722 года пишет, что с 1705 по 1714 год «был он для обучения наук за морем», а по приезду он «определен быть штык-юнкром при полковой артиллерии». В другой приведенной в этой книге записке от января 1725 года Курбатов-младший упоминает себя как лейтенанта артиллерии. Мог ли он в 1724 году работать в Сенате подьячим остается вопросом. Или это был какой-то другой Курбатов? Но как бы то ни было текст той записки заслуживает внимания, поскольку в нем даются многие ответы на волновавшие Петра I вопросы. Так, в частности, (неизвестный) автор пишет «В установлении Академии подобает следующие пункты примечать: I. Сумма, которая надобна к установлению и содержанию Академии, такая да

будет, чтоб его императорского величества казне убытку не было б ниже бы государству какова отягощения принесла. Та сумма пребывает непоколебимо при Академии, и сие да будет за фундамент высокой его императорского величества милости Академии, дабы никто не дерзал оную сумму под каким бы видом ни было, на иные вещи издержать». Говорится также «И тако, дабы Академия прямо под его императорского величества властью, а не под какою бы коллегиею была». Интересен пункт VII – «Прибыль, которая из сей Академии будет, есть следующая: 1) Что его императорское величество из своих подданных ученые люди получит. 2) По сему иноземцы будут приезжать в Академию для обучения и деньги свои зде в земле тратить. 3) Оные, которые поедут в иностранные земли, меньше денег будут тратить, понеже они больше в один год научатся, нежели иной в десять лет». Указав в заключение, что его проект носит только «генеральный» характер, автор пишет, что готов разработать его «пространнее и подробнее». Читал ли эту записку Петр, и была ли она ему доложена, неизвестно, однако многие мысли автора записки нашли свое отражение в Проекте-положении, которое рассматривалось 22 января 1724 года.

Впрочем, по словам такого компетентного свидетеля, каким являлся Шумахер, автором проекта был Блюментрост. При этом Шумахер ничего не говорит ни о своем участии в составлении проекта, ни тем более еще некоего третьего лица. Возможно, Шумахер не хотел принижать роль Блюментроста, но и не возвеличивал свою. Хотя участие Шумахера в подготовке Проекта признается (или допускается) многими историографами Российской академии наук.

В связи с основанием Академии наук в ряде источников иногда встречается еще одна январская дата 1724 года. Так, Лаппо-Данилевский [1914] пишет «... в известном Указе от 20 января 1724 года Петр Великий <...> изъявил свою волю ...» и ссылается на Полное собрание законов Российской империи, том 7 (https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=32®im=3) и закон 4427, в котором в одном из пунктов идет речь об «Академии наук, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам и переводили книги, назначить место для сего и доход». Далее Лаппо-Данилевский пишет, что «через два дня (т.е. 22 января) <Петр I> одобрил Проект устава Академии, в котором те же начала развиты с большей равномерностью и обстоятельностью».

Таким образом, на основе общих мыслей Петра I об Академии, изложенных им в записке от 13 января 1724 года, во второй половине этого месяца шла подготовка Проекта о создании Академии наук, который царь слушал 22 января 1724 года в своем

«Зимнем доме» в Петербурге, где тогда помещался Сенат.

Возвращаясь опять ко дню 22 января 1724 года, нужно сказать, что прежде чем приступить к обсуждению генерального проекта, Петр I остановился на вопросе, которым должна была заниматься будущая Академия в виде переводческой деятельности. Петр заявил, что «для переводу книг зело нужно перевотчики, а особливо для художественных, понеже никакой перевотчик, не умея того художества, о котором переводит, перевестъ не может». Далее в той же заметке Петр I пояснил, что он разумел под «художествами» - «математическое, хотя до сферических триангулов, механическое, анатомическое, хирургическое, потаническое, архитектур милитарис, цивиле, гидройка и протчии тому подобные».

В хранящихся в делах Кабинета Петра Великого записях от 22 января также можно прочесть: «О определении почтовых денег на Академию», поскольку первоначально расходы на нее предполагалось покрывать из почтовых доходов.

Обсуждение генерального проекта, вопроса о помещении и других моментов, связанных с учреждением Академии, продолжалось в Сенате с 8 часов утра до 12 часов дня, когда царь, согласно протокола Сената, вышел. Спустя шесть дней, а именно 28 января, был заслушан и подписан соответствующий протокол Сената.

Последовавшие за рассмотрением 22 января 1724 года Сенатом «Проекта-положения» некоторые события 1724 года в первом томе «Летописи Российской академии наук» отражены следующим образом.

28 января (8 февраля) 1724 года Последовал именной указ Сенату «Об учреждении Академии Наук и Художеств». *(Согласно этому указу, каждый академик должен был составить учебное руководство в пользу учащегося юношества и каждый день по часу заниматься публичным преподаванием своего предмета. Академик должен был подготовить одного или двух воспитанников, которые бы со временем могли заступить на его место, причем Петр высказал пожелание, «чтобы такие были выбираемы из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить».)*

В итоге из стен Сената вышел документ, фрагмент которого приведен на рис. 8, взятом из Полного собрания законов Российской империи, том 7 (https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=32®im=3), закон 4443.

4443. — Генваря 28. Именной, объявленный из Сената. — *Объ учрежденіи Академіи и о назначеніи для содержанія оной доходов таможенныхъ и лицензныхъ, собираемыхъ съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга.* — Съ приложениемъ проекта объ учрежденіи Академіи.

Его Императорское Величество указалъ учинить Академію, въ которой бы учились языкамъ, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ, и переводили бѣ книги. А Генваря 22 дня, Его Императорское Величество, будучи въ Зимнемъ дворѣ и слушавъ о сочиненіи той Академіи проекта, на которомъ собственною Своею рукою подписать изволилъ тако: на содержаніе оныхъ опредѣлить доходы, которые собираются съ городовъ Нарвы; Дерпта, Пернова и Аренсбурга таможенныхъ и лицензныхъ, 24912 рублей; и по тому Его Императорскаго Величества указу Правительствующій Сенатъ приказали: оные доходы собирать, содержать въ рентереи, изъ которыхъ отпускать въ тое Академію по указамъ изъ Сената. А кромя того ни на какіе расходы не употреблять. И о томъ въ Камеръ-Коллегію и въ Штатъ-Контору указы посланы.

Проектъ учрежденія Академіи съ назначеніемъ на содержаніе оной доходовъ.

Къ расположенію художествъ и наукъ употребляются обычаю два образа зданія: первой образъ называется Университетъ; второй Академія или societъ художествъ и наукъ.

§ 1. Университетъ есть собраніе ученыхъ людей, которые наукамъ высокимъ, яко Фелогіи и Юриспруденціи (Правъ искусству) Медицины и Философіи, сирѣчь до какого состояніи оные нынѣ дошли, младыхъ людей обучаютъ; Академія же есть собраніе ученыхъ и искусныхъ людей, которые не токмо сіи науки въ своемъ родѣ въ томъ граду сѣ, въ которомъ оныя обрѣтаются, знаютъ, но и чрезъ новые инвенты (изданія) оныя совершить и умножить тщатся, а о обученіи прочихъ ни какого попеченія не имѣютъ.

§ 2. Хотя Академія изъ тѣхъ же наукъ и тако изъ тѣхъ же членовъ состоитъ, изъ которыхъ и Университетъ; однакожъ де обон сіи зданія въ иныхъ Государствахъ для множества ученыхъ людей, изъ которыхъ разныя собранія сочинить можно, никакого сообщенія между собою не имѣютъ, дабы Академія, которая токмо о приведеніи художествъ и наукъ въ лучшее состояніе ста-

Рис. 8. Фрагменты Указа Сената от 28 января 1724 года с Приложением к нему проекта об учреждении Академии

Fig. 8. Fragments of the Decree of the Senate of January 28, 1724 with the attachment of the draft on the establishment of the Academy

Здесь нужно заметить, что в приложенном проекте об учреждении Академии параграфы уже пронумерованы, но их стало меньше - всего 21 параграф против 29 в рукописном оригинале. Слово «Академия» встречается в нем уже только 15 раз, а словосочетание «Академия <...> художеств и наук» - трижды.

После появления Указа «Об учреждении Академии наук и художеств» Блюментрост начал активную переписку, целью которой было приглашение из-за границы в Россию будущих профессоров Академии.

10 февраля 1724 года

Составлен «экстракт» из «Проекта положения об учреждении Академии наук и художеств» для рассылки в иностранные журналы, русским посланникам за границей и отдельным ученым.

12 февраля 1724 года Блюментрост подготовил Петру I смету расходов Академии, которую стоит за небольшими сокращениями привести почти полностью и чуть в иной последовательности – «Каждый академикъ которых числом будет 11 человек, ежегодное жалованье получать имеет 1000 руб. Случиться может, что некоторый славный человек, который уже хорошее жалованье в чужестранных краях получает, за 1000 руб. сюды не поедет: того ради надлежит для такого случая прибавить еще (2000 руб.)

Секретарю – 800 руб.; Библиотекарю – 800 руб. А понеже библиотекарь обе должности отправлять может, того ради, чтобы меньше расходу было, одного библиотекаря к тому определить можно.

12 студентов – каждому по 250 руб., между которыми копиист обретается, который библиотекарю в кунст-каморе помогает.

Четырем переводчикам по 200 руб. человеку.

Живописцу (400 руб.)

Грыдоровальному мастеру (400 руб.)

Переплетчику (120 руб.)

На книги, жалованье работникам, на дрова, свечи, эксперименты и прочие необходимые расходы (5480 руб.).

14 февраля 1724 года

Блюментрост составил для Шумахера инструкцию по приему приезжающих академиком, подбору младшего персонала, приобретению книг и инструментов.

Конец февраля 1724 года

Блюментрост послал «Экстракт» из петровского «Проекта об учреждении Академии наук и художеств» еще ряду ученых в Европе с предложением поступить на русскую службу.

24 марта 1724 года

Француз Ж.Н.Делиль написал Блюментросту, что вся ученая Европа следит за действиями Петра I, и что Россия станет центром науки.

6 апреля 1724 года

В Лейпциге опубликован «экстракт» из петровского «Проекта об учреждении Академии наук и художеств». *(Так приведено в «Летописи», но на самом деле в двух номерах Neue Zeitungen für gelehrten Sachen, вышедших 17 и 27 апреля (нов. ст.), был дан перевод этого экстракта, но не буквальный, а в изложении редакции, которая не разобралась в сущности проекта и дала неточное представление о нем, из-за чего у немецких ученых появились ненужные вопросы, и Блюментросту вместе с Шумахером пришлось давать им разъяснения.)*

1 июля 1724 года

Шумахер представил доклад о трудностях с получением денег для Академии.

22 июля 1724 года

В Академию наук сообщено, что Петр I приказал «в самой скорости» достроить здание Библиотеки и Кунсткамеры на Васильевском острове.

30 июля 1724 года

Ф.Рюйш написал Блюментросту, что видит в Академии венец завоеваний Петра I.

В начале сентября 1724 года Блюментрост получил согласие Петра на те «шесть пунктов, по которым контракта с профессорами учинять надлежит», а именно: «1) Должен каждый академик на 5 лет обязаться в науках прилежно трудиться, особливо же в тех, которых ему обучать поручено; 2) Должен он в своем училище повседневно один час читать; 3) Систему или книгу о том писать; 4) Некоторых студентов в своей профессии таким образом обучить, дабы они годны быть могли оному со временем последовать; 5) Когда он охоты к службе более не имеет, то имеет он за год наперед о том при Академии письменно объявить; 6) Напротив того, обещает его императорское величество ему повсягодное жалованье, которое ему по четвертям года давано быть имеет». Размеры жалования не устанавливались, но, в зависимости от лица, колебались от 1000 до 2000 руб., с казенною квартирою, дровами и свечами и оплатой дорожных расходов.

25 сентября 1724 года

Сенат запросил, чему будут учить студентов в Академии. Блюментрост в ответе перечислил 20 дисциплин.

4 ноября 1724 года

Блюментрост доложил Сенату о затруднениях с получением назначенных для Академии денег; просил приказать Камор-коллегии, чтобы деньги незамедлительно передавались в Академию.

6 ноября 1724 года Сенат обсуждал материальное положение Академии; о результатах этого заседания Сената, на котором присутствовал Петр I, принявший, как обычно, живое участие в обсуждении, вышел новый Указ, на основании

которого 24912 руб. Академия стала получать «с денежных дворов, из Берг-коллегии».

16 ноября 1724 года

Блюментрост в письме А.Г.Головкину просил его заключать контракты с учеными от имени Петра I, который является протектором Академии.

Здесь, возможно, стоит привести хронологию последних дней жизни императора, как она приведена в статье, посвященной его Зимнему дворцу [Майер (Maier), 1872].

«1725 года.

«Января 15. Его Императорское Величество изволил быть у директора надъ строениями Сивявина въ домъ его.

«Января 17. Его Императорское Величество заболѣлъ, никуда ѣздить не изволялъ.

«Января 18. Тоже.

«Января 19. Его Императорское Величество сегодня исповѣдывался.

«Января 24. И съ того 17 числа по нынѣ Его Императорское Величество немощъ и лежалъ въ Зимнемъ Своёмъ домѣ въ верхнемъ апортаментѣ.

«Января 26. Его Императорское Величество пополудни въ 6 часу святили масломъ.

«Января 28. Въ 6 часу пополудни въ 1 четверти Его Императорское Величество Петръ Великій преставился отъ сего міра отъ болѣзни урины запору.

«Января 29. По нынѣ Его Величество въ болѣзни лежалъ и преставился въ своей конторкѣ, а сегодня вынесенъ въ салу.

«Февраля 7. Ея Императорское Величество изволили быть у литургіи въ домашней церкви.

28 января 1725 года

Между 5-ю и 6-ю часами утра скончался Петр I. *(Причем это печальное событие произошло ровно в тот день, когда за год до этого Сенатом был объявлен именной Указ Петра Первого о создании Академии наук вместе с Университетом и Гимназией. Можно только представлять как бы развивалась в России Академия и в целом наука, поживи Петр Первый подольше, но нет сомнений в том, что движение было бы интенсивнее.)*

29 января 1725 года один из ближайших сподвижников Петра I назначенный верховным обер-маршалом печальной комиссии граф Я.Брюс обратился к Шумахеру со следующим письмом.

«Господинъ библиотекариусъ!

Изволите въ библиотекѣ отыскать книги церемоніальныя, которыя описаны о чужестранныхъ погребеніяхъ и съ Фигурами, и принестъ въ Зимній дворецъ, сего генваря 30-го дня, неотложно, по полунощи въ 7-мъ часу.»

2 февраля 1725 года

Головкин запросил, остаются ли в силе после смерти Петра I поручения по Академии. Блюментрост сообщил Головкину и Б.И.Куракину, что императрица на его вопрос, что теперь будет с Академией, приказала Блюментросту «удвоить усилия по ее организации».

На этом формально Петровский период Академии наук в России закончился, но он по-прежнему продолжался, поскольку в последующие годы многократно обращались к тому самому Петровскому документу в виде Указа о создании в

России научного сословия, основанного на Проектно-положении, называемого еще генеральным проектом или генеральным регламентом.

Период Екатерины I

После кончины Петра I (28 января (8 февраля) 1725 года) вступившая на престол его супруга императрица Екатерина I взяла создаваемую Академию под свое покровительство. Весь 1725 год ознаменовался продолжением создания Академии наук, и шла конкретная работа для ее открытия, что также нашло отражение в упомянутой «Летописи».

23 февраля 1725 года

Послан указ Екатерины I Головкину и Куракину с требованием снабдить ученых, чтобы они «по своим контрактам, без сомнения, следовали суды», и что они будут находиться «у нас в особливом нашем призрении».

9 марта 1725 года

Из Штатс-конторы прислана промемория о порядке сбора денег для Академии из Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга.

20 сентября 1725 года

Составлен текст академического «Регламента», 27 сентября передан в Сенат, но не утвержден им.

Блюментрост тот Проект-положение доработал, назвав его «Регламентом», и в сентябре 1725 года представил на утверждение императрицы, прося ее «исследовать сей регламент и что в нем есть исправить и что согласно – в народ объявить». В нем более конкретно излагались права академиков: 1) подведомственность всего учреждения и всех его работников только императрице и Верховному Совету; 2) освобождение всех учившихся в Академии, которые скажутся «годны к высшим наукам», от принуждения вступать в другую службу; 3) свобода выезда за границу для всех желающих учиться или дальше работать для науки. В первом классе должно быть четыре профессора: высшей математики; астрономии и географии; механики; и четвертый «математики-практики (самое дело) ово приватна остроумием изъяснити, ово же тшачливое юношество к изобретению и деланию машин наставляти и управляти будет». Во втором классе — пять профессоров: физики; физиологии; анатомии; химии; ботаники. В третьем классе — четыре профессора: метафизики, логики, морали и политики; элоквенции; истории; и четвертый «в правиле натуральном и публичном, которые есть частию некоторою и истории трудитися будет». Жалованье академиком было определено по 1000 руб. в год. Но при этом предполагалось возможным, что «некоторый славный человек, который уже хорошее жалованье в чужестранных краях получает, за 1000 рублей суды не поедет», такому разрешалось увеличить жалованье до 2000 рублей (на что ранее было получено согласие Петра I). На дорожные расходы определено было

отпустить особую сумму. Академиком обещалось, кроме жалованья, квартира, дрова и свечи.

Таким образом, в задуманной Петром Первым Академии научная деятельность впервые стала профессиональной, что позволяло ученым полностью посвящать себя науке. При этом ничего подобного в Европе тогда не было и ученые-иностранцы с благодарностью это признавали, поскольку членство в прочих академиях не давало им материальной обеспеченности. Так, в частности астроном Делиль 2 марта 1728 года публично заявил, что Академия в России занятия науками сделало профессией.

В течение 1725 года были заключены контракты со всеми профессорами первоначального состава Академии. Постепенно они съезжались в Санкт-Петербург, приступая по приезду к выполнению своих обязанностей. Уже 15 августа 1725 года Блюментрост смог представить императрице в Летнем дворце нескольких академиков; на этой встрече с обращенными к императрице приветственными речами выступили академики Я.Герман и Г.Б.Бильфингер.

Фактически началом научной деятельности Академии можно считать уже август 1725 года, когда стали собираться первые Конференции академиков. Протоколов этих первых заседаний не сохранилось: они имеются лишь с ноября 1725 года, но, несомненно, что уже в августе, сентябре и октябре Конференции происходили, поскольку прочитанные в эти месяцы отдельные доклады позже были напечатаны (с соответствующей отметкой) в первом томе академических «Комментариев» / «Commentarii Academiae».

20 ноября 1725 года

Издан Указ Екатерины I «О заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Л.Л.Блюментроста».

2 ноября 1725 года

Состоялось первое заседание Академии, проходившее еще до ее официального открытия, и открыл его Я.Герман.

24 ноября 1725 года

Академия напечатала объявление о своем первом публичном собрании, которое должно было произойти в день тезоименитства императрицы. *(Но так как по Неве в тот день шел лед, и сообщение с Васильевским островом остального города прекратилось (мостов тогда не было), то это заседание было проведено позже – 27 декабря, видимо дождавшись ледостава и организации прочной ледовой переправы. И годовичные собрания Академии проводились затем всегда 27 декабря вплоть до 1776 года, когда оно было проведено 29 декабря, поскольку эту дату назначила Екатерина II, пожелав лично присутствовать на 50-летнем юбилее Академии. После чего в память о посещении собрания Академии наук императрицей годовичные собрания стали преимущественно проводиться в этот день.)*

7 (18) декабря 1725 года

Оглашен через Сенат именной указ Екатерины I «Об открытии предположенной к учреждению императором Петром Великим Академии наук и о назначении в оную президентом лейб-медика Лаврентия Блюментроста».

27 декабря 1725 года (7 января 1726 года)

Открытие Академии состоялось на проходившем в бывшем доме Шафорова торжественном заседании в присутствии Анны Петровны (старшей дочери Петра I), ее супруга герцога Гольштинского и петербургской знати. Г.В.Бильфингер произнес речь о задачах Академии и об успехах науки в определении долгот с помощью магнитных наблюдений. *(То есть по новому стилю это был уже 1726 год, и прошло без малого два года с момента учреждения Академии наук Петром Первым 2 февраля (по новому стилю) 1724 года. Поэтому все юбилеи Академии формально «имеют право» проводиться в года, берущие за точки отсчета 1724, 1725, 1726 и даже 1727 годы, поскольку собрание с участием Екатерины II по новому стилю было уже в январе.)*

Первую Академию составили профессора (они же академики), прибывшие из-за границы. Это математики Якоб Герман (1678-1733), Даниил Бернулли (1700-1782), Христиан Гольдбах (1690-1764), Фридрих Христофор Майер (1697-1729),

астроном Жозеф Никола Делиль (1688-1768), физики Иоганн Георг Лейтманн (1667-1736), Георг Бернгард Бюльфингер (1693-1750) и Христиан Мартини (1699-1739), медики Иоганн Георг Дювернуа (1691-1759) и Михаил Бюргер (1686-1726), философ Христиан Фридрих Гросс (1696(?) -1742), литератор Иоганн Петер Коль (1698-1778), историк Готлиб Зигфрид Байер (1694-1738), правовед Иоганн Симон Бекенштейн (1684-1742). Единственным, кто из первого состава уже работал к тому времени в России, был ботаник Иоганн Христиан Буксбаум (1693-1730), заведовавший Аптекарским огородом при Медицинской канцелярии в Санкт-Петербурге. Чуть позже, уже после смерти Екатерины I к ним присоединился 12 мая 1727 года Леонард Эйлер.

Весьма подробно состав Академии наук нескольких первых «призывов» рассмотрен в уже упоминавшейся книге (в ее второй части) «Петр Великий и основание Петербургской академии наук : документы и материалы» [Басаргина. Кирикова (Basargina, Kirikova), 2022].

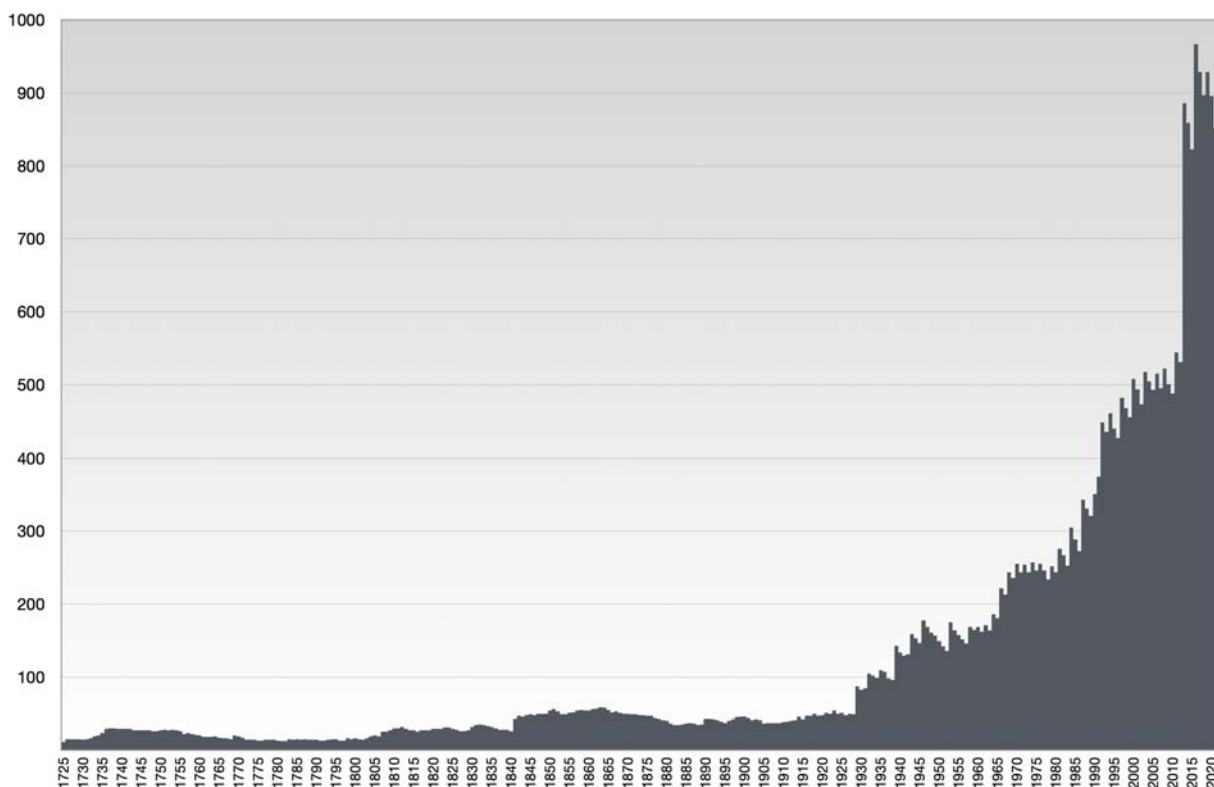

Рис. 9. Ежегодный численный состав академиков в Академии наук России (1725-2023)

https://commons.wikimedia.org/wiki/File:2021-Russian_academicians.jpg?uselang=ru, Автор – И.П.Второв

Fig. 9. Annual number of academicians in Russia (Academy of Sciences, 1725-2023)

https://commons.wikimedia.org/wiki/File:2021-Russian_academicians.jpg?uselang=ru, Author - I.P.Vtorov

Численность академиков постепенно росла (несмотря на то, что многие из первого состава довольно быстро покинули Россию, в том числе, уйдя в мир иной) и, нарушив хронологию, отметим, что сейчас академиков Российской академии наук около тысячи человек, что можно видеть из рис. 9. Также можно заметить, что для АН СССР на протяжении целого ряда лет довольно строго соблюдалась негласно установленная ЦК КПСС количественная норма - один академик на 1 млн. населения СССР, но сейчас в силу многих причин она заметно превышена. Отчасти потому, что и научных дисциплин стало намного больше и число людей с докторскими степенями и профессорскими званиями, достойных быть членами Академии сильно выросло.

В 1726 году созданная Академия начала свою работу, делались многочисленные доклады, шла другая повседневная жизнь, что также видно из той же «Летописи», часть которой выборочно будет ниже приведена с некоторыми комментариями.

18 марта 1726 года

К.Ф.Шеслер доложил о новом способе укрепления городов во время военных действий.

30 апреля 1726 года

Академия доложила в Штатс-контору, что из суммы, полученной на 1725 год (24912 руб.), часть, не израсходованная на жалованья (поскольку не весь штат был зачислен), истрачена на покупку книг, инструментов и оборудования для Типографии.

14 мая 1726 года

Блюментрост сообщил о случаях непристойного поведения некоторых членов Академии в русской церкви и других общественных местах, что может нанести большой вред Академии; впредь виновные в подобных поступках будут исключены из числа академиков.

31 мая 1726 года

Блюментрост доложил Головкину о предполагаемом использовании здания Библиотеки и дома Прасковьи Федоровны (*Дом царевны Прасковьи Федоровны – жены Иоанна V был расположен по соседству с Кунсткамерой и поскольку она к тому времени умерла, то он пустовал. Впоследствии из-за ветхости был снесен в 1820 году.*)

25 августа 1726 года

Блюментрост предложил Х.Гольдбаху руководить обучением наследника престола великого князя Петра Алексеевича

Конец августа/начало сентября 1726 года.

В Парижскую академию наук, Лондонское королевское общество, Берлинское научное общество и Упсальский университет отправлены письма с предложением об установлении связей. К письмам приложены экземпляры речей на первом публичном собрании.

26 сентября 1726 года

Головкин сообщил из Стокгольма, что вручил «Речи» ряду ученых. Шведские ученые готовы наладить контакты с Петербургской Академией: «Здесь серьезно думают основать Академию наук по образцу академий Франции, Англии и нашей».

27 сентября 1726 года

Академия обратилась в Камор-коллегию с просьбой упростить процедуру получения назначенных для Академии денег

14 декабря 1726 года

Г.Бургаве написал, что прочитав «Речи», он убедился, насколько Петербургская академия «отвечает замыслам императора».

Наступил 1727 год, и 1 января Академия в полном составе поздравила императрицу с Новым годом.

2 февраля 1727 года

Академия направила в Морскую академию просьбу предоставить ей на время секстан и другие инструменты «для астрономической обсервации».

6 мая 1727 года

Скончалась императрица Екатерина I. В погребальной церемонии 16 мая Академия не участвовала, так как не могли решить, в какое место шествия ее поставить.

9 мая 1727 года

«Агентам» Академии в Гамбург, Амстердам, Гаагу и Берлин посланы известия о том, что смерть Екатерины I и вступление на престол нового императора Петра II не причинили осложнений Академии и все ее заказы остаются в силе.

Царский период, вкуче с Ломоносовским

Как после смерти Петра I, так и после кончины Екатерины I развитие Академии продолжилось, и новый император молодой Петр II проявил к ней определенный интерес.

21 мая 1727 года

Бильфингер демонстрировал молодому императору Петру II и сыну А.Д.Меньшикова физические опыты.

27 августа 1727 года

В Верховный тайный совет подан подробный доклад о составе Академии, размере жалований, с отчетами профессоров о проведенных исследованиях и обучающихся у них студентах.

4 октября 1727 года

Издан именной указ Верховного тайного совета «О бытии в Санкт-Петербурге типографиям только при Сенате и при Академии», последняя «для печатанья исторических книг, которые на российский язык переведены и в Синоде апробованы будут».

15 декабря 1727 года

Академия попросила Сенат распорядиться, чтобы из бывшей синодальной типографии ей были переданы два стана и шрифты — русской гражданской печати, немецкий и латинский, а также девять человек персонала.

Для Академии важное значение имело создание в 1727 году академической Типографии, которая петровским Проектом не предусматривалась. Помимо издания научных и научно-популярных трудов эта типография в первые десятилетия своего существования выпускала также всю светскую литературу в России и единственную в то время газету «Санкт-Петербургские ведомости», выходившую на русском и немецком языках. С 1728 года по 1742 год выходило специальное приложение к этой газете «Примечания на Ведомости» также двуязычное. Сейчас та Типография превратилось в издательство

«Наука», которое является почти ровесницей самой Академии, и на его логотипе ныне красуется дата 1727.

4 января 1728 года

Блюментрост приказал «во отлучении своем в Москву все дела Академии и канцелярские управлять и крепить библиотекарю И.Д.Шумахеру. А ежели же какие будут новые и важные дела, о тех писать в Москву и требовать резолюции от него, господина Президента». *(Двор переехал в Москву и за ним последовал Блюментрост, будучи по совместительству также лейб-медиком Петра II.)*

14 февраля 1728 года

Академия доложила в Военную коллегию о необходимости усилить караул для охраны Библиотеки и Кунсткамеры.

16 февраля 1728 года

Делиль доложил о методе составления точных географических карт Российской Империи. Решили, что Академия сделает все возможное для выполнения этой государственной задачи.

9 апреля 1728 года

Обсуждали название основного академического издания – остановились на "Commentarii Academiae" *(В дальнейшем стали выходить Novi Commentarii. Оба издания выходили на латинском языке, бывшим тогда основным языком мировой науки.)*

25 ноября 1728 года

Состоялось торжественное открытие Библиотеки и Кунсткамеры. Знатным гостям были показаны Академия с ее мастерскими, Типографией, Гимназией. *(Имеется в виду в новом здании на Васильевском острове.)*

Январь 1729 года

В Москву Петру II послана челобитная за подписью всех членов Академии с несколькими просьбами, часть которых заключалась в дозволении из-за отсутствия Блюментроста разрешить избирать на год или полгода директора из своего состава *(что, впрочем, предусматривалось в изначальном Петровском Указе)* и ведать ему казной.

В одном из пунктов петровского Проекта говорилось, что каждый академик должен написать для учащихся «курс в науке своей» Блюментрост в своем распоряжении от 20 июля 1729 года напомнил профессорам об их обязанностях публиковать монографии и учебники. Благодаря этому Академией со временем был подготовлен огромный объем печатной продукции, в частности только одного Л.Эйлера вышло более 600 сочинений. Для реализации своих изданий Типография открыла книжные лавки в Санкт-Петербурге и Москве, а также имела связи с зарубежными книготорговцами.

27 декабря 1729 года

Шумахер повез в Москву Отчет о состоянии Академии и всех ее служб, финансовые документы. Библиотека и Канцелярия оставлены на Г.Ф.Миллера.

7 сентября 1730 года

Шумахер в письме Блюментросту сообщил о бедственном положении Академии, долг которой за 1729 год составили более 1000 рублей.

25 октября 1731 года

Объявлено распоряжение о продолжительности рабочего дня служащих Академии – летом с 6 до 13 часов и с 14 до 21 часа, зимой – с 7 до 13 и с 14 до 20 часов.

18 июля 1733 года

Указ императрицы Анны Иоанновны о назначении нового Президента Академии барона Г.К.Кейзерлинга.

17 сентября 1733 года

Кейзерлинг доложил императрице, что Академия испытывает большие финансовые трудности и ее сотрудники за 1733 год не получали зарплату. Последовало Распоряжение Анны Иоанновны о выделении 30 тысяч рублей.

28 сентября 1734 года

Указ Сената о назначении барона И.А.Корфа Президентом Академии. *(В царском рескрипте она был назван «Главный командир Академии наук».)*

7 марта 1735 года

Корф представил Сенату проект нового штата Академии, согласно которому требовалось 64086 руб. на год, из них 4900 руб. на Канцелярию, 3840 руб. на Гимназию 2350 руб. на Библиотеку и Кунсткамеру.

20 декабря 1735 года

Делиль предложил выстрелом сигнальной пушки оповещать жителей Петербурга о наступлении полудня *(но воплощено это было только в феврале 1865 года).*

Особенностью Петербургской академии было то, что, в отличие от западных, она очень быстро приобрела многочисленные вспомогательные учреждения. Так, при 20 академиках и адъюнктах весь штат Академии в начале 1740-х гг. превышал 300 человек.

Ломоносовский период

Безусловно, одним из талантливейших людей земли русской был М.В.Ломоносов, в 34 года ставший первым русским академиком, обогатившим отечественную и мировую науку многими фундаментальными открытиями в химии, физике, астрономии, геологии, географии, внесшим заметный вклад в изучение истории и языкознания. Хотя жизнь Ломоносова в ранние годы, как и преждевременная кончина, вызывает немало вопросов, но их здесь касаться не будем. Из его официальной биографии следует, что он из Холмогор, что под Архангельском, в 19-ти летнем возрасте 15 декабря 1730 года покинул родные места и добрался с рыбным обозом до Москвы. Уже 15 января 1731 года он оказался зачислен учеником в Славяно-греко-латинскую академию, где отучившись три года, был направлен в Киево-Могилянскую академию²⁴, где учился еще два года. Вернувшись в Москву, он в ноябре 1735 года был отобран в числе 12 учеников для определения в Петербург, в Академию наук. 12 января 1736 года Ломоносов был зачислен студентом в Академический университет. С осени 1736 года до лета 1741 года вместе с другими русскими студентами он находился

²⁴ ее ректором был Феофан Прокопович – очень близкий Петру I человек

«на стажировке» в Германии в Марбургском университете под надзором Вольфа. 17 марта 1738 года последний прислал Шумахеру письмо, в котором просил напомнить русским студентам о бережном расходовании средств. По возвращению в Россию Ломоносов 8 января 1742 года был определен адъюнктом физического класса Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, а 25 июля 1745 года назначен профессором химии, что соответствовало статусу действительного члена Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Тем самым он стал первым русским академиком в области естествознания.

24 августа 1741 года Ломоносов представил на прочтение академиков две диссертации: одну по физике и другую по химии в надежде, что их одобряют, а автора, согласно данному Академией обещанию при отправке его за границу, произведут в экстраординарные профессора. Но шли месяцы, а Ломоносов не получал никакого назначения. После того как 21 ноября 1741 года на престол вступила дочь Петра I императрица Елизавета Петровна, и в надежде, что она не намерена покровительствовать иноземцам, Ломоносов подал прошение на высочайшее имя о своем назначении. Оно возымело действие, и секретарь Академии Шумахер поторопил академиков высказать свое мнение о диссертациях Ломоносова, а также Г.Н.Теплова. Здесь нужно сказать, что в этот период в Академии наук не было Президента, и руководил Академией в качестве секретаря Академии как раз Шумахер. В итоге 8 января 1742 года он подписал следующее постановление: «Понеже сей проситель, студент Михайло Ломоносов, specimen своей науки еще в июле месяце прошлого 1741 году в конференцию подал, который от всех профессоров оной конференции так опробован, что сей specimen и в печать произвести можно; к тому ж покойный профессор Амман — его, Ломоносова, канцелярии рекомендовал; к тому же оный Ломоносов в переводах с немецкого и латинского на российский язык довольно трудился, а жалованья и места поныне ему не определено; то до дальнейшего указа из Правительствующего сената и нарочного Академии определения быть ему Ломоносову, адъюнктом физического класса. А жалованья определяется ему с 1742 года, января с 1 числа, по 360 рублей на год, счисляя в то число квартиру, дрова и свечи». Так что Шумахер сыграл определенную роль в судьбе Ломоносова в тот момент.

Ломоносов считается реформатором русского языка, определившим пути его дальнейшего развития в статусе языка национального. Он также имел поэтический дар и здесь стоит привести написанные им в 1747 году строфы, имеющие непосредственное отношение к русским ученым –

О Вы, которых ожидает
Отечество от недр своих

И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О! ваши дни благословенны.
Дерзайте ныне ободрены
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Тот период существования Академии без Президента закончился, и 21 мая 1746 года вышел Указ Сената о назначении Президентом Академии К.Г.Разумовского²⁵, на первом собрании обратившегося с речью к академикам на русском языке, которую переводил В.К.Третьяковский.

Согласно «Летописи» происходили следующие события.

25 мая 1748 года

Ломоносов представил смету на строительство Химической лаборатории. В газете «Ведомости» объявлено о поисках подрядчика для строительства.

28 июля 1748 года

Велено построить при Академии наук Химическую лабораторию и чертеж лаборатории передать архитектору И.Я.Шумахеру (*младшему брату И.Д.Шумахера*) и заключить контракт с подрядчиком крестьянином М.Горбуновым.

12 октября 1748 года

Ломоносов доложил, что Химическая лаборатория построена и нужно ускорить поставку оборудования и материалов, которые заказаны через Медицинскую канцелярию. (*Фактически Химическая лаборатория стала первым научно-исследовательским подразделением Академии.*)

9 января 1749 года

Разумовский перед отъездом в Москву потребовал, чтобы академики представили отчет о проделанной работе за последние 4 месяца и записки о замыслах на текущий год. (*Возможно, тогда это было нововведением, а потом стало нормальной практикой и приобрело новый размах в Советской России, но об этом ниже.*)

15 мая 1750 года

Ломоносов доложил в Канцелярию, что лаборатория может наладить выпуск разработанной им краски «берлинская лазурь» на продажу, что даст средства на содержание лаборатории.

10 ноября 1750 года

По просьбе книготорговцев Канцелярия распорядилась отпечатать новый тираж «Краткого руководства к красноречию» Ломоносова тиражом 1200 экз.

26 июля 1753 года

Во время наблюдений атмосферного электричества шаровой молнией убит академик В.Рихман. (*Это был первый несчастный случай со смертельным исходом в Академии наук «на рабочем месте».*)

7 марта 1754 года

Из Москвы получены указы Президента Разумовского от 26 февраля: 1) о том, что при незаполненности некоторых

²⁵ Ввиду частого и длительного отсутствия Разумовского в Петербурге позже в период его президентства был введен институт директоров.

важных вакансий в Академии содержится много людей сверхштата, в особенности «по художествам»; предлагается тщательно выявить лиц, от которых мало пользы, и уволить их, «а надобных только оставить», составить списки поручено Шумахеру, Ломоносову, Я.Штелину и Миллеру, об увольняемых высказать мнение, «куда бы кого из них можно в казенные службы разослать»; 2) об обязанностях конференц-секретаря и назначении на этот пост Миллера.

1 июля 1754 года

Ломоносов продемонстрировал изобретенный им «аэродромический аппарат» для метеорологических наблюдений, поднимающийся в воздух за счет соосных винтов, приводящихся в действие часовой пружиной и представляющий собой прототип вертолета.

23 февраля 1755 года

В связи с обострением разногласий между Тепловым и Ломоносовым Разумовский отстранил последнего от посещения Конференции, однако Ломоносов пожаловался своему другу и покровителю И.И.Шувалову и Разумовский 29 апреля отменил свое распоряжение.

24 марта 1758 года

Разумовский поручил Ломоносову наблюдать за всей научной и учебной деятельностью Академии.

25 января 1759 года

Президентом Академии Разумовским принято решение ввести звания членов-корреспондентов Петербургской академии наук как ординарных, так и почетных. *(Это означало, что ординарными членами (членами-корреспондентами) Академии могли стать и не проживающие в Петербурге.)*

22 января 1760 года

Ломоносов назначен куратором академических Гимназии и Университета.

Университет долгие годы был неотъемлемой частью Академии, готовя научные кадры. Относительно регулярно университет работал в 1750-е и в начале 1760-х годов, когда его деятельность опекал Ломоносов. После его смерти Академический университет стал угасать, и в 1767 году был упразднен. Немалую роль в этом сыграло и функционирование Московского университета.

Ломоносов, помимо того, что проявил себя в очень многих естественнонаучных дисциплинах, еще и занимался научно-организационной деятельностью, разработав вместе с Шуваловым проект Московского университета, впоследствии названным в его честь. Хотя и не сразу получившим именно имя Ломоносова (но об этом ниже). В феврале 1755 года Блюментрост был вызван в Петербург для обсуждения с Шуваловым мер касательно вновь учрежденного в Москве университета, куратором которого он был назначен еще в 1754 году, в память о его заслугах при учреждении Академии наук, что вызвало тогда серьезное недовольство Ломоносова. Однако в Петербурге Блюментрост вскоре 27 марта 1755 года скончался.

7 июня 1764 года *(через два года после коронации)*

Екатерина II посетила дом Ломоносова где он показал свои мозаичные работы, изобретенные им физические приборы и продемонстрировал некоторые физические опыты. *(Дом-*

усадьба Ломоносова, выходящий фасадом на Мойку, представлял собой двухэтажный особняк с мезонином, имевший по бокам два флигеля, а также мастерские и яблоневый сад, до наших дней не сохранился.)

4 (15) апреля 1765 года Ломоносов умер от воспаления легких и закончился отрезок жизни Академии наук с 1742 по 1765 год, который называют еще «Ломоносовским периодом».

* * *

21 мая 1770 года

Получен рапорт от 3 апреля, присланный П.С.Палласом из Уфы, в котором он сообщил, что отправил П.И.Рычкова в степные горы между Самарой и Яиком и просит принять последнего на службу в Академию.

28 мая 1770 года

Представлен рапорт Рычкова из Уфы от 14 апреля с дневником путешествий за май-июнь 1779 года и шесть планов местностей.

4 апреля 1771 года

В.Л.Крафт представил работу с астрономическими наблюдениями для определения географического положения Уфы. *(Башкирский этап Академической экспедиции Палласа подробно описал член Русского географического общества д.б.н. В.П.Путенихин²⁶ (<https://www.rgo.ru/ru/article/o-bashkirskom-etape-akademicheskoy-ekspedicii-petra-simona-pallasa-v-1769-godu>). Так, в границы современной территории Республики Башкортостан Паллас впервые вступил в октябре 1769 года и в течение ряда лет (1769-1770, 1773 годы) побывал во многих местах, включая Уфу.)*

18 января 1779 года

Прислан каталог растений Ботанического сада Датской академии наук с просьбой прислать в ответ каталог Ботанического сада Петербургской академии.

18 февраля 1779 года

Механик И.П.Кулибин показал параболическое зеркало, состоящее из маленьких плоских зеркал, с помощью которого можно во время иллюминаций проецировать различные цветные буквы, помещая между зеркалом и свечой цветные стекла. Екатерина II аплодировала этому изобретению и наградила Кулибина.

10 января 1780 года

Директор Академии С.Г.Домашнев предложил академикам каждый год начинать с представления ранее намеченных планов и ревизии их исполнения, что вызвало резкие возражения против такого требования, в том числе, ссылаясь, что не все могут быть такими продуктивными как Эйлер, представляющий по дюжине работ в год.

17 января 1780 года

Прислан каталог растений Страсбургского ботанического сада с предложением обмениваться семенами.

19 сентября 1782 года

Крафт представил доклад «Образец двойной баллистической таблицы нахождения амплитуды бросания и начальной скорости снаряда с учетом сопротивления воздуха».

28 января 1783 года

Указом Екатерины II от 27 января назначен новый директор Императорской академии наук и художеств в Санкт-

²⁶ кстати, однокурсник одного из авторов данной статьи

Петербурге — княгиня Е.Р.Дашкова (*являвшаяся в тот момент близкой подругой императрицы*).

30 января 1783 года

Состоялось первое заседание под председательством Дашковой, которая заняла место директора и произнесла вступительную речь.

5 февраля 1784 года

Дашкова предложила уменьшить число иностранных членов, объявляя выборы одного при шести вакансиях, вплоть до приведения их числа к приемлемой величине.

9 декабря 1784 года

Дашкова от имени Императрицы передала в Кабинет медалей золотую медаль, отчеканенную по случаю присоединения Крыма к России.

Хотя данная статья посвящена созданной Петром I Академии наук и остальные упоминаются лишь мимоходом, однако Российской академии необходимо уделить чуть большее внимание. Так, в августе 1783 года на имя императрицы Екатерины II от Дашковой (тогда директрисы Академии наук) поступил «всепопданнейший доклад», в котором говорилось: «Никогда не были столь нужные для других народов обогащение и чистота языка, столь стали они необходимы для нас, несмотря на настоящее богатство, красоту и силу языка российского». Тогда в России «...не было ни уставных правил, ни словарей, вследствие чего ... приходилось употреблять иностранные термины и слова, между тем как соответствующие им русские выражения были гораздо сильнее и ярче». И 30 сентября 1783 года Екатерина II издала Указ, согласно по которому была основана Российская академия – научное учреждение, которое должно было заниматься вопросами отечественного языкознания и литературы. Председателем Российской академии поставлена Дашкова, портрет которой приведен на рис. 10. Решились его привести потому²⁷, что она единственная женщина руководившая Академией наук (хотя и в должности только Директора), а также совмещавшая некоторое время руководство и Российской академией в должности ее Председателя.

Российская академия во главе с Дашковой (а также и после нее) многое сделала для русского и славянского языкознания, но здесь коснемся лишь некоторых моментов. Действительно в те времена в лексиконе ученых людей и чиновников было немало нерусских слов. Одним из них была активно использовавшаяся «промемория» (от латинского – «для памяти»), которую уже выше упоминали при цитировании «Летописи». Петр I, подразумевая открытие, изобретение, использовал ныне вышедшие

из обращения слова «декуверт» (Фр. *découverte*) или «инвент» (Лат. *inventum*). Давно забыто используемое в те времена, в том числе персонажами данной публикации слово «абшид» (происходящее от нем. *Abschied*), означающее «отставку». Также вышли или видоизменились, в том числе упоминаемые в этой статье исконно русские слова «дондеже (до тех пор), «также» (также). Современное «если» является сокращением и ранее в документах рассматриваемых нами лет писалось «естыли», причем слитно. Есть и обратные примеры - взамен короткого «зде» сейчас используется «здесь». Язык народа это как «живой организм» и в этом нет ничего удивительного. Но нас здесь (зде) в связи со словами и терминами больше интересует само слово «наука», собственно развитию чего в нашей стране и посвящена данная статья. Это слово «по счастью» считается праславянским и состоящим из приставки «на» и корня «ук», что несло смысл научать чему-нибудь и даже получать от этого удовольствие. Это если коротко. И эти процессы собственно все годы имели место быть и остаются теми же поныне.

Рис. 10. Портрет княгини Е.Р.Дашковой работы Д.Г.Левицкого, 1784 год

Fig. 10. Portrait of E.R.Dashkova by Dmitry Levitsky, 1784.

29 ноября 1783 года Дашкова предложила вместо двух букв «іо» писать букву «ё». Так, например, «іолка» превратилась в ёлку, а «іож» можно было писать уже, как ёж. Казалось, бы, ну чего проще!? Но не тут-то было и в типографскую практику буква «ё» вошла лишь в 1797 году и то только для стихов, для улучшения рифмы. Причем до сих пор споры вокруг этой буквы не утихают, тем более из-за возникающих сложностей в связи с различиями в паспортах отдельных граждан при электронном документообороте. И главная проблема как нам лингвистам кажется, в том, что неудобный диграф «іо» был заменен на очень похожую букву,

²⁷ Другими причинами являются то, что эта статья пишется в преддверии Женского дня 8 марта (которое в те времена, конечно же, не отмечали), из-за природной красоты Дашковой, а также удачной работы кисти Левицкого.

уже имеющуюся в алфавите, и возникает соблазн использовать просто букву «е», что мы сами в том числе в этой статье и делаем. На самом деле нужно было придумать еще одну букву алфавита²⁸ с отличающимся ее написанием (изображением) для такого звука как «ё». Тогда это сделать было можно. И нужно. Сейчас уже поздно.

14 августа 1794 года Дашкова обратилась к членам Академии и заверила их, что была счастлива руководить ими в течение 12 лет, но при этом она не могла заботиться о своем здоровье и поэтому попросила у императрицы двухлетний отпуск как придворной даме. Отпуск был дан, но Дашкова осталась формально соответственно Директором и Председателем обеих Академий. Вместо нее и.о. директора Академии наук был назначен П.П.Бакунин.

15 сентября 1796 года, незадолго до своей кончины Екатерина II приказала изъять из напечатанной в академической типографии «Русской географии» статьи о Франции и изменить все, что противоречит линии законного правительства этой страны. Бакунин образовал комитет для пересмотра сего труда. Так что и в те времена такой неправильный ненаучный подход власть предержащими практиковался.

Окончательную отставку Дашковой 12 ноября 1796 года оформил после своего воцарения Павел I и назначил Бакунина полноценным директором Академии наук.

23 марта 1797 года Крафт доложил работу «О наибольших расстояниях артиллерийских орудий с учетом сопротивления воздуха».

И это была не первая его работа в этом направлении, способствующая улучшению боевой мощи Русской армии.

Как будет видно из дальнейшего изложения, в самом начале Великой Отечественной войны осенью 1941 года потребовались соответствующие математические расчеты для более точного попадания боеприпасов (авиабомб) в цель.

Итак, в XVIII веке при Академии наук были созданы Академический университет (1726—1767) и Академическая гимназия (1726—1805), типография (1727), а также школы японского (1736—1753) и китайского (1741—1751) языков. При Академии еще содержались: Библиотека, Кунсткамера, Астрономическая обсерватория, Ботанический сад,

²⁸ Справедливости ради следует сказать, что были предложения на рубеже XIX и XX веков ввести в русский алфавит новую букву, передающую схожие звуки, но опять-таки по начертанию это была уже известная буква «э», над которой предлагалось ввести диакритический знак в виде двух точек – диерезис или умлаут, что на наш дилетантский взгляд неправильно.

Физический кабинет, Химическая лаборатория, Анатомический театр, Художественные классы, Мастерские.

Наступил XIX век, и в жизни Академии произошло немало изменений, которых вкратце здесь коснемся. После трагически закончившегося в марте 1801 года недолгого правления Павла I на престол возшел его сын Александр I. Оба самодержца Российской империи внесли изменения в жизнь Академии наук, что можно видеть из того же первого тома «Летописи».

5 ноября 1801 года Указом Павла I впервые введена должность вице-президента Академии.

14 февраля 1802 года Александр I повелел публиковать на русском языке описание открытий и изобретений для практического их применения.

8 сентября 1802 года Манифестом об образовании Министерств Академия наук передана в ведение Министра народного просвещения.

И последнее событие сыграло довольно существенную роль в жизни Академии. Смена Президентов на рубеже веков и относительное недолгое правление каждого, а затем почти десятилетнее (с 1810 по 1818 годы) существование Академии без Президента, поскольку она управлялась Министрами народного просвещения, нехватка средств – все это не могло не сказаться в худшую сторону на научной и организационной составляющих. Что отразилось даже на числе академиков, коих стало всего 13 вместо 19.

25 июля 1803 года Александр I подписал новые Регламент и штаты Академии наук.

В этом Регламенте (Уставе) к первоначально созданной двухступенчатой системы членства — адъюнкт и академик и появившемуся в 1759 году члену-корреспонденту в Регламенте 1803 года добавилась еще одна академическая ступень, переходная от адъюнкта к ординарному академику — экстраординарный академик. Так к началу XIX в. сформировалось пять степеней в академической иерархии: почетный член, член-корреспондент, адъюнкт, экстраординарный академик, ординарный академик. Эта система продержалась до 1927 года.

В Регламенте перед Академией ставились задачи развивать науки, обогащая их новыми открытиями, заботиться о практическом применении знаний, поддерживать связи с университетами, иностранными академиями и научными обществами. Но идущие войны, галопирующая инфляция сильно мешали осуществлению этих намерений. Вступивший на престол в декабре 1825 года Николай I столкнулся как с внешне-, так и с внутривнутриполитическими проблемами. Тем не менее, в декабре 1826 года Академия отпраздновала свой столетний юбилей, и присутствовавший на торжестве император получил

звание Почетного члена Академии²⁹, дав согласие на обширные ассигнования на науку. При императоре Николае I 8 января 1836 года академия наук получила новый Устав.

Но весной 1841 года в связи со смертью Председателя Российской академии адмирала А.С.Шишкова встал вопрос о будущем той Академии, и 11 апреля 1841 года Николай I потребовал представить проект соединения Российской академии с Академией наук. И уже 12 июля 1841 года вышло распоряжение императора согласно которому под общим названием «Императорской академии наук» объединялись эти две Академии и формировалось три Отделения – физико-математическое, Отделение словесности (бывшая Российская академия) и Отделение историко-филологическое, включающее Археографическую комиссию. Также особой формой науки в России к середине XIX века стали научные общества, большей частью гуманитарной направленности, что неудивительно, поскольку им не требовалось какого-либо оборудования.

Поражение феодальной крепостнической России в Крымской войне 1853 – 1856 годов показало ее техническую отсталость от стран с развитой капиталистической экономикой. Возникла необходимость преобразований и в области науки, но Академия тогда теряла свой престиж. Что в Академии было не все гладко во второй половине XIX века свидетельствует и то, что при избрании академиков в 1868 году был забаллотирован выдающийся физиолог И.М.Сеченов, а в 1880 г. – великий химик Д.И.Менделеев, как считается из-за «немецкой партии» в физико-математическом Отделении Академии. Не получил Менделеев и Нобелевскую премию, хотя трижды на нее выдвигался в 1905, 1906 и 1907 годах. Причем в 1906 году она ему была даже присуждена, но Шведская королевская академия наук отказалась принять решение Нобелевского комитета. В 1907 году Менделеев был также номинирован, но умер раньше, чем было принято окончательное решение.

²⁹ Здесь нужно сказать, что Павел I, будучи еще только престолонаследником, получил такое звание. А будущие императоры Александр II и Николай II Почетными членами Академии стали оба вообще в 8-летнем возрасте, что было профанацией этого звания. Становились Почетными членами Академии и прочие сановные особы, а также иностранные монархи. Не удержались от подобного соблазна и руководители Советского государства – И.В.Сталин стал им в 1939 году, а В.М.Молотов – в 1946 году. Впрочем, и сам Петр I стал Почетным членом Парижской Академии наук, и это принесло нашей стране огромную пользу.

Новый импульс Академия получила с назначением 3 мая 1889 года Президентом 30-ти летнего Великого князя Константина Константиновича. Ему пришлось много сделать для восстановления славы Академии, в том числе, решая кадровые вопросы. Так, в частности, в 1890 году был отправлен в отставку Непременный секретарь К.С.Веселовский, работавший при трех прежних Президентах в этой должности более 30 лет.

В 1893 году Александр III утвердил штатное расписание и ежегодное финансовое довольствие, согласно чему с 1 января 1894 года ординарный академик получал 4200 руб. (жалование – 2400 руб., 600 – квартирные, 1200 – за звание). Экстраординарный академик получал 3000 руб. (1500, 500 и 1000 руб. соответственно). Содержание Президента определялось Высочайшим указом, а вице-президент и непременный секретарь получали 1500 и 1200 руб. сверх академического жалования. 13 января 1895 года при Академии была учреждена постоянно действующая комиссия для приема и рассмотрения ходатайств нуждающихся ученых, а также их вдов и сирот, действующая до Октябрьского переворота.

О жаловании служащих в дореволюционной России нужно сказать отдельно. Самые маленькие оклады в начале XX века были у младших чинов государственных служащих в размере 20 рублей в месяц. Депутаты Государственной Думы получали жалование в размере 350 рублей в месяц, губернаторы имели месячные оклады около 1000 рублей, а министры и высшие чиновники, члены Государственного Совета – 1500 рублей. Чтобы была ясна покупательная способность тех сумм можно привести некоторые цены. Так, в начале XX века в Российской империи продавалась водка двух видов – «Красноголовка» (с красной пробкой), звавшаяся в народе «казёнка»³⁰, цена за бутылку которой (0,61 литра) составляла 40 копеек, и водка двойной очистки – «Белоголовка» (с белой пробкой), такая же бутылка которой стоила уже 60 копеек.

При Президентстве Константина Константиновича возникли первые научно-исследовательские институты – Институт экспериментальной медицины (1891 год), Главная палата мер и весов (1893 год), Русский археологический институт в Константинополе (1894 год). Еще раньше по инициативе и при непосредственном участии академика А.С.Фаминцына в 1890 году в Академии по Высочайшему указу в

³⁰ здесь буква «ё» нами оставлена сознательно, поскольку считается, что ее применение оправданно в тех словах, где используемая вместо нее буква «е» не передает правильное произношение.

Петербурге был создан Кабинет анатомии и физиологии растений в составе Императорской академии наук. Созданный Фаминцыным Кабинет в 1922 году преобразовали в Лабораторию биохимии и физиологии растений, в 1934 году ее перевели в Москву и решением Президиума АН СССР переименовали в Институт физиологии растений, который возглавил А.А.Рихтер. В 1936 году Институту присвоили имя К.А.Тимирязева - доктора ботаники, русского естествоиспытателя, исследователя фотосинтеза, популяризатора и историка науки. (Хотя нужно сказать, что фигура Тимирязева, не умаляя его заслуг в области физиологии растений, в истории отечественной биологии очень неоднозначна и к этому мы еще вернемся.) И это несмотря на то, что создателем и руководителем изначального учреждения был академик Фаминцын, широко известный как в России, так и за рубежом пионерными работами в различных областях физиологии растений. Он впервые в России стал читать специальный университетский курс по физиологии растений, являлся автором первого отечественного учебника по физиологии растений (1887 год) и первой в России фундаментальной монографии «Обмен веществ и превращение энергии в растениях» (1883 год), переизданной в серии «Классики науки» сто лет спустя. Но Фаминцын принадлежал распущенной большевиками партии кадетов, и это перевесило все его прочие заслуги. Возможно, восстанавливая историческую справедливость, его имя стоит добавить к имени Тимирязева в названии Института, тем более что прецедент ношения имен двух ученых у ряда Институты Академии наук имеет место быть.

Согласно Всеобщему календарю на 1899 год (год 175-летия Академии наук) книгоиздательства Герман Гоппе и его раздела «Адрес-Календарь Санкт-Петербурга» Академия наук характеризовалась следующим -

АКАДЕМИЯ НАУК ИМПЕРАТОРСКАЯ (Вас. Остр., набер. Невы, 5), учрежд. в 1724 г. Кружъ научныхъ занятій академіи раздѣленъ на отдѣленія: физико-математическое, отд. русскаго языка и словесности и историко-филологическое. Въ вѣдѣніи академіи состоятъ: 1) библіотека 2) кабинеты: физическій, минералогическій, русскій нумизматическій; 3) музеи: ботаническій, зоологическій, азиатскій, этнографіи и антропологіи, преимущ. русскою; 4) лабораторіи: химич., физиологич. по анатоміи и физиологіи растений, особая зоологическая, 7 обсерваторій: а) Николаевская главная астрономическая въ Пулковѣ, б) главная физическая и магнитная въ Сиб., в) физическая въ Тифлисѣ и магнитно-метеорологическія обсерваторіи: въ г. Павловоѣ, Екатеринбургѣ, Иркутскѣ и Пекинѣ (въ Китаѣ). Президентъ: Е. П. В. вел. кн. Константинъ Константиновичъ. Вице-Президентъ: т. с. Леонъ Н. Майковъ. Непременный секретарь: экстра-орд. акад., ген.-лейт. Ник. Фед. Дубровинъ. **ПРОЧІЯ АКАДЕМІИ**—см. учебныя заведенія.

Здесь стоит заметить, что про Академию в этом Календаре конца XIX века говорится, что учреждена она в 1724 году.

К 200-летию юбилею Ломоносова была начата работа по созданию Ломоносовского института, который должен был объединить деятельности Физического кабинета, Химической и Минералогической лабораторий. Место ему отводилось на Васильевском острове рядом с

Библиотекой Академии наук. Однако начавшаяся в 1914 году Первая мировая война помешала этому тогда сбыться. При этом война заставила многих, включая академиков, забыть о недовольстве Правительством и вызвала всплеск патриотизма.

1917 год

1917 год выделен отдельно в жизни Академии наук в России в этой статье не случайно. Это был год потрясений для всего Российского государства, и не минула чаша сия также Академию. Во многих книгах по истории Академии наук в нашей стране этот период приводится очень кратко, хотя заслуживает куда большего внимания, на что обратил внимание историограф Российской академии наук В.Д.Есаков [Есаков (Esakov), 1994]. При этом в четвертом томе «Летописи Российской академии наук» 1917 год представлен относительно полно и к части материалов стоит обратиться.

1917 год начался для Академии наук как обычно. Шла научная и научно-организационная работа. Так, 10 января обсуждалась идея создания сети исследовательских институтов – Института физико-химического анализа, Института по изучению платины и других драгоценных металлов, Института общей и прикладной химии, Глиняно-керамического института. 8 февраля в Академии рассматривали проект Кавказского историко-археологического института. Все они должны были приступить к работе 1 января 1918 года, но ввиду последовавших затем событий их открытия растянулись на ряд лет. Тогда же была создана Комиссия по изучению племенного состава населения³¹ России и сопредельных стран с закрепившейся надолго аббревиатурой - КИПС. Отделение физико-математических наук вновь рассматривало вопрос о месте для размещения Ломоносовского института на Васильевском острове. На заседании 1 февраля было сообщено, что «Государь император изволил ассигновать на продолжение издания «Флоры Российской империи» в течение двух лет по 5000 рублей в год». 10 февраля состоялось первое заседание образованной в конце 1916 года Комиссии по изданию сборника «Наука в России» объемом 100 авторских листов и тиражом 75 экз. К лету 1917 года была завершена работа по подготовке реформы русского правописания и Декрет «О введении нового правописания» был опубликован 23 декабря 1917 года.

Но, помимо этих обычных для научных исследований вопросов, неожиданно возникли и другие. После произошедшей 27 февраля 1917 года Февральской буржуазно-демократической революции

³¹ сейчас мы бы ее назвали Комиссией по «этническому составу» населения

(Февральского переворота) 4 марта было подготовлено Обращение к Временному правительству, в котором приветствовалось объединение России *«в могучий и свободный народ, способный отстаивать свою культуру и оберегать ее от внутренней разрухи и внешнего врага...»*. Сообщалось о единогласном решении Академии наук *«предоставить Правительству, пользующемуся доверием народа, те знания и средства, которыми она может служить России»*.

В подтверждении такого настроения ученых можно привести краткую информацию о проходившем в Петрограде с 6 (19) по 9 (22) апреля 1917 года I съезде Российских физиологов им. И.М.Сеченова. Ввиду отсутствия (в связи с болезнью – переломом ноги) Председателя Оргкомитета Нобелевского лауреата 1904 года академика И.П.Павлова съезд открыл член-корреспондент Н.Е.Введенский. Профессором В.И.Вартановым было зачитано приветственное письмо Павлова. И оно очень показательное. Вот выдержки из него – *«Мы только что расстались с мрачным, гнетущим временем. Довольно Вам сказать, что этот наш съезд не был разрешен к Рождеству и допущен на Пасху лишь под расписку членов организационного комитета, что на съезде не будет никаких политических резолюций. Этого мало. За 2–3 дня до нашей революции окончательное разрешение последовало с обязательством накануне представлять тезисы научных докладов градоначальнику. Слава Богу, это – уже прошлое, и будем надеяться, безвозвратное. За Великой французской революцией числится и великий грех – казнить гениального Лавуазье и заявить ему, просящему об отсрочке для окончания каких-то важных химических опытов, что “республика не нуждается в ученых и их опытах”. – Но протекшее столетие произвело решительный переворот и в этом отношении в человеческих умах – и теперь нельзя бояться такой демократии, которая бы позабыла про вечно царственную роль науки в человеческой жизни. Мы не можем не ждать, мы должны ждать при новом строе нашей жизни чрезвычайного усиления средств всякого рода для научной деятельности. А раз так, то для нас встает новый повод усилить нашу рабочую энергию до высшей степени»*.

24 марта на заседании экстраординарного Общего собрания приняты к сведению указы Временного правительства: «Об отречении императора Николая II от престола государства Российского и о сложении с себя полномочий верховной власти»; «Об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти впредь до установления в Учредительном

собрании образа правления». Подлинники этих документов вместе с архивами некоторых ведомств и партий были переданы в Библиотеку Академии наук на хранение, считая, что это самое надежное в то время место. Однако спустя много лет это обернулось против Академии.

29 марта на заседании экстраординарного Общего собрания ввиду того, что императорской власти уже не стало, было решено возбудить перед Временным правительством ходатайство о наименовании Императорской академии наук впредь «Российской академией наук» - “Academie des Sciences de Russie”.

13 мая 1917 года на заседании Общего собрания сообщено, что согласно Постановления Временного правительства от 9 мая 1917 года, президент и вице-президент Академии теперь избираются из числа ординарных академиком сроком на 5 лет и только потом утверждаются Правительством, чего не было никогда за всю почти двухсотлетнюю к тому моменту историю Академии и не предусматривалось в Петровском Указе. Были внесены и другие изменения в Устав, на основании которых дозволялось академикам проживать не только в Петрограде.

15 мая 1917 года состоялись выборы, и первым единогласно выборным Президентом Академии стал академик А.П.Карпинский, а И.П.Бородин – и.о. вице-президента. 15 мая Карпинский был утвержден в этой должности указом Временного правительства сроком на 5 лет с 15 мая 1917 года.

11 июля 1917 года Временное правительство приняло Постановление о переименовании бывшей Императорской академии наук в Российскую академию наук. Однако официально таковой она стала лишь спустя несколько месяцев, поскольку решения Временного правительства обретали силу только после их утверждения Сенатом, а в издаваемом «Собрании узаконений и распоряжений Правительства» это постановление опубликовано лишь 25 октября 1917 года. Фактически в первый день Великой октябрьской социалистической революции (Октябрьского переворота). Однако Есаков [Есаков (Esakov), 1994] предлагает считать памятной датой появления Российской академии наук все же 29 марта 1917 года, когда на Общем собрании Академии было принято это решение. И здесь можно опять вспомнить 22 января 1724 года, когда Петр Первый ознакомил Сенат со своим Указом.

В целом Академия наук благосклонно приняла Февральский переворот, и ряд академиком вошли в состав Временного правительства. Так, Непременный секретарь академик С.Ф.Ольденбург стал Министром народного просвещения, а академик

В.И.Вернадский был назначен Председателем комиссии по ученым учреждениям Министерства народного просвещения. Тем разительнее был контраст с реакцией Академии на Октябрьский переворот, случившийся в тот день, когда она стала окончательно, как уже говорилось выше, именоваться Российской академией наук. Причем в исторической литературе, как отмечает Есаков [Есаков (Esakov), 1994], этот период с конца октября 1917 года по начало апреля 1918 года упоминается лишь мимоходом, что неудивительно, исходя из происходивших в то время событий, о которых будет говориться дальше. К тому же при их упоминании давалась искаженная информация. В частности, Луначарский в своей поздравительной речи по случаю 200-летнего юбилея Академии наук в 1925 году произнес следующее³²: «Я должен констатировать, что Академия наук с самого начала заняла мудрую и целесообразную позицию. Я не могу забыть тот момент, когда непосредственно после революции, когда еще кипела гражданская война, на мой запрос Академии наук – на какую помощь с ее стороны может рассчитывать новое революционное правительство – я получил официальный ответ Академии наук о готовности и при новом строе продолжать всю свою научную работу и о полном ее согласии принять участие в разрешении тех научных проблем, которые жизнь поставит перед новым народным правительством». Но так ли это было на самом деле – будет видно из приведенной ниже реакции Академии наук на Октябрьский переворот.

Отношение Российской академии в целом к Октябрьскому перевороту следует оценивать как резко отрицательное. Дважды собирались экстраординарные Общие собрания для обсуждения происходящих событий в России - 18 ноября и 21 ноября 1917 года. Отмечалось, что «*происходящие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская академия наук не молчала в такое исключительное время*». На втором экстраординарном собрании от имени созданной комиссии был оглашен следующий проект обращения, которое стоит привести дословно: «*Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продает свою душу и ценою постыдного и непрочного сепаратного мира готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и чести народной? — внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны*

союзников и врагов. Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судеб Учредительному собранию; оно должно охранить ее от внутреннего и внешнего насилия; оно призвано обеспечить рост ее культуры и упрочить ее положение в среде просвещенных государств. В твердом единении верных сынов Родины служители науки и просвещения сознают ее мощь и преклоняются перед ее волей: они готовы всеми своими знаниями и всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую Россия возлагает на Учредительное собрание».

То второе Общее собрание, утвердив данный проект, обратилось к Президенту Академии с просьбой собрать совещание из представителей высших учебных заведений Петрограда, которым предложить выработанный текст обращения на случай, если бы они пожелали к нему присоединиться, указав при этом, что сам текст обращения уже более изменению не подлежит. Такое одобрение Совета научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда, во главе которого стоял все тот же академик Карпинский, было получено.

Осуждение Октябрьского переворота еще раз было озвучено на годичном Общем собрании 29 декабря в отчете о деятельности Российской академии наук за 1917 год, с которым выступил ее непрменный секретарь академик Ольденбург, начавший свое обращение к присутствующим так: «*В беспримерно тяжелое время приходится подводить итоги работе этого года, время настолько тяжелое, что лишь непобедимая ничем вера в вечное значение для жизни научного искания истины позволяет и даже повелевает нам говорить теперь о наших научных работах, о наших научных достижениях... Было бы малодушием не смотреть правде прямо в глаза и не признать теперь, что русский народ не выдержал великого исторического испытания и не устоял в великой мировой борьбе: темные, невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на путь гибели. Повторяем: в такой страшный час, казалось бы, те, кто не может с оружием в руках стать на защиту гибнущей Родины, должны молчать. Нет, работающие в Российской академии наук должны сказать, что, невзирая ни на что, они работали, продолжают работать и будут работать для Родины и науки. Ибо если невежественные и затуманенные люди могут теперь отрицать культуру и даже почти отворачиваться от простой грамотности, как ненужного стеснения, то люди науки не могут не сознавать, что без их работы немислимы просвещение и культура, а без этих последних никакое достойное человеческое*

³² нужно думать, что Луначарский все прекрасно помнил

существование. И, сознавая это, люди науки обязаны говорить о той научной работе, которая происходит со всем возможным напряжением, несмотря ни на что».

Как можно видеть из вышеизложенного, Российская академия наук как могла противостояла свержению существующего (хотя и недолго) в стране строя, но силы были явно неравны, и после разгона матросом Железником Учредительного собрания, на которое многие возлагали надежды, бороться дальше было бесполезно, но уже шел 1918 год, который будет рассматриваться дальше в чередѣ событий советского периода жизни Академии наук.

Советский период

Прежде всего, нужно напомнить, что в феврале 1918 года была проведена реформа временных лет, согласно которой после 1 февраля сразу наступило 14 февраля. Основанием послужил изданный Декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» от 26 января 1918 года - принятый Советом народных комиссаров нормативный правовой акт о переходе Советской России на григорианский календарь. И поэтому все последующие даты в этой статье уже соответствуют современному летоисчислению.³³

В 1918 году на заседаниях Академии обсуждалось немало научных вопросов, но стоит коснуться, в первую очередь организационных. Так, 24 января 1918 года на заседании экстраординарного Общего собрания непрѣменный секретарь Ольденбург сообщил, что его посетил член коллегии Научного отдела Наркомпроса Л.Г.Шапиро по поводу возможной работы Академии «в связи с различными государственными задачами настоящего времени». На заседании стали рассматривать предложение Наркомпроса «о возможной научной работе Академии...». В ходе обсуждения пришли к заключению, что «ответ Академии может быть дан по каждому отдельному вопросу в зависимости от научной сущности вопроса, по пониманию Академии, и от наличия тех сил, которыми она располагает». Весьма обтекаемая форма ответа получилась.

26 января Шапиро прислал тезисы «Положения к проекту мобилизации науки для нужд социалистического строительства», где были кратко изложены задачи в новых условиях. 19 февраля

созданная Комиссия вынесла на обсуждение Общему собранию подготовленный ответ, в котором была преамбула, после чего следовало сообщение о некоей готовности к выполнению встающих перед Академией наук задач, считая, что они ставятся самой жизнью и Академия может быть «организующим и привлекающим ученые силы страны центром». 20 февраля эти предложения Комиссии были приняты Общим собранием «о согласи Академии наук участвовать своими силами в разрешении государственных задач».

5 марта Нарком просвещения Луначарский направил Карпинскому письмо о задачах Академии в области изучения народного хозяйства страны. Академии предлагалось стать главным координирующим центром в обмен на ее подключение к этой работе. 24 марта Карпинский направил Луначарскому ответ, в котором говорилось, что ученые соглашаются на профессиональное сотрудничество с Советской властью, но требуют создания условий, необходимых для плодотворной научной деятельности, в том числе нормальные условия существования. 5 апреля на заседании Государственной комиссии по просвещению было отмечено, что Академия наук пошла навстречу Наркомпросу и предложила целый ряд планов работ и проектов создания новых институтов, представив смету на 700 тысяч рублей.

В то время, когда велась переписка Президента Академии наук Карпинского с Наркомом просвещения Луначарским по налаживанию взаимодействия, считается, что убежденными сторонниками сотрудничества с учеными были сам Председатель Совнаркома Ленин, его секретарь Н.П.Горбунов, председатель Реввоенсовета Л.Д.Троцкий, главы Наркомпроса Луначарский и Наркомздрава Н.А.Семашко. Но были и противники, среди которых Н.К.Крупская, Н.И.Бухарин, М.Н.Покровский, которому будет уделено отдельное внимание, хотя и незаслуженное. Эволюцию правового статуса Академии наук в 1920-ые годы довольно детально проследил Л.Г.Берлявский [Берлявский (Berlyavsky), 2012] и мы к его работе еще обратимся. Так, им отмечается, что «сторонники так называемого «культурного Октября», утверждали, что параллельно с взятием Зимнего дворца должно произойти взятие приступом Академии наук и водворения там новых людей, по возможности, пролетарского происхождения». Предлагалось ввести трудовую повинность для ученых, чтобы они работали на заводах, слесарили в мастерских.

Не позже 9 апреля 1918 года (точная дата не установлена) Ольденбурга и других академиков принял Ленин. Обсуждалось постановление Академии наук об исследовании естественных богатств России,

³³ Здесь можно еще вспомнить, что 20 декабря 7208 года Петр I издал Указ ввести в России новое летоисчисление по Юлианскому календарю, ведущему отсчет от Рождества Христова, в результате чего после 31 декабря 7208 года от Сотворения мира наступило 1 января 1700 года.

о различных научных проблемах и практических работах, которые ведутся или намечаются Академией наук. 11 апреля Луначарский информировал ВЦИК 4-го созыва о том, что Российская академия наук готова сотрудничать с Советским правительством и что установление контактов представителей власти с научной элитой имеет огромное политическое значение. 16 апреля на заседании Совнаркома рассматривались вопросы привлечения Академии наук к государственному строительству и финансирования работ, указав на первоочередную задачу - разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил. Как раз в те дни между 18 и 25 апреля 1918 года Ленин подготовил уже упоминаемый выше «Набросок плана научно-технических работ», в котором, впрочем, было мало что могущего пригодиться для реальной работы Академии.

Из приведенных выше событий весны 1918 года может создаться впечатление, что вовлечение академической науки в жизнь нового российского государства шло более-менее нормально, хотя составители «Летописи» охарактеризовали его как «неравноправный брак по расчету», выведя эти слова в один из подзаголовков Предисловия. Так, 8 июня 1918 года, в частности состоялось совещание по вопросу реформы высшей школы, в котором участвовали представители Академии наук.

Но 1 октября 1918 года вышло постановление об отмене ученых степеней и званий, которое в реальности оказалось «пустым звуком». Еще летом Декретом ВЦИК РСФСР от 25 июня 1918 года как некая альтернатива Российской академии наук была организована в Москве Социалистическая академия общественных наук, 15 апреля 1919 года переименованная в Социалистическую академию, а 17 апреля 1924 года — в Коммунистическую академию (Комакадемию), просуществовавшую до 7 февраля 1936 года, когда ее институты были включены в АН СССР, признав к тому времени параллельное существование Академии наук СССР и Коммунистической Академии нецелесообразным. Одним из ее идеологов и непримиримых противников Российской академии наук был Покровский — советский историк-марксист, общественный и политический деятель, лидер советских историков в 1920-е годы, «глава марксистской исторической школы в СССР». Хотя он не имел тогда отношения к «большой» Академии, тем не менее, стоит остановиться на его личности чуть подробнее. Он являлся членом РСДРП(б) с апреля 1905 года. В 1928 году, несмотря на ненависть к Академии наук, стал сначала академиком Белорусской Академии наук, а в 1929 году академиком АН СССР. Захоронен в

Кремлевской стене. Покровский, будучи историком, как-то высказался, что «после немедленного расформирования Галереи Петра I реликвии можно с выгодой продать американским коллекционерам и получить в обмен целый трактор». В 1928 году в одном из своих выступлений Покровский риторически вопрошал «Чем Академия наук отличается от нас [т.е. от Комакадемии]? И отвечив — «Она отличается от нас тем, чем Советская власть отличается от Америки, Франции и Англии». Ему принадлежат слова «Для меня Академия наук как целое является неоправданным явлением в условиях 20-го века». Он также призывал «пролетариат взять науку в свои руки». Здесь стоит заметить, что его имя с 20 октября 1932 года по 11 ноября 1937 года по какому-то недоразумению носил Московский государственный университет, в 1940 году получивший имя своего организатора и основателя — академика Ломоносова, и сравнивать масштабы этих личностей просто лишено смысла.

25 сентября 1918 года Карпинский и Ольденбург обратились в Наркомпрос с письмом, в котором отметили, что среди ученых наблюдается сильное истощение, ряды их тают с чрезвычайной быстротой в связи с чем необходимо принятие срочных мер для улучшения продовольственного снабжения и улучшения быта ученых. В октябре 1918 года был создан «Объединенный комитет научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда», в функции которого входило защищать права ученых, заботиться об улучшении условий их труда и быта, защищать арестованных. В этой связи нужно заметить, что в 1918 году арестованных было не так много и их отпускали под чье-то поручительство, по сравнению, с чем 1919 год явился разительным контрастом. Хотя еще 18 ноября 1918 года М.Горький, являвшийся, кстати, почетным академиком Императорской академии наук с 1902 года, обратился к Ленину с требованием прекратить репрессии против интеллигенции. Но не очень помогло, как будет видно из дальнейшего изложения.

Традиционно 29 декабря состоялось торжественное публичное заседание Академии наук, на котором были оглашены отчеты за 1918 год.

16 января 1919 года Совнарком (его Председателем, напомним, был Ленин) рассматривал совместное ходатайство Академии наук и (самого) Луначарского о помиловании председателя Русского исторического общества Почетного академика Великого князя Николая Михайловича. Принято решение — отклонить. И 28 января в Петропавловской крепости он был расстрелян вместе с еще двумя жертвами, как было заявлено - в ответ на убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

В сентябре 1919 года начались новые массовые аресты ученых. И 6 сентября Горький призвал Ленина прекратить, «спасая свои шкуры, резать голову народу», уничтожая «его мозг». 11 сентября на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было заслушано заявление Л.Ю.Каменева, Луначарского и Горького «о массовых арестах профессоров и ученых». Было поручено Ф.Э.Дзержинскому, Бухарину и Каменеву пересмотреть списки и дела арестованных. 15 сентября Ленин сообщил Горькому о том решении Политбюро. В то же время он отметил, что считает полезным интеллигенции, плененной буржуазными предрассудками, посидеть в тюрьме, чтобы не воображать себя «мозгом нации». При этом в тюрьмах Ленин сам сидел дважды, хотя недолго – в России в 1895-1896 годах и в Австрии в 1914 году; остальное время до октября 1917 года он провел в ссылках и большей частью в эмиграции.

Активную позицию в борьбе за права ученых в те годы занимал академик Павлов, который 4 октября 1919 года выступил с заявлением на Общем собрании, где сказал «принимая во внимание, что наше нынешнее правительство, судя по некоторым признакам, не считает ученых туеядцами, подлежащими беспощадному преследованию и истреблению, я имею честь обратиться к Собранию с предложением настаивать перед правительством о даровании ученым элементарных гражданских прав: неприкосновенности жизни, личной свободы, жилища и достояния, приобретенного честным и общепользным трудом».

23 декабря 1919 года вышел Декрет СНК «Об улучшении положения научных специалистов» и на Центральную комиссию по снабжению рабочих была возложена обязанность установить специальную норму пайка, названного позже «академическим». В течение 1920 года и первых 10 месяцев 1921 года общее количество пайков постепенно росло и к моменту организации уже упоминавшейся ранее комиссии ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых), созданной 10 ноября 1921 года, достигло 5400. В Москве действовала Москубу, а в Петрограде - Петрокубу, которую возглавлял Горький. Здесь можно заметить, что 19 марта 1920 года Ленин телеграфировал Горькому, что все тот же Покровский опротестовывает Петроградский список на выдачу пайков как несправедливый (вряд ли он хотел его увеличить). ЦЕКУБУ функционировала до 1931 года и была преобразована в Комиссию помощи ученым при СНК СССР.

По постановлению Совнаркома от 3 января 1922 года была организована Экспертная комиссия, в задачи которой входило премирование научных, научно-учебных и научно-популярных работ и распределение ученых на разряды на предмет

предоставления им дополнительного академического обеспечения, которое пришло на смену продовольственному академическому пайку [Бастракова (Bastrakova), 1968]. Так, из протокола заседания подкомиссии при ЦЕКУБУ, образованной для обсуждения вопроса об академическом обеспечении и премировании ученых 30 ноября 1921 года, следует, что было принято предложение Покровского по разделению ученых на разряды, в зависимости от которых определяется размер академического обеспечения. Было установлено пять разрядов: а) начинающие молодые ученые, имеющие научный стаж в виде хотя бы одной самостоятельной научной работы; б) самостоятельные преподаватели и научные работники высших учебных заведений и научных учреждений, имеющие научно-учебные труды; в) крупные ученые с большим научным и научно-учебным стажем и значительным количеством оригинальных научных работ, могущие руководить подготовкой научных специалистов; г) выдающиеся ученые, являющиеся инициаторами или виднейшими представителями в России крупных научных направлений и школ и способные указать ряд самостоятельных научных работников как своих учеников; д) выдающиеся ученые, работа которых имеет мировое значение. Позже появилась еще одна категория ученых, не напечатавших ни одной работы.

Довольно подробно кому и какие были доступны пайки и прочие блага рассмотрены в статье М.Атаянц [Атаянц (Atayants), 2012]. В том числе принятый так называемый жилищный Декрет дал право научным работникам на дополнительную комнату сверх действующей общегосударственной нормы, причитающейся им и их семьям. В Постановлении Президиума ВЦИК и Совнаркома от 31 июля 1924 года «О мерах по улучшению жилищных условий научных работников» подтверждалось право зарегистрированных в ЦЕКУБУ научных работников на дополнительную комнату для научных занятий. Оговаривались и некоторые другие льготы и права в жилищном отношении.

В ноябре 1919 года Наркомпрос обратился к Академии с просьбой дать заключение «по вопросу введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики». По-видимому, в связи с идеями мировой революции и необходимостью руководить трудящимися массами сразу нескольких континентов. Академия сказала тогда решительное «нет». Хотя для части языков народов Советского Союза графическая основа в виде латиницы все же позже некоторое время применялась.

В 1920 году ситуация вокруг Академии наук поменялась мало. Так, Карпинский, Стеклов и Ольденбург телеграфировали Ленину просьбу

«обеспечить Академии наук дровами, поскольку драгоценным научным коллекциям и немногим уцелевшим еще ученым грозит гибель».

19 сентября 1920 года Ольденбург направил В.Д.Бонч-Бруевичу – управляющему делами Совнаркома письмо «о невыносимом положении, которое грозит полным уничтожением учреждению, существующему уже скоро 200 лет, стяжавшему себе мировую известность». *(На что 12 октября последовал ответ, что письмо направлено в Наркомпрос для выяснения практических возможностей.)*

22 ноября 1920 года На заседании экстраординарного Общего собрания утвержден текст письма в Совнарком о тяжелейшем катастрофическом положении науки и ученых, в котором отмечалось, что никогда умственный труд не оплачивался так низко, как в настоящее время.

29 марта 1921 года На заседании ПетроКубу поставили вопрос об арестованных ученых. Было решено направить повторное ходатайство об освобождении всех арестованных ученых.

Вернадский писал эмигрировавшему в США сыну в середине лета 1921 года «Здесь работать как следует невозможно (разруха, голод, тяжелые условия жизни) и в этих невероятных условиях русские ученые в России делают огромное великое дело. Не знаю, осознают ли его современники – но его оценит всякий историк».

При всем при этом шла научная работа в Академии наук, и даже создавались новые Институты. Так, 6 мая 1919 года вышло постановление Наркомпроса об организации Государственного оптического института и Керамического института. 18 июня 1919 года было принято решение учредить Российский гидрологический институт.

29 июня 1920 года Академическая типография возвращена Академии наук под наименованием «Государственная академическая типография», ставшая впоследствии издательством «Наука».

20 января 1921 года на базе Физической лаборатории и Математического кабинета решено создать Физико-математический институт, который был организован в конце того же года, а при переезде в 1934 году в Москву разделен на Математический институт им. В.А.Стеклова и Физический институт им. П.Н.Лебедева.

28 сентября 1921 года По предложению В.Л.Комарова образована постоянная комиссия по экспериментальной биологии и генетике.

30 сентября 1921 года В письме в Коминполит Ленин писал «чтобы в Москве, Петрограде и крупных городах республики было сосредоточено в специальных библиотеках по одному экземпляру заграничных новейших технических и научных ... журналов и книг».

* * *

Говоря об организации в рамках Академии наук новых институтов в трудные годы Гражданской

войны и разрухи, нельзя не коснуться и возникающих тогда подобных учреждений на местах. И здесь речь пойдет об Уфимском физическом институте, созданном в Уфе в конце 1919 года уже при окончательном установлении в регионе Советской власти, организатором и бессменным руководителем которого был К.П.Краузе. Создан он был в системе Башнаркомпроса. Первоначальная цель создания Института заключалась в обслуживании групп учебных заведений, обеспечивая им доступ к физическим приборам. Но занимался Институт и научной деятельностью (особенно после 1932 года вплоть до своего весьма неожиданного закрытия в 1937 году), а также ремонтом и даже изготовлением небольшими партиями физических высокоточных приборов. При этом Институту в какой-то момент была доверена и метрологическая деятельность.

Очень подробно об организации, функционировании Уфимского физического института и прекращении его деятельности, а также жизненного пути Краузе, который после закрытия Уфимского физического института продолжил преподавать физику в ряде ВУЗов Уфы и в 1954 году был награжден Орденом Ленина, изложено в книге Ю.В.Ергина [Ергин (Ergin), 2006].

Нас же в связи этим Институтом будут интересовать имевшие место попытки создания в те годы в Уфе аналогичного Биологического института, в том числе в виде некоей биологической студии, а затем организованного в мае 1921 года и просуществовавшего около года Института опытных наук, вошедшего позже в состав Уфимского физического института как биологическое отделение под руководством Л.Л.Васильева³⁴, после отъезда которого в Ленинград в 1924 году, это отделение возглавил Г.Г.Штехер.

И о Штехере нужно сказать отдельно. Ему посвящена целая книга – «Штехер Г.Г. 1891-1970» / С.Г.Штехер, С.Я.Брылева. Уфа : БГПУ имени М.Акмуллы, 2009. 102 с., но здесь затронем лишь отдельные моменты его биографии. Штехер родился в 1891 году в Уфе и умер в ней в 1970 году, но сначала судьба «побросала» его по стране. С августа 1917 года по 1929 год Штехер опять проживал в Уфе. Вернулся в Уфу еще раз в 1942 году и приступил к работе в качестве доцента кафедры зоологии Башкирского педагогического института (хотя и не сразу), в котором вместе с братом С.Г.Штехером организовал зоологический музей, существующий до сих пор в стенах уже Уфимского университета науки и технологий. При этом Штехер интересовался генетикой и даже в 1927 году во время своего пребывания в Уфе опубликовал в центральной

³⁴ Васильев являлся учеником Введенского и стал позже членом-корреспондентом АМН СССР

печати довольно объемный труд «Вырождение и евгеника» (96 стр.), в котором уделил внимание законам Г.Менделя, рассуждал о генах и наследственности у человека, в том числе коснулся вопросов наследования приобретенных признаков (отрицая его), а также наследования одаренности, сделав главный вывод, что нужно «принимать во внимание не только обладание субъектом теми или другими наследственными задатками – генами, но учитывать и действие на организм внешних условий». После Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, которой коснемся ниже, этот его интерес к генетике ему припомнили и занимались настоящей травлей ученого. Но в 1925 году отношение к Штехеру было другим, и он был приглашен и принял участие в праздновании 200-летия Академии наук, о котором уже шла речь выше. Вполне возможно, что он оказался единственным приглашенным на этот знаменательный юбилей Российской академии наук из Уфы. Дочь Штехера С.Г.Штехер последовала по стопам отца, также как и он, защитив в 1967 году кандидатскую диссертацию на тему «Гистологическое и автордиографическое исследование развития эпидермиса у птиц», стала доцентом Башкирского государственного университета, и один из авторов данной статьи слушал читаемые ею лекции по зоологии.

* * *

7 декабря 1921 года решением Президиума Наркомпроса Управление научными учреждениями преобразовано в главк «Главнауку», что ухудшило связи Академией с СНК, поскольку возник еще один чиновничий барьер, в котором к тому же работал все тот же Покровский.

19 мая 1922 года

Ленин в письме Ф.Э.Дзержинскому поднял вопрос о депортации ученых-гуманитариев: «Все это явные контрреволюционеры ... Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно систематически и высылать за границу».

17 августа 1922 года в Москве и Петрограде начались аресты «буржуазной интеллигенции», внесенной в списки для высылки за пределы страны.

Но имелись и позитивные моменты в жизни Академии в тот период. Так, в начале 1922 года СНК был принят важный документ – Постановление № 847 от 15 марта 1922 года предоставило Академии наук право беспопытного получения из-за границы книг, приборов, инструментов для развития научных исследований. Также было дано разрешение на вывоз за границу коллекционного материала для обмена, приборов для ремонта. Но только при условии заверенного Наркомпросом списка подлежащих вывозу предметов. Появились и другие льготы, в частности по бесплатной пересылке почтовых отправлений внутри страны.

25 июня 1922 года

Общее собрание решило возобновить выпуск справочника «Наука в России» (О нем дальше пойдет речь.)

20 июля 1922 г. СНК принял постановление «Об учреждении Особого временного комитета науки». Постоянным представителем науки в нем стал академик В.А.Стеклов, что можно было расценивать как положительное действие властей.

26 января 1923 года

Академик Стеклов выступил на Заседании Временного комитета науки с докладом о подготовке к празднованию 200-летия Академии наук.

Май 1923 года

Возобновились прекратившиеся в период Гражданской войны и блокады заграничные командировки академиков.

В одной из таких поездок в США в поезде ограбили Нобелевского лауреата Павлова, который лишился бумажника со всеми деньгами и паспорта [Williams, 2019]. Новость об этом появилась 23 июля 1923 года в газетной хронике Нью-Йорка. На помощь своему давнему учителю по Санкт-Петербургу смог прийти эмигрировавший из Российской империи еще в 1893 году Ф.Левин (Р.А.Т.Левене), найдя необходимую сумму денег и поспособствовав восстановлению визы, и эта их такая встреча послужила началом очень важной совместной работы. Как говорится – «не было бы счастья, да несчастье помогло». Ранее мы уже уделили внимание тем событиям при описании «русского следа» в ранних исследованиях открытого Ф.Мишером нуклеина³⁵ [Гарафутдинов, Чемерис (Garafutdinov, Chemeris), 2019], но не лишним будет еще раз коснуться их и здесь. Так, Левин тогда исследовал нуклеиновые кислоты, установив природу углеводного компонента в фитонуклеиновой кислоте (РНК), но в ДНК (тимонуклеиновой кислоте) этого сделать не удавалось. Он пытался использовать фистулу, чтобы желудочный сок собаки расщепил тимонуклеиновую кислоту, чтобы затем в ней можно было установить тип сахара, не разрушив его, что происходило при обработке обычными кислотами, но эксперименты оказались неудачными. При этом подобные собаки с фистулами имелись у Павлова в его Институте, и летом 1924 года Левин прибыл в Ленинград, однако эксперименты не дали желаемого результата.

В 1928 году Павлов направил в США к Левину автора методики ангиостомии - наложения фистул на сосуды профессора Е.С.Лондона³⁶, что дало возможность установить тип сахара в тимонуклеиновой кислоте – им оказалась не гексоза (как считалось долгие годы), а пентоза, а именно 2-дезоксид-рибоза. В опубликованной статье [Levene, London, 1929] авторы выразили свою признательность И.П.Павлову. Это исследование позволило со временем тимонуклеиновую кислоту

³⁵ в этой статье о нем будет говорить дальше

³⁶ В 1939 году за предложенные методы ангиостомии и органостомии Лондон номинирован на Нобелевскую премию по физиологии или медицине, но не дожидаясь присуждения, а ее вручают лишь при жизни ученого

переименовать в дезоксирибонуклеиновую кислоту. Таким образом, российские ученые внесли важный вклад в изучение этого важнейшего природного биополимера. Тот результат был настолько важным, что в 50-ти летний юбилей данного события ему была посвящена специальная статья [Fruton, 1979]. При этом можно еще заметить, что Лондон был привлечен к данной работе не только потому, что умел делать высококачественные фистулы, а так как он давно интересовался нуклеиновыми кислотами и с его участием еще в 1910 и 1911 годах были опубликованы две статьи, посвященные этим вопросам.

20 августа 1923 года

СНК РСФСР утвердил сеть учреждений, подведомственных Главнауке: 1) Физико-математический институт, 2) Ботанический музей, 3) Геологический и минералогический музей, 4) Зоологический музей, 5) Музей антропологии и этнографии, 6) Азиатский музей, 7) Пушкинский дом, 8) Кавказский историко-археологический институт, 9) Комиссия по изучению племенного состава России, 10) Центральное бюро краеведения.

14 сентября 1923 года

Принято Постановление СТО СССР (*Совет по труду и обороне*) о заграничных закупках для научных и учебных целей. Академии наук было предоставлено право делать закупки через своих представителей.

2 февраля 1924 года

Состоялось Общее собрание Академии, подводящее итоги за 1923 год. (*Впервые была выбрана новая дата – 2 февраля, тогда как многие годы подобные собрания проводились 29 декабря уходящего года. Скорее всего она все была привязана к 22 января 1724 года, по новому стилю как раз ставшего 2 февраля, что, напомним, совпадает с днем обсуждения Петром Первым Проекта-положения с Сенатом.*)

Здесь по хронологии стоит еще раз обратиться к газете «Поиск», к рубрике «Новости 100-летней давности», где была приведена вот эта информация – «СМЫЧКА ТРУДА С НАУКОЙ - Пленум Центрального бюро секции научных работников по предложению академика С.Ф.Ольденбурга единогласно постановил ввести в имеющуюся на почтовых марках эмблему рабочего, крестьянина и красноармейца фигуру ученого (Ломоносова), который будет олицетворять участие ученого, техника и художника в деле строительства Сов. Республики. [«Известия» (Москва), 27 марта 1924 года]».

И чтобы было понятно, о чем шла речь, нужно привести изображение имеющейся у авторов такой марки, выпускавшейся в разных номиналах и в широкой цветовой гамме в течение многих лет, но Ломоносов на ней так и не появился, хотя мог бы по тогдашним понятиям олицетворять собой «пролетария умственного труда».

20 апреля 1924 года

Академик Павлов прочитал лекцию, в которой говорилось о несовместимости инстинкта свободы, с которым рождается человек, и окружающей его действительности в условиях диктатуры пролетариата.

2 февраля 1925 года

Состоялось Общее собрание Академии, подводящее итоги за 1924 год. (*Как и в предыдущий год для собрания была выбрана дата 2 февраля.*)

21 мая 1925 года

П.П.Сушкин в письме Вернадскому писал, «уж очень загажена политика Академии политикой компромиссов, и всякое проявление достоинства, которое было бы возможно и внушало уважение несколько лет тому назад, теперь будет принято как бунт». (*Но нам Сушкин еще интересен тем, что в 1891 году он предпринял орнитологическое обследование Уфимской губернии, завершившееся публикацией в 1897 году монографии «Птицы Уфимской губернии».*)

9 июля 1925 года

На заседании Политбюро принято решение в связи с загруженностью работой А.И.Рыкова назначить вместо него Председателем Комиссии по организации Всесоюзной академии наук В.П.Милютин. (*И здесь можно напомнить, что при переименовании Российской академии наук в Академию наук СССР в рабочих документах последняя именовалась именно как «Всесоюзная» академия наук.*)

25 июля 1925 года

СНК принял Постановление «О праздновании двухсотлетнего юбилея Российской академии наук». Учитывая роль науки в жизни общества, было решено считать юбилей «общесоюзным празднеством».

27 июля 1925 года

Принято Постановление ЦИК и СНК СССР, согласно которому следует считать: 1) Признать Российскую академию наук высшим всесоюзным ученым учреждением, состоящим при СНК СССР и действующим на основании Устава, утвержденного последним³⁷; 2) Присвоить означенной Академии наименование «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик». По этому Постановлению Академия наук СССР была выведена из ведения Главнауки и перешла опять в ведение Совнаркома СССР.

27 августа 1925 года

Политбюро вынесло решение: «Признать нежелательным устройство демонстрации в Москве по поводу юбилея Академии наук». (*Видимо какие-то «горячие головы» это предлагали.*)

26 мая 1926 года

На заседании ОФМ АН СССР С.Г.Навашин выступил с докладом «О парном сочетании хромосом при делении соматических клеток».

17 июля 1926 года

Академия наук обратилась с письмом в СНК СССР по вопросу передачи в Центральные архивы РСФСР имеющихся в Академии архивных материалов, принадлежащих семье Романовых и лицам, близко с ними связанным. (*Спустя несколько лет хранение этих документов сочтут преступным.*)

³⁷ в реальности в то время действовал Устав еще 1836 года, а новый советский Устав был принят только в 1927 году

26 мая 1927 года

Рекомендовано «освежить аппарат Академии наук и удалить оттуда явно враждебные элементы».

28 сентября 1927 года

На общем собрании коллектива членов ВКП(б) Академии наук отмечено, что они чувствуют «неудовольствие со стороны отдельных административных лиц, а также некоторых научных сотрудников Академии»

В январе – феврале 1929 года в состав Академии ввели коммунистическое «ядро», в которое вошел все тот же Покровский, а также Бухарин и многие другие члены партии, избранные в тот момент действительными членами Академии. Но не все прошли с первой попытки, вызвав шквал негодования власти. Вопрос о поведении «мятежной» Академии обсуждался в конце января - начале февраля 1929 года и, в частности небезызвестный В.В.Куйбышев заявил, что против Академии нужно действовать «огнем и мечом».

25 января 1929 года

Газета «Правда» опубликовала статью члена Комкадемии Ю.А.Ларина «Академики и политика», в которой выборы в Академию наук расценивались как «политическая демонстрация против рабочего класса», «против союза науки и труда».

5 февраля 1929 года

В газете «Известия» вышла статья Луначарского с резкой критикой в адрес Академии, и был поставлен вопрос о радикальной реформе Академии наук.

13 февраля трое неизбранных поначалу все же стали академиками. Для этого 17 января Президиум Академии в отступлении от Устава испросил у СНК СССР разрешения на повторную баллотировку трех неизбранных и, получив его, провел повторное голосование. В знак протеста в отставку подали непримиримый секретарь Ольденбург, вице-президент А.Е.Ферсман, ряд академиков-секретарей, но не все отставки были тогда приняты.

16 июля 1929 года Вернадский писал своему сыну «Академики-коммунисты введены в среду академии. ... Ясно было ... быть или не быть Академии. ... значение работы Академии так велико, что сохранение этого центра позволяет принести огромные жертвы».

Но трудности с избранием академиков-коммунистов Академии не простили. В соответствии с решением Ленинградского обкома ВКП(б) от 1 июля 1929 года в Академии наук предполагалась работа специальной комиссии по проведению чистки среди сотрудников. 30 июля 1929 года в Ленинград прибыла правительственная комиссия по проверке аппарата Академии во главе с членом ЦКК-РКИ Ю.П.Фигатнером. В состав комиссии наряду с академиками и другими специалистами в научной сфере были включены слесарь завода «Красный путиловец» Иванов, токарь Балтийского завода Козлов. Цель комиссии заключалась в следующем - «обеспечить работу академиков и сделать научный аппарат соответствующим нуждам социалистического строительства». Всего по итогам ее работы 128

штатных, а также 520 (из 836) внештатных сотрудников Академии были уволены.

В Академии началось трудное время выявления «чуждых и вредных элементов», публичного шельмования, доносов и допросов.

12 октября 1929 года

В ОГПУ поступили первые сведения о «нелегальном» хранении в Библиотеке Академии наук важных политических документов.

21 октября 1929 года

Члены Комиссии по проверке аппарата Академии наук в присутствии Ольденбурга провели осмотр архивов, Библиотеки Академии наук и обнаружили подлинники манифестов отречения от престола Николая II и Михаила Романова, часть архива департамента полиции и другие политические документы.

22 октября 1929 года

Президиум Академии обратил внимание властей, что о хранении этих документов ими ранее еще в 1926 году сообщалось, и был получен ответ, что пусть хранятся до образования Централархива. *(Но эти объяснения приняты не были, и Политбюро ЦК ВКП(б) решило создать уже специальную комиссию ЦКК-РКИ в составе Фигатнера (председатель), Я.Х.Петерса и Я.С.Агранова для расследования дела о «незаконном» хранении исторических документов в Академии наук. В итоге возникло так называемое «академическое дело».)*

Председатель Комиссии Фигатнер выступил с докладом о найденных политических документах в учреждениях Академии. Была признана ошибка Президента, который своевременно не учел наличие этих материалов и поэтому не смог сообщить об этом управляющему делами СНК. Зачитана телеграмма председателя СНК Рыкова о немедленном отстранении Ольденбурга от обязанностей непримиримого секретаря, ввиду того что им не было доложено о хранении в Академии наук важных и государственных документов.

14 ноября 1929 года

На заседании Общего собрания АН СССР Фигатнер сделал подробное сообщение о находке важных политических документов. В выступлениях звучала резкая критика в адрес руководства Академии. Были высказаны пожелания немедленной и полной реорганизации АН СССР.

18 ноября 1929 года

Состоялось первое заседание комиссии по разработке проекта реорганизации Академии наук в соответствии с запросами социалистического строительства.

23 февраля 1930 года

Бухарин и Луначарский обратились в Политбюро ЦК ВКП(б) с предложениями по реорганизации Академии наук. Предлагалось: признать «целесообразным сохранение на более или менее длительный срок Академии наук как высшего ученого учреждения страны»; главное внимание уделить развитию Физико-математического отделения; вести линию на постепенную ликвидацию гуманитарного отделения и передачу его учреждений в Комкадемию.

11 марта 1930 года

ОГПУ начало сбор компрометирующих материалов об академике Н.И.Вавилове. Первые вымышленные сведения

были получены в ходе следствия по делу «контрреволюционной организации» в сельском хозяйстве Украины.

10 февраля 1931 года «Тройкой» ОГПУ Ленинградского военного округа вынесен приговор арестованным по «академическому делу»: 29 человек приговорены к расстрелу (10 мая 23 из них был смягчен приговор и заменен на 10 лет лагерей), 54 арестованных приговорены к отбыванию различных сроков. В первой группе был ректор Московского университета в 1911 – 1917 годах, академик М.К.Любавский, сосланный затем в Уфу. (По этому «академическому делу» проходило более 100 человек. Позже был организован также еще ряд других громких процессов - «дело славистов», дело «контрреволюционной фашистской организации» и некоторые другие.)

2 февраля 1931 года На чрезвычайном заседании Общего собрания, проходившем под председательством неопределенного секретаря (коммуниста) В.П.Волгина, единогласно исключены из числа действительных членов Академии наук с 1 февраля академики С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, Н.П.Лихачев, М.К.Любавский. Основание - «установление факта их участия в контрреволюционном заговоре».

Во время прений Президент Академии наук Карпинский выступил против применения §19 Устава АН СССР об условиях исключения членов Академии из ее состава. Карпинский заявил: «Везде Академия соединяет в себе лиц все возможных религий, всевозможных настроений, и различие мнений никогда не служило причиной задержки того, для чего Академия наук вообще предназначена, а именно: для выяснения научных истин. ... Если некоторые предполагают, что вместо того правления, которое у нас существует, вместо Республики (впрочем, у нас настоящей республики тоже нет) наше управление подчинено известной партии, то это вовсе не вызывает необходимости исключения ... я жалею, что такое постановление было введено правительством в наш Устав, которому мы должны подчиниться».

Однако шла в те годы и научная и научно-организационная работа в Академии наук, свидетельством чему могут быть следующие события, «выхваченные» из череды прочих.

Так, 10–16 января 1929 года проходил Первый Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. Председателем съезда был академик Вавилов. Присутствовало около 2000 участников. Сделано свыше 320 докладов.

В 1929 году была организована аспирантура и 17 августа было решено иметь в Академии 100 аспирантских вакансий. 21 мая 1930 года принято решение состав аспирантуры довести до 250 человек. Но еще ранее 13 мая 1929 года на заседании Политбюро ВКП(б) разрешено недавно избранному академику Бухарину иметь аспирантов при Академии наук в неограниченном количестве. 1 января 1933 года общее количество аспирантов Академии наук составило 405 человек

Октябрь 1929 года
Создана комсомольская организация Академии наук.

2 февраля 1930 года (опять 2-го)
Состоялось торжественное годовое собрание Академии наук. С докладом «Ленин и кризис новейшей физики» выступил академик-коммунист А.М.Деборин³⁸ (один из трех, что сразу не избрали год назад.)

Название данного доклада не должно было вызывать удивления в то время, так как сын биолога К.А.Тимирязева - физик А.К.Тимирязев³⁹, известный своими нападениями на теорию относительности, квантовую механику и их полным отрицанием, опубликовал в журнале «Под Знаменем Марксизма» (!) в 1925 году короткую статью «Экспериментальное опровержение теории относительности». И это только одна из многих статей данного автора на подобные темы в этом журнале.

19 мая 1930 года
ЦК ВЛКСМ принял постановление «О подготовке научных кадров и выдвижении комсомольцев на научную работу». Ставилась задача решительного улучшения социально-классового состава аспирантов.

30 мая 1930 года
Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР утвердил список учреждений Академии наук, среди которых была Лаборатория генетики с отделением в Москве. В этот же день принято постановление о переводе всех академических учреждений на шестидневную рабочую неделю с твердыми выходными днями 6, 12, 18, 24 и 30-го числа каждого месяца. Продолжительность рабочего дня установлена с 10 часов до 16 часов 30 минут.

24 июня 1930 года
Вавилов подал наркому земледелия Я.А.Яковлеву записку «Некоторые соображения о ближайшем будущем развития сельского хозяйства в СССР», в которой обрисовал перспективу освоения пространств Сибири, Дальнего Востока и Казахстана для расширения посевных площадей и решения зерновой проблемы.

21 апреля 1931 года
АН СССР совместно с Ленинградским отделением Комкадемии и Обществом биологов-марксистов было организовано торжественное заседание, посвященное 50-летию со дня смерти Чарльза Дарвина.

12 июня 1931 года
Вавилов от имени Академии наук направил американскому генетику К.Бриджесу приглашение на работу в СССР в течение осени 1931 - зимы 1932 годов. В письме оговаривались условия работы и оплаты.

21 – 27 июня 1931 года
В Москве работала чрезвычайная выездная сессия АН СССР – первая выездная сессии, работавшая вне Ленинграда. Она была посвящена теме «Что может дать наука для осуществления лозунга «Догнать и перегнать капиталистические страны»».

19 марта 1932 года
Вавилов направил в Президиум письмо о желательном приглашении болгарского генетика Д.Костова для работы в Лабораторию генетики АН СССР.

³⁸ настоящая фамилия Деборина – Иоффе, однофамилец другого академика-физика А.Ф.Иоффе.
³⁹ к А.К.Тимирязеву еще вернемся, впрочем, как и к К.А.Тимирязеву

25 – 29 июня 1932 года

В Ленинграде проходила Всесоюзная конференция по планированию генетико-селекционных исследований, организованная тремя Академиями: АН СССР, Комакадемией и ВАСХНИЛ. Оргкомитет конференции возглавил Вавилов.

26 июля 1932 года

Академик Вавилов направил письмо в Комитет по заведованию ученым и учебными учреждениями ЦИК СССР, в котором сообщалось о решении АН СССР и ВАСХНИЛ ходатайствовать о проведении VII Международного съезда по генетике в 1937 году на территории СССР.

2 февраля 1933 года (в очередной раз 2-го числа)

Состоялось торжественное годовое собрание Академии наук за 1932 год.

3 ноября 1933 года

Вавилов подал записку в Президиум о необходимости преобразования лаборатории генетики в Институт, и 4 ноября решение было принято.

25 ноября 1933 года

Президиум утвердил состав Комиссии по изучению атомного ядра в составе: академик А.Ф.Иоффе (председатель), член-корреспондент Г.А.Гамов, И.В.Курчатов, С.Э.Фриш, Л.В.Мысовский, А.И.Лейпунский. *(Здесь нужно заметить, что вошедший в состав данной Комиссии Гамов вместе со своей женой вскоре стал «невозвращенцем» и, уже работая в США, на основании элементарных математических расчетов пришел к заключению, что аминокислоты должны кодироваться триплетами нуклеотидов, что стало известно потом под термином – «избыточность генетического кода».)*

13 января 1934 года

СНК СССР принял постановление «Об ученых степенях и званиях. Устанавливались ученые степени кандидата и доктора наук, ученые звания ассистента (в высших учебных заведениях) или младшего научного сотрудника (в научно-исследовательских институтах), доцента (в высших учебных заведениях) или старшего научного сотрудника (в научно-исследовательских учреждениях), профессора (в высших учебных заведениях) или действительного члена научно-исследовательского учреждения.

11 марта 1934 года

Президиум рассмотрел вопрос о порядке применения в Академии наук постановления СНК СССР «Об ученых степенях и званиях». Решено считать, что звание действительного члена научно-исследовательского учреждения в условиях Академии соответствует должности старшего специалиста, звание старшего научного сотрудника — должности специалиста, звание младшего научного сотрудника — должности научных сотрудников 1-го и 2-го разряда. Образованы квалификационные комиссии по дисциплинам для проверки соответствия сотрудников Академии научным степеням.

8 февраля 1934 года состоялось Общее собрание Академии наук, посвященное 100-летию со дня рождения Д.И.Менделеева. Оно проводилось «день в день», но так как Менделеев родился в 1834 году, то разница между старым и новым стилями в XIX столетии составляла 12 дней и, следовательно, его день рождения пришелся на 27 января. А умер Менделеев уже в XX столетии с 13 дневным различием между датами в календарях, и это случилось 20 января 1907 года, что сейчас соответствует 2 февраля по новому

стилю, что также отчасти совпадает с одной из дат образования Академии наук в России. Чуть позже, 28 апреля 1934 года принято Постановление об учреждении ежегодно 8 февраля – в день рождения Менделеева – проведения торжественных заседаний для чтения выдающихся научных работ по химии и физико-математическим дисциплинам. Согласно тому Постановлению торжественные заседания в честь Менделеева проводились бы в одну из дат образования Академии, что можно было даже рассматривать как некую компенсацию тому, что такого выдающегося химика (и не только химика) не избрали членом Академии в 1880 году.

25 апреля 1934 года

СНК СССР принял постановление «О переводе Академии наук СССР в Москву». Перевод обосновывался необходимостью дальнейшего приближения Академии наук и ее учреждений «к научному обслуживанию социалистического строительства».

27 июля 1934 года

Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение СНК СССР о выделении дополнительных средств в размере 20 тысяч рублей в иностранной валюте на закупку оборудования и иностранной литературы для Академии наук

26 июня 1934 года

Впервые заседание Президиума Академии наук проходило в Москве.

27 июня 1934 года

Председатель ЦИК СССР Калинин принял Президента АН СССР Карпинского. Обсуждались вопросы, касающиеся дальнейшей работы Академии наук.

Ноябрь 1934 года

Институт генетики переехал в Москву и полностью развернул свою деятельность.

В 1934 году закончился Петербургский период жизни Академии, имея в виду локализацию органов управления.

* * *

Печально известный 1937 год и ряд последующих лет не обошли стороной российскую науку и Академию наук в частности, но эти события требуют отдельного повествования, и здесь их касаться не будем. К тому же есть два выпуска сборника «Репрессированная наука» под редакцией М.Г.Ярошевского 1991 и 1994 годов издания. Есть также книга С.Э.Шноля «Герои и злодеи Российской науки», вышедшая в 1997 году. Единственным исключением в данной статье станет судьба выдающегося генетика Н.И.Вавилова. Как уже говорилось выше, компромат на него начали собирать еще в 1930 году, и все последующее десятилетие этот процесс не останавливался. Дело приобрело совсем крутой поворот, когда набирающий (политическую) силу «народный академик» Т.Д.Лысенко, первоначально даже поддержанный Вавиловым, подключил к дискредитации последнего все возможные ресурсы, включая партийную систему, а также своего главного помощника И.И.Презента,

всячески очерняющего действия Вавилова и написавшего Докладную записку председателю СНК СССР Молотову о недопустимости проведения в Москве под эгидой Вавилова 7-го Международного генетического конгресса, послужившую поводом для запрета организации этого крайне важного, в том числе для ученых нашей страны мероприятия.

Всю абсурдность предъявляемых Вавилу претензий можно видеть даже из письма прокурора Октябрьского района Ленинграда в конце 1939 года обратившего внимание директора ВИРа (т.е. самого Вавилова) на то, что, «по имеющимся в прокуратуре сведениям», он недостаточно регулярно отвечает на заметки стенной газеты Института. И поскольку «Заметки» эти были преимущественно посвящены «вредителям», получается, что Вавилов как будто их покрывал. В 1940 году Наркомземом Вавилу было поручено возглавить научную комплексную экспедицию по западным областям Белоруссии и Украины, присоединенным к СССР в 1939 году, и в ходе этой экспедиции 6 августа 1940 года Вавилов был арестован в городе Черновцы.

Следствие по делу Вавилова продолжалось 11 месяцев, причем во время допросов он, как считается, неоднократно подвергался пыткам, в результате которых дал показания о том, что занимался вредительством по заданию бывшего наркома земледелия СССР Яковлева, арестованного и расстрелянного незадолго до этого. Вавилова также обвиняли в том, что он являлся одним из руководителей на самом деле никогда не существовавшей «Трудовой крестьянской партии» и поводом для этого служило то, что ранее Вавилов ходатайствовал за арестованных по делу этой самой мифической партии, среди которых были известные агрономы и ученые. Все «дело Вавилова» от начала до конца было полностью сфабриковано. В конце июня 1941 года следствие затребовало характеристику на Вавилова как ученого, и готовили ее сторонники и сотрудники Лысенко, от которых ждать объективной оценки деятельности Вавилова было нереально. И это лишний раз подтверждает участие Лысенко в аресте Вавилова и «следствия» над ним.

9 июля 1941 года состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР в составе так называемой «тройки», приговорившей Вавилова к расстрелу. Согласно протокола судебного заседания, Вавилов на суде частично себя виновным признал (возможно в надежде на смягчение приговора), но затем подал заявление на имя наркома внутренних дел СССР Л.П.Берии, в котором отказывался от ранее данных им показаний и заявил, что он «никогда не занимался контрреволюционной деятельностью». Того же 9 июля 1941 года Вавилов обратился с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР

о помиловании, однако 26 июля 1941 года это ходатайство было отклонено. В связи с приближением немецких войск к Москве и начавшейся эвакуацией 15 октября 1941 года Вавилов был этапирован в тюрьму № 1 Саратова, где находился с 29 октября 1941 года по 26 января 1943 года вплоть до своей смерти.

25 апреля 1942 года Вавилов направил новое заявление на имя Берии с просьбой о смягчении участи, предоставлении работы по специальности и разрешении общения с семьей. 13 июня 1942 года заместитель Берии В.Н.Меркулов направил заявление на имя председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В.В.Ульриха, в котором ходатайствовал о замене Вавилу высшей меры наказания заключением в исправительно-трудовые лагеря НКВД (в ГУЛАГ) сроком на 20 лет, ввиду возможности использования последнего на работах, имеющих оборонное значение. 23 июня 1942 года Президиум Верховного Совета СССР постановил заменить Вавилу высшую меру наказания 20 годами лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Есть предположение, что определенное влияние на Берию могла оказать позиция академика Д.Н.Прянишникова, с самого момента ареста Вавилова активно его защищавшего и ходатайствовавшего о смягчении приговора и добившегося личной встречи с Берией (жена Берии была аспиранткой на кафедре Прянишникова). Могло сыграть определенную роль и то, что Лондонское Королевское Общество 23 апреля 1942 года объявило об избрании Вавилова своим иностранным членом, тем более, что наши страны тогда находились в одной антигитлеровской коалиции. Однако на содержании Вавилова в тот момент это никак не сказалось, и наступившая в последний год жизни Вавилова дистрофия привела к его смерти. Так страна потеряла выдающегося ученого, Генетика с большой буквы.

* * *

Новые тяжелые испытания выпали на науку и на весь советский народ из-за вероломного нападения на нашу страну фашистских захватчиков. Уже 23 июня 1941 года состоялось внеочередное расширенное заседание Президиума АН СССР. От имени Академии собравшиеся заверили, что отдадут все свои силы, энергию и свою жизнь за победу над врагом. Решения, принятые на том заседании, положили начало перестройке работы научных учреждений Академии для нужд обороны. Было решено немедленно направить все силы и средства на исследование, связанные с обороной и народным хозяйством, устанавливая дополнительные контакты с военными организациями. И результаты не заставили себя долго ждать. В кратчайшие сроки под руководством академика П.Л.Капицы был разработан метод обезвреживания неразорвавшихся фугасных

бомб. Спустя много лет после войны, когда одного из крупнейших математиков XX века — академика А.Н.Колмогорова спросили, какое из своих прикладных исследований он считает наиболее важным, то он ответил, что особенно гордится выполненным осенью 1941 года срочным заданием по составлению таблиц упреждения при бомбометании в зависимости от высоты полета и скорости самолета. Ему пришлось неделю не выходить из здания Академии наук, но подготовленные таблицы были немедленно размножены и направлены в войска. Член-корреспондент из Института механики Н.Г.Четаев рассчитал оптимальную нарезку орудийных стволов, что увеличило кучность боя и прочие важные моменты при артиллерийских выстрелах.

Ученые Академии принимали и непосредственное участие в боевых действиях. Так, академик Ю.В.Линник из Ленинградского отделения Математического института им. Стеклова с начала войны ушел добровольцем и командовал военно-топографической разведкой артиллерийского полка под Ленинградом. При этом он умудрялся не прекращать научной деятельности. Член-корреспондент П.Ф.Швецов командовал ротой разведчиков, а другой член-корреспондент Г.Д.Афанасьев — минометным взводом. Всего в первые месяцы войны на фронт ушло около двух тысяч сотрудников Академии. Число аспирантов с 1162 человек по состоянию на 1 января 1941 года сильно сократилась, и к 1942 году их оставалось всего 80 человек. Однако уже к 1945 году число аспирантов стало превышать довоенный уровень.

Процесс перестройки работы Академии в военный период осложнился начавшейся эвакуацией. Первоначально предполагалось эвакуировать Академию наук в Томск, но затем было решено разместить ее поближе — в Казани. 16 июля 1941 года такое решение было окончательно принято, и уже 22 июля из Москвы в Казань выехали первые 11 институтов и лабораторий.

Осенью 1941 года в связи с приближением противника к Москве было решено эвакуировать все оставшиеся в столице к тому времени научные учреждения. Начался второй этап эвакуации, длившийся с 15 октября до конца 1941 года. Геологические институты были эвакуированы на Урал, а учреждения гуманитарного и биологического профилей в республики Средней Азии. Не все научные учреждения Ленинграда удалось эвакуировать из-за блокады, и оставшиеся ученые героически выносили все тяготы голодной и холодной зимы 1941/42 годов. В июле 1942 года удалось эвакуировать почти всех ученых из северной столицы.

Наиболее крупным центром сосредоточения научных сил страны стала Казань, в которой разместилось 33 научных учреждения. В Свердловске оказались поначалу два института, и позднее Институт горного дела был переведен туда из Казани. Во Фрунзе эвакуировали 5 институтов биологического профиля. В ряде городов Средней Азии были размещены гуманитарные институты. К началу 1942 года академические учреждения были размещены в 45 населенных пунктах страны. В Москве и Ленинграде оставалось 10 академиков и 34 члена-корреспондента.

Для решения организационных вопросов важное значение имело проведенное в Свердловске 3 – 8 мая 1942 года Общее собрание Академии, куда из различных мест прибыло 69 академиков и 40 член-корреспондентов. Удачным решением для связи с военными организациями явилось создание специальных оборонных комиссий для нужд армии. Среди них была Военно-санитарная комиссия при Президиуме АН СССР, координировавшая усилия по целому спектру направлений. Другая комиссия, созданная при Отделении биологических наук и располагающаяся в Казани, занималась выявлением дополнительных пищевых ресурсов и подразделялась на две подкомиссии — Ботаническую и Зоологическую.

Огромную роль в победе над врагом сыграло открытие и развитие «Второго Баку». В сентябре 1943 года в Туймазах была найдена девонская нефть глубокого залегания. Благодаря научным изысканиям, добыча нефти на промыслах в Башкирии за годы войны выросла в 12 раз.

Победоносное наступление Красной армии под Москвой и дальнейшее освобождение оккупированных территорий позволили начать возвращать из эвакуации научные учреждения в места их постоянного пребывания. Уже с начала 1942 года в Москву стали возвращаться отдельные лаборатории академических институтов. 13 марта 1943 года СНК СССР принял решение о возвращении в Москву 75 учреждений, что осуществлялось в три очереди, и было завершено к концу года. В Ленинград Институты стали возвращаться позднее. Первая сессия Академии наук в Москве состоялась 25 – 30 сентября 1943 года, что положило начало нового периода функционирования Академии в годы войны.

Война не привела к приостановке развития Академии наук. Число академических учреждений за годы войны даже выросло. Стали появляться региональные филиалы Академии наук — весной 1945 года филиал был организован в Казани, осенью 1945 года — создали Карело-финскую базу Академии наук. Уже после войны в 1951 году был образован Башкирский филиал АН СССР в Уфе, в которой в годы войны находилась эвакуированная Академия наук Украинской ССР.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны 9 мая 1945 года было обеспечено, в том числе и неустанным трудом ученых на своих рабочих местах, поскольку для всей страны действовал призыв – «Все для фронта, все для победы!». Кульминацией Победы для ученых стало празднование 220-ой годовщины с момента открытия Академии наук, что вылилось в грандиозное торжество, о котором выше уже говорилось.

Война нанесла Академии наук огромный материальный ущерб. Были повреждены здания многих академических учреждений, особенно в Ленинграде. На оккупированной территории были безвозвратно утеряны многочисленные коллекции, научные издания и архивы. Началось послевоенное восстановление Академии наук. После смерти Президента Академии наук Комарова, последовавшей вскоре после завершения праздничных торжеств 17 июля 1945 года, этот пост занял родной брат Н.И.Вавилова С.И.Вавилов, пробывший Президентом до 21 января 1951 года.

Верховный Совет СССР утвердил пятилетний план «восстановления и развития народного хозяйства на 1946-1950 гг.». Принятый Общим собранием Академии наук в июле 1946 года пятилетний план научно-исследовательских работ предусматривал более 700 фундаментальных и прикладных научно-исследовательских, научно-изыскательских и опытно-конструкторских работ, направленных на развитие приоритетных направлений науки. Однако воплощение этих планов затрудняла начавшаяся «холодная война». Так, уже в 1945 году США запретили экспорт в СССР новейшей техники и технологий.

Академия наук СССР тогда выступила в качестве одного из важнейших центров, координирующих научные исследования в масштабах всей страны. Хорошо себя зарекомендовала практика выделения головных институтов, отвечающих за разработку отдельных научных проблем и комплексных тем. Продолжали открываться новые Институты, в сентябре 1949 года Кольская, Дальневосточная, Коми, Карело-Финская, Дагестанская, Крымская, Молдавская, Сахалинская и Якутская научно-исследовательские базы были преобразованы в филиалы Академии наук.

Одним из важнейших направлений в деятельности ученых Академии наук являлось продолжение ядерных исследований, начатых еще в предвоенный период (о чем упоминалось выше) и, в особенности, работ по созданию советской атомной бомбы – так называемый атомный проект, курировавшийся лично Берией. Главенствующую роль в этом играла Лаборатория № 2 АН СССР под руководством И.В.Курчатова.

* * *

На многих направлениях науки Академия являлась форпостом перспективных исследований, которые поступательно развивались. Чего, к сожалению, нельзя сказать о такой биологической дисциплине, как генетика. Уже упоминавшийся Лысенко монополизировал исследования в некоторых областях биологии, назвав их мичуринской агробиологией, отрицая при этом законы Менделя. И хотя это противостояние имело место преимущественно в другой академии – ВАСХНИЛ, но оно не могло не отражаться и на проводившихся исследованиях в биологии в «большой» Академии, тормозя их переход на современный уровень. Причем нешуточная борьба с генетикой шла с середины 1930-х годов, и Вавилов, в том числе, пал ее жертвой. Не хочется уделять этому мракобесию много места, но обойти вниманием печально знаменитую Августовскую сессию ВАСХНИЛ просто нельзя. В прошлом году минуло 75 лет с того события, и дата эта отнюдь не юбилейная, а самая что ни на есть трагическая. Однако необходимо обратиться к «Летописи Академии наук, где в четвертом томе запротоколированы отдельные события тех дней.

31 июля - 7 августа 1948 года состоялось расширенное заседание (сессия) Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И.Ленина (ВАСХНИЛ), организованное Лысенко и его сторонниками. Лысенко выступил с докладом «О положении в советской биологической науке», предварительно отредактированным Сталиным. В докладе Лысенко резко критиковал труды теоретика эволюционного учения Августа Вейсмана, основоположника учения о наследственности Грегора Менделя, одного из основоположников генетики Томаса Морганна, заявив, что «вейсманизм, а вслед за ним менделизм-морганизм своим острием были направлены против материалистических основ теории Дарвина». Идеологические, а не научные цели⁴⁰ сессии ВАСХНИЛ также обозначил в своем выступлении Презент: «Нас призывают здесь дискуссировать. Мы не будем дискуссировать с морганистами, мы будем продолжать их разоблачать как представителей вредного и идеологически чуждого, привнесенного к нам из чуждого зарубежья, лженаучного по своей сущности направления».

Здесь нужно сказать, что эта представленная в 7-ом томе «Летописи» информация явно не тех лет, поскольку в ней прослеживается отрицательное отношение к Лысенко и к его подручным, что в те годы было просто невозможно. Но как себя повела Академия наук СССР в то время, можно увидеть из

⁴⁰ выделено нами, поскольку это однозначно характеризует отношение лысенковцев к своим коллегам

реальных ее действий, отраженных в той же Летописи, приведенных нами в несколько сокращенном и слегка измененном виде, но не меняя суть.

24-26 августа 1948 года

Состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР под председательством президента АН СССР акад. С.И.Вавилова⁴¹, посвященное обсуждению состояния и задач биологической науки в институтах и учреждениях АН СССР. На заседании были полностью поддержаны воззрения акад. Лысенко, представленные им в докладе «О положении в биологической науке» на прошедшей в начале августа сессии ВАСХНИЛ. 24 августа с основным докладом о работе Отделения биологических наук АН СССР и допущенных ошибках выступил акад. Л.А.Орбели, с со-докладом — акад. А.И.Опарин. Были высказаны мнения по их докладам и о дальнейшей работе в области биологии, в том числе академиком ВАСХНИЛ Презентом.

Главные выводы выступлений сводились к тому, что «вейсманистско-морганистское» направление в биологии «отстаивает идеалистические и метафизические позиции, оторвано от жизни», и состоявшаяся сессия ВАСХНИЛ «вскрыла реакционную, антинародную сущность» этого направления, разоблачив его последователей — И.И.Шмальгаузена, Н.П.Дубинина, А.Р.Жебрака, С.А.Навашина и др. «Разгром антимичуриного направления открыл новые возможности для творческого развития всех отраслей передовой биологической науки».

Президиум АН СССР был вынужден признать неудовлетворительной собственную работу по руководству биологическими институтами Академии наук. Было признано, что фактическая поддержка представителям лженауки была оказана целым рядом Институтов «большой» Академии. Бюро Отделения биологических наук и его руководитель акад. Орбели не сумели поставить теоретическую работу биологов Академии наук на службу насущным задачам социалистического строительства в области растениеводства и животноводства. Решено было в дальнейших научных исследованиях опираться на труды таких ученых, как ... К.А.Тимирязев, ..., И.В.Мичурин⁴² и некоторых других. 26 августа Президент Академии акад. С.И.Вавилов огласил представленный группой членов Президиума Академии и участников настоящего заседания проект постановления Президиума по вопросу о состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях Академии наук, в котором содержались решения: освободить акад. Орбели от обязанностей академика-секретаря Отделения биологических наук, временно возложив их на акад. Опарина, ввести в состав Бюро Отделения биологических наук акад. Лысенко; освободить акад. Шмальгаузена от должности директора Института эволюционной морфологии им. А.Н.Северцова; упразднить и ликвидировать в ряде Институтов лаборатории, проводящие исследования антимичуриной направленности; обязать Бюро Отделения биологических наук пересмотреть планы научно-исследовательских работ на 1948-1950 гг.; подготовить в течение 1948-1949 гг. издание научной

биографии И.В.Мичурина; обновить составы ученых советов биологических институтов, редколлегий биологических журналов, пополнив их представителями мичуриной науки; Отделению биологических наук провести в октябре 1948 г. широкую сессию, посвященную проблемам развития мичуриной биологической науки, с привлечением сотрудников ВАСХНИЛ, биологических учреждений республиканских академий, филиалов и баз АН СССР; опубликовать материалы расширенного заседания Президиума АН СССР в очередном номере «Вестника Академии наук СССР».

В письме, направленном по итогам заседания Сталину, говорилось: «Президиум Академии наук обещает Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, и в Вашем лице нашей партии и правительству решительно исправить допущенные нами ошибки, перестроить работу Отделения биологических наук и его институтов и развивать биологическую науку в подлинно материалистическом, мичурином направлении».

Нужно сказать, что до этого заседания Президиума АН СССР Академии наук из ЦК ВКП(б) было конкретно указано, что нужно сделать и Академии пришлось строго выполнять данную установку.

10 августа 1948 года

Заведующий Агитпропом ЦК ВКП(б) Д.Т.Шепилов направил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову записку «О деятельности биологического отделения Академии наук СССР и мерах укрепления биологических институтов», страдающего серьезными недостатками». Отмечалось, что «в течение последних нескольких лет в Академии наук не прекращалась борьба между мичуриным и формально-генетическим направлениями в биологии. После разгрома формально-генетической школы Николая Вавилова и назначения на пост директора Института генетики академика Лысенко морганисты стали собирать свои силы в других институтах биологического отделения. Также отмечалось, что «руководитель биологического отделения академик Орбели, проживая в Ленинграде и в Москве бывая изредка, деловой работой в отделении не занимается. Предлагался целый ряд решений, которые и были упомянуты выше и воплощены в жизнь руководством Академии».

Вообще просто удивительно, но лысенковцы, категорически не признававшие хромосомную теорию наследственности, считали генетиков идеалистами, а себя - материалистами, но при этом полностью отрицая материальную основу наследственности в виде генов, состоящих из такого химического вещества как ДНК⁴³, и рассуждая о некоей идеалистической «переделке природы воспитанием». И на все на это власть предрержащие не обращали никакого внимания или скорее просто не понимали, о чем идет речь. И последнее – вернее.

В связи с тем, что Лысенко прикрывался именами ряда известных ученых и употребляли их всеу – в частности упомянутых нами Мичурина и Тимирязева, то последним необходимо уделить некоторое внимание.

⁴¹ Позже в своем дневнике, подытоживая впечатления от тех прошедших заседаний, С.И.Вавилов записал «Все так грустно и стыдно».

⁴² мы неслучайно акцентировали внимание только на этих ученых, как наиболее знаковых фигурах, и дальше станет понятно почему

⁴³ о чем уже, по крайней мере, с середины 1940-х годов было известно

На самом деле Мичурин, вопреки сложившемуся мнению, о Менделе отзывался даже в чем-то и положительно и это совсем нетрудно доказать. Достаточно обратиться к избранным сочинениям Мичурина [Мичурин (Michurin), 1948]. Около 150 написанных в разные годы Мичуриным статей приведены в этой книге, будучи разбиты на разделы, заголовки которых, как указывается, даны самой редакцией. Один из них (VI) называется «О менделизме» и в нем всего две (!) статьи 1915 и 1929 годов. Первая озаглавлена «О неприменимости законов Менделя в деле гибридизации» и к такому выводу Мичурин пришел на основе опытов по скрещиванию лилий с разной окраской цветков. Во второй более поздней статье лишь в первом предложении упоминаются законы Менделя, и Мичурин рекомендует при скрещиваниях «ограничиваться наблюдением наследственной передачи одного из двух признаков, как это имеет место у самого Менделя, в его опытах с горохом», что можно расценить, скорее, как положительное отношение Мичурина к ним. К тому же это была более поздняя статья Мичурина на эту тему. Да и других статей Мичурина с осуждением Менделя сторонники Лысенко не нашли.

Относительно пропагандировавшейся Мичуриным, а затем лжеученым Лысенко и его приспешниками так называемой «вегетативной» гибридизации, которой по канонам классической генетики быть не может, то с ней не все так однозначно. Безусловно, в настоящем понимании процесса гибридизации в виде объединения по законам наследования разнородного генетического материала простой прививкой гибридное растение получить нельзя, однако в настоящее время благодаря достижениям генной инженерии возможно путем слияния протопластов получать соматические гибриды даже разных видов растений, в том числе с образованием в ряде случаев фертильного потомства.

Показано, что при создании транспластомных растений (т.е. несущих модификации в хлоропластном геноме) в месте прививки происходит обмен содержащимся в хлоропластах генетическим материалом. Продемонстрирована также возможность с использованием CRISPR/Cas технологии геномного редактирования через прививку, посредством которой в привой переносятся для осуществления намеченных мутаций в ядерном геноме необходимые компоненты, предварительно внедренные в подвой [Hu, Gao, 2023]. Однако все это требует проведения генно-инженерных манипуляций высочайшей сложности, и ранее существовавшие помологические технологии принципиально не могли этого позволить сделать и о таковых даже не помышляли. Но вышесказанное отнюдь не означает, что Лысенко был тогда прав. К

тому же проводимые «лысенковскими мичуринцами», с позволения сказать, «исследования», к никаким «вегетативным» гибридам, конечно же, не приводили.

Что касается К.А.Тимирязева, то на нем лежит огромная ответственность за неприятие в нашей стране законов Менделя, над которыми он насмеялся еще с 1910-х годов. Хотя еще в 1909 году Тимирязев восхвалял работы Менделя, но потом резко поменял к ним отношение. Считается, что Тимирязев был прекрасным полемистом, но иногда (в особенности в борьбе с «менделизмом» или как он его называл «мендельянством»), его перехлестывало. В качестве доказательства достаточно привести выдержки из одной его публикации 1913 года [Тимирязев (Timiryazev), 1913]. Тимирязев начинает свою статью следующими словами⁴⁴ – «Мне уже не раз приходилось говорить на страницах «В.Е.»⁴⁵ о менделизме и особенно об увлечениях мендельянцев, пытающихся придать этому учению, имеющему очень ограниченную область применения, какое-то чуть не универсальное значение. Особенно этим увлечением заражена небольшая кучка английских зоологов и ботаников – Бэтсон и его подголоски, разные⁴⁶ Пунеты и Донкастеры, Локки и Киббли. Они, не стесняясь, величают сделавшего за всю жизнь небольшое, но хорошее исследование, скромного брюннского монаха – вторым Пастером, вторым Ньютоном, затмившим и заслонившим собою значение Дарвина. Каждый раз, когда мне приходилось касаться этого вопроса, я указывал на то, что учение Менделя не только смешно даже и сравнивать с таким действительно универсальным учением, как дарвинизм, но что оно даже не играет той роли, которую ему приписывают в более ограниченной области учения о наследственности. А главное, я каждый раз указываю, что менделизм сам по себе не в состоянии разрешать тех задач, за которые берется...».

Далее Тимирязев выказывает свое отношение к основной публикации Менделя в виде следующей тирады - «Под открытием следует разуметь библиографическую находку забытого или, вернее, вовсе незамеченного при его появлении произведения Менделя. Причиной незаслуженного забвения было появление этого исследования в почти никому неизвестном журнальчике, неизвестного общества в

⁴⁴ текст даем в современной орфографии

⁴⁵ «В.Е.» - Вестник Европы

⁴⁶ воздержимся от комментариев в связи с

использованием здесь Тимирязевым прилагательного «разные», а также упоминания некоторых ученых как «подголосков» и предоставим читателю самому определиться со своим отношением к этому

городке Брюнн, в Моравии»⁴⁷. И усиливает его отрицательную характеристику - «... искусственно раздутого, почти фанатического превознесения труда Менделя...».

Наконец Тимирязев делает важное заключение о начинающемся противостоянии в науке - «Менделианство (еще раз повторяю не Мендель) только небольшой эпизод на фоне той новой борьбы <...> - борьбы между почуявшим вновь силу клерикальным обскурантизмом и наукой». Только Тимирязев, к сожалению, не понял и не разобрался, что есть «наука», а что наоборот. А Лысенко и сотоварищи подхватили этот неверный тезис, также, не будучи способными «отделить зерна от плевел», даром, что были аграрии.

В конце той своей статьи 1913 года Тимирязев, осуждая «образованного англичанина», сам прибегает к неинтеллигентным высказываниям, которые все же для полноты картины стоит привести полностью - «В свою очередь, Бэтсон (что совершенно необычно для образованного англичанина) заботливо защищает Менделя от возможности заподозрить его еврейское происхождение. Приложенные в книге Бэтсона три (одного ему показалось мало) портрета Менделя – целая драма человеческой жизни. Простоватый крестьянский парень, которого зажиточный отец, вероятно, отдал в монастырь, для того, чтобы вывести в господа, на самом раннем из портретов – бойкий молодой монах, с огоньком в глазах, увлекающийся научным движением своего времени и командированный братией учиться физике и математике в венский университет, а на последнем – это разжиревший, с потухшим взглядом настоятель, весь ушедший в материальную борьбу за привилегии своей касты, за освобождение своего монастыря от уплаты законных налогов».

Можно быть ярким полемистом и даже в запале сказать что-то лишнее (что в любом случае не прибавит чести говорящему), но не стесняться обдуманно излагать свои, по сути, неприличные мысли на бумаге... Ведь, как известно, «что написано пером, то не вырубишь топором». А лысенковцы прикрывались именем этого человека. И до сих пор его имя носят разные научные учреждения в нашей стране,

⁴⁷ В связи с недавно отмечавшимся двухсотлетием со дня рождения Менделя нами опубликованы две статьи, в которых исключены некоторые неточности, ранее кочующие в русскоязычных публикациях из одной в другую, и довольно подробно освещена жизнь этого монаха, не ставшего выдающимся ученым своего времени, только потому что признание пришло гораздо позже [Герашенков и др. (Gershchenkov et al.), 2023; Салтыкова и др. (Saltykova et al.), 2023], и из них отчетливо видна неправота Тимирязева и его некомпетентность.

в том числе не имеющие на то особых исторических оснований, за исключением принятия Тимирязевым с энтузиазмом Октябрьского переворота.

Весьма детально развитие отечественной генетики, а также противостояние «дарвинистов» и менделистов» изложено в книге А.Е.Гайсиновича «Зарождение и развитие генетики»⁴⁸ [Гайсинович (Gaissinovich), 1988] и в ней, в частности, приводятся слова известного отечественного ученого Н.К.Кольцова, смело и резко высказавшегося о его несогласии с критикой менделизма Тимирязевым, замечая, что последний особенно сильно повредил успехам нового учения в России. Мягко, но решительно выступил против Тимирязева в этом вопросе открывший двойное оплодотворение его ученик Навашин.

И если Тимирязев-старший оказался лишь косвенно причастен к Августовской сессии ВАСХНИЛ, почив задолго до ее начала, то Тимирязев-младший непосредственно был деятельным организатором аналогичной сессии (Совещания) в области физических наук, по счастью не состоявшегося. На протяжении трех десятилетий Тимирязев-младший был одним из активнейших критиков «физического идеализма», отрицая теорию относительности и квантовую механику. Вдохновленные «успехом» Августовской сессии ВАСХНИЛ «физики-материалисты», опираясь на труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», вознамерились устроить такое же «побоище» своим оппонентам путем намеченного на 21 марта 1949 года «Всесоюзного совещания заведующих кафедрами физики высших учебных заведений и научных работников Отделения физико-математических наук Академии наук СССР» и стали к нему основательно готовиться⁴⁹, чтобы занять потом руководящие посты, где удастся и пересмотреть преподавание физики в правильном ключе в их понимании, вдохновившись состоявшимся запретом генетики.

Иницирующим моментом стало письмо Министра высшего образования СССР С.В.Кафтанова и Президента АН СССР С.И.Вавилова от 3 декабря 1948 года. Все перипетии имевших место событий детально изложены в книге А.С.Сониной [Сонин (Sonin), 1994] и статье В.П.Визгина [Визгин (Vizgin), 1999] и поэтому нет необходимости их здесь пересказывать, но лишь отметим, что «спасла» физиков от разгрома «ядерная бомба», которую создать без тех направлений физики, против которых выступали Тимирязев-младший и его единомышленники, было бы невозможно. Официально то Совещание было отменено

⁴⁸ эту книгу можно рекомендовать прочесть всем, кто интересуется историей науки (генетики)

⁴⁹ только протоколов 42 заседаний Оргкомитета по подготовке совещания с 20 декабря 1948 года по 16 марта 1949 года образовалось более тысячи страниц

(отсрочено) Постановлением ЦК ВКП(б) с формулировкой «из-за неподготовленности». К сожалению документов, почему такое решение было принято и с чьей подачи это произошло, не сохранилось или они пока не найдены, в связи с чем существует на этот счет немало версий, но все они так или иначе сходятся в одном – спас физиков «атомный проект».

2 февраля 1949 (*опять 2 февраля*)

Состоялось годовое собрание АН СССР. Во вступительном слове президент АН СССР акад. С. И. Вавилов отметил: «Деятельность Академии наук с каждым годом растет вглубь и вширь вместе со всем Советским государством, с его культурой. 225-й год жизни Академии оставит глубокий след в ее истории.

Возвращаясь к биологии, нужно сказать, что, вне всякого сомнения, Лысенко и его сторонники при поддержке партийной системы нанесли отечественной биологической науке и, в особенности, генетике огромный и даже непоправимый урон, если принять во внимание устранение целого ряда выдающихся ученых, в том числе и физическое их уничтожение. Только после отстранения в октябре 1964 года со всех постов Хрущева, также как и Сталин, всемерно поддерживающего Лысенко, наступил долгожданный перелом и всего через несколько дней после Пленума ЦК КПСС (о котором будет говориться ниже) в печати стали появляться статьи, реабилитирующие генетику. Уже в декабре 1964 года были намечены конкретные мероприятия по восстановлению генетики как науки в академических учреждениях СССР. В нескольких научных журналах 1965 года в связи со столетним юбилеем основной статьи Менделя по гороху появились невозможные ранее статьи об этом монахе-ученом, его открытии и в целом о генетике.

Следует сказать, что борьбу с Лысенко начали ботаники, которые для подрыва его монополии использовали провозглашенный в докладе Маленкова на XIX съезде ВКП(б) - КПСС в 1952 году тезис, что наука не может свободно развиваться без критики и самокритики, о чем подробно говорится в статье Э.И.Колчинского и М.Б.Конашева [Колчинский, Конашев (Kolchinskij, Konashev), 2003]. В том же году директор Ботанического института им. В.Л.Комарова член-корреспондент П.А.Баранов направил в Президиум АН СССР докладную записку, акцентируя внимание на необходимости возобновления работ по полиплоидии и гетерозису, ссылаясь на американских генетиков и селекционеров по гибридной, высокоурожайной кукурузе. Тогда же впервые после Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года прозвучала публичная критика воззрений Лысенко на проблему вида и видообразования, имевшая место на страницах «Ботанического журнала» и «Бюллетеня Московского общества испытателей природы», главным редактором которых был академик

В.Н.Сукачев. Важную роль сыграло и так называемое «письмо трехсот» (хотя подписали его 250 человек), развенчивающее «достижения» «народного академика», а также складывающееся прочее недовольство ситуацией в биологической науке в стране, высказываемое представителями различных научных направлений, среди которых весьма значимым было мнение физиков-ядерщиков. Так, три известных физика академики Я.Б.Зельдович, В.Л.Гинзбург и П.Л.Капица выступили с заявлением против Лысенко, объявив его труды лженаукой.

Хотя Хрущеву в 1956 году и пришлось снять Лысенко с должности Президента ВАСХНИЛ, однако это не помешало ему в сентябре 1958 года вручить тому уже седьмой по счету Орден Ленина. А назначил Хрущев Лысенко вновь на эту должность 9 августа 1961 года якобы в надежде на поддержку последнего тогдашней «царицы полей» - кукурузы, но обманулся в ожиданиях и отстранил Лысенко от президентства 5 апреля 1962 года уже окончательно с формулировкой «по состоянию здоровья».

Тем не менее, пока Хрущев оставался у власти, он продолжал поддерживать как самого Лысенко, так и его сторонников. В частности, АН СССР оказалась на грани своего закрытия из-за того, что 26 июня 1964 года не был избран в академики один из ближайших соратников Лысенко Н.И.Нуждин. При обсуждении его кандидатуры против выступили биохимик В.А.Энгельгардт, физики А.Д.Сахаров, И.Е.Тамм, М.А.Леонтович. Попросил слова и Лысенко, но его выступление не помогло и Нуждин избран не был. Хрущев был этим возмущен до крайности.

Здесь стоит обратиться к статье В.Ю.Афиани и С.С.Илизарова [Афиани, Илизаров (Afiani, Pizarov), 1999], один заголовок которой ««... мы разгоним к чертовой матери Академию наук», - заявил 11 июля 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев», уже ясно говорит о намерениях тогдашнего главы государства. Благодаря рассекречиванию ряда документов КПСС был снят гриф секретности со стенограммы Пленума ЦК КПСС от 11 июля 1964 года, и ее фрагменты приведены в цитируемой статье. Этот Пленум проходил вскоре после того самого Общего собрания Академии наук, и выступление Хрущева на нем не планировалось, но он неожиданно взял слово и, начав с проблем сельского хозяйства⁵⁰,

⁵⁰ При этом Хрущев сказал «К нашему позору, мы в прошлом году покупали лук в Египте, мы – Советский Союз». И здесь возмущение Хрущева понять можно, но оно скорее должно было быть адресовано ВАСХНИЛ, как отвечающей за сельскохозяйственное производство – тому же Нуждину, Лысенко и всей их компании.

перешел к науке, в частности к несостоявшемуся избранию Нуждина, однако Хрущев тогда перепутал и сказал, что не избрали академиком АН СССР академика ВАСХНИЛ В.Н.Ремесло⁵¹, но его кандидатура тогда и не рассматривалась, так как не набрала нужного числа голосов еще на голосовании в Отделении.

Что случилось бы с АН СССР в дальнейшем трудно сказать, но вскоре 14 октября того же 1964 года на таком же Пленуме ЦК КПСС Хрущев был снят со всех постов, и в своих выступлениях участники Пленума ему припомнили и его угрозу разгона Академии. Впрочем, Хрущев намеревался сделать это и раньше и даже делал некоторые практические шаги в 1959, 1961 и в 1963 годах. Известно, что в апреле 1961 года Хрущев угрожал распустить АН СССР, на что Президент А.Н.Несмеянов вынужден был сказать: «Ну что же Петр Великий открыл Академию, а Вы ее закроете». В итоге Несмеянов написал заявление о сложении с себя полномочий Президента 4 мая 1961 года, а 19 мая 1961 года Общее собрание ее приняло.

Однако Хрущев своим волонтаристским решением ликвидировал региональные филиалы Академии наук СССР. В частности, 21 ноября 1963 года вышло Распоряжение Президиума АН СССР «О мероприятиях в связи с прекращением деятельности Башкирского, Карельского и Казанского филиалов АН СССР».

Поскольку относительно много внимания в данной статье уделено биологическим исследованиям, то стоит кратко коснуться их организационной структуры в составе Академии наук за последнее столетие. Так, не вдаваясь в события старины далекой, отметим, что история нынешнего Отделения биологических наук начинается с 1938 года, когда оно было организовано на базе упраздненной Группы биологии, которая существовала, как Биологическая группа еще с 1929 года в составе Отделения математических и естественных наук АН СССР; в 1932-1934 годах эта группа входила в состав Биологической ассоциации; в 1934-1937 годах – была на время возвращена в Отделение математических и естественных наук.

В 1963 году Отделение биологических наук в связи с реорганизацией структуры АН СССР было ликвидировано и на его базе были созданы Отделение общей биологии и Отделение физиологии. В это же время было образовано просуществовавшее с 1963 года по 1994 год Отделение биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений (в 1963-1988 годах оно подчинялось Секции химико-технологических и биологических наук Президиума). А в 1994 году Отделение биохимии, биофизики и химии физиологически

активных соединений было преобразовано в Отделение физико-химической биологии.

В 2002 году Комиссия по совершенствованию структуры РАН приняла решение о реструктуризации и изменении названий Отделений и секций Отделений РАН. В 2002 году было вновь образовано Отделение биологических наук, в состав которого вошли три бывших Отделения биологического профиля в виде секций: общей биологии; физиологии; физико-химической биологии. В 2011 году секция физиологии была преобразована в Отделение физиологии и фундаментальной медицины, в 2014 году переименованное в Отделение физиологических наук.

Планирование в науке и наукометрия

Выше мы уже упоминали, что еще 9 января 1749 года Президент Академии наук Разумовский перед своим отъездом в Москву потребовал, чтобы академики представили отчет о проделанной работе за последние 4 месяца и записки о замыслах на текущий год, что, возможно, явилось первым требованием к ученым лучше планировать свою работу. Спустя три десятилетия 10 января 1780 года Директор Академии наук Домашнев при президентстве все того же Разумовского предложил академикам каждый год начинать с представления ранее намеченных планов и ревизии их исполнения, что можно расценивать как контроль за исполнением планировавшихся исследований.

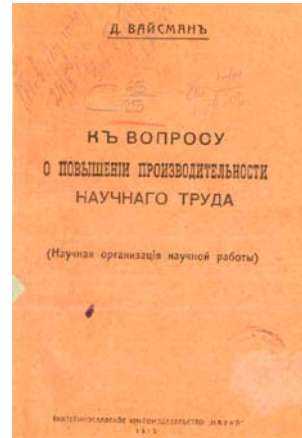

Рис. 11. Обложка примечательной брошюры о повышении производительности научного труда
Fig. 11. The cover of a remarkable brochure on increasing the productivity of scientific work

Считается, что начало планированию в Академии наук СССР с целью повышения производительности научного труда было положено в 1930 году. Но еще на заре Советской власти вышла небольшая книжка⁵² (рис. 11), в которой автор призывал к «научной организации научной работы» с целью как раз повышения

⁵¹ был избран академиком АН СССР в 1974 году

⁵² к сожалению, тираж в ней не указан

производительности научного труда через создание крупных научных производств с разделением труда, считая, что время ученых-одиночек, которых он сравнил с ремесленниками, кануло в лету [Вайсманъ (Vajsman), 1919]. Книга эта была издана в годы Гражданской войны в Екатеринославе и осталась почти незамеченной.

Спустя годы работа по составлению планов исследований в АН СССР стала идти вовсю. В апреле 1929 года на Общем собрании Академии был поднят вопрос о составлении пятилетнего плана научной деятельности АН СССР и ее учреждений. Но единого плана по Академии тогда составить не удалось.

В апреле 1930 года при Президиуме АН СССР была создана специальная Планово-организационная комиссия, и на 1931 год работа по планированию исследований развернулась во всех академических учреждениях. Но на этом пути встретилось немало трудностей, поскольку никогда ранее ничего подобного в науке не делалось, и у сотрудников Академии наук не было ни опыта, ни навыков в этом. Причем против планирования выступили некоторые видные ученые, заявляя, что в науке оно немыслимо, и это может нанести только вред Академии. Так, когда впервые внедрили поквартальное планирование в академических институтах, академик А.А.Ухтомский⁵³ представил такой план: «1-й квартал - буду думать, 2-й квартал - буду думать, 3-й квартал - буду думать, 4-й квартал - если что надумаю, тогда напишу» [Янин (Yanin), 2002].

Тем не менее, 3 октября 1930 года на Общем собрании Академии наук было принято постановление о подготовке плана работ АН СССР на 1931 год. И процесс пошел. Тут можно вспомнить строки из отчета фракции коммунистов в АН СССР, возглавлявшейся Покровским, датированные еще концом октября 1929 года, где утверждалось, что «современная наука есть дело коллективное, и создание коллектива хотя бы среднего калибра ученых, работающих новыми методами и над свежими актуальными вопросами, гораздо важнее корпения «знаменитостей» над излюбленными ими темами».

С 6 по 11 апреля 1931 года в Москве состоялась I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательских работ. Конференцию открыл Бухарин, который выступил с докладом «О планировании научно-исследовательской работы». Выступил на ней и Председатель Госплана СССР Куйбышев. Его доклад назывался «Науке – социалистический план».

В конце 1932 года Академия составила План научно-исследовательских работ на всю вторую пятилетку – на 1933 – 1937 годы. В Планы были включены крупные теоретические проблемы, связанные с

насушными задачами социалистического строительства во всех его сферах. Для лучшей кооперации усилий в течение ряда лет стали проводиться различные совещания и конференции. Так, в частности, 16 января 1932 года открылась Всесоюзная конференция по общей и сельскохозяйственной микробиологии. Проводились и другие подобные мероприятия, направленные на улучшение взаимодействий между научными организациями и отдельными учеными.

На самом деле именно планирование научных разработок после завершения Великой Отечественной войны позволило быстрее выйти на новый уровень исследований, превышающий довоенный.

Рис. 12. Обложка одного из справочников «Наука и научные работники СССР»

Fig. 12. The cover of one of the Handbooks "Science and scientific workers of the USSR"

Щолоков ИИ зам. гл. руков. Военн. академии; военная администрация. ~ Полуэктов пер. 5, кв. 12, тел. 3-85-42.	44
Щужкин ДИ хран. итальянск. отд. картинной галереи Гос. музея изящн. искусств; история искусств. ~ Ул. Кропоткина 21, Музей изящн. искусств.	45
Щужкина Антонина Вас, ботаника, география растений. ~ Андроньевская пл. 5, кв. 5, тел. 4-84-98. (22 в 92 Рязанск. губ.).	46
Эглит Рудкарл чл. пр-ия и н. сотр. ГИЗО. ~ Кр. Пресня, уг. Волкова пер. 2/6, кв. 17, тел. 2-16-97.	62
Эдинг Фелицата Алдр пом. хран. отд-ия слав.-финск. археологии ГИМ.	63
Эйдельман (Борисов) Влад сверхшт. асс. каф. гражд. процесса I МГУ. ~ Покровка, Сверчков пер. 10, кв. 13, тел. 2-58-23.	64
Эльвов Н Наум чл. научно-иссл. группы И-та Ленина.	65
Энгельгардт Валдр п. по каф. биол. химии Казанск. гос. унив. ~ Казань. Университет, мед. фак., каф. биол. химии.	(37)

Рис. 13. Фрагменты содержания Справочника «Наука и научные работники СССР» с упоминаем академика Энгельгардта, о котором уже шла речь.

Fig. 13. Fragments of the contents of the Handbook "Science and scientific workers of the USSR" with mention of the academician Engelhardt, which was already mentioned above.

⁵³ абсолютно неординарная личность, князь по происхождению, потомок Рюриковичей, стал академиком АН СССР только в 1935 году

Еще в конце 1916 года на Общем собрании Академии наук было принято решение о создании академической комиссии «Наука в России», впоследствии преобразованной в комиссию «Наука и научные работники СССР», большей частью функционировавшей при Академии наук СССР. Обо всех перипетиях функционирования данной комиссии можно прочесть в статье В.И.Соболева, подготовленной, в том числе на основе многочисленных архивных материалов [Соболев (Sobolev), 2011]. Результатом ее работы явился ряд справочников, в которых содержалась информация о многих отечественных ученых того времени. Так, с 1925 по 1934 годы из печати вышло несколько частей справочника «Наука и научные работники СССР. Справочник, сост. Комис. "Наука и науч. работники СССР" под наблюдением и непосредственным руководством неперменного секр. Акад. наук акад. С.Ф.Ольденбурга и пред. Комис. акад. Е.Ф.Карского» (<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/46510>). Эти справочники составлялись по географическому принципу. В качестве примера можно привести вот этот – «Часть 4 : Научные работники Москвы : с приложением перечня научных учреждений Москвы. – 1930» (рис. 12) с частью его внутреннего содержания (рис. 13).

Здесь нужно заметить, что за рубежом не было ничего подобного, если не считать выходящий в США с 1906 года справочник *American Men of Science*, в котором в первом издании были перечислены около 4000 ученых, выдержавший к настоящему времени 41 переиздание⁵⁴, а также вышедший в Германии в 1928 году труд *Index Biologorum : Investigatores, Laboratoria, Periodica* объемом 545 страниц, в котором были собраны данные по ученым-биологам (около 14 тысяч работников, включая ученых СССР), а также информация по соответствующим лабораториям (более 6000) и 357 периодическим изданиям.

Также в рамках работы той комиссии «Наука и научные работники СССР» была издана пятитысячным тиражом 30-ти страничная брошюра «К методологии учета научного труда» за авторством известного экономиста академика С.Г.Струмилина [Струмилин (Strumilin), 1932]. Впоследствии награжденный четырьмя Орденами Ленина и получивший звание Героя социалистического труда Струмилин являлся одним из авторов планов индустриализации СССР и неудивительно, что в той брошюре по оценке труда ученых прослеживаются некие аналогии и проводятся параллели с производственными процессами. Не со всеми соображениями автора можно согласиться, но целый их ряд заслуживает отдельного внимания. Тем

более что одновременно с планированием научных исследований встал вопрос учета выполнения такого рода планирования.

Струмилин в этой брошюре изложил свое виденье протекания научного процесса, отметив, в частности, что «... в исследовательском деле и отрицательный результат известных поисков или экспериментов обычно имеет не малое положительное значение <...> дает толчок к пересмотру всех предпосылок, положенных в основу данного неудавшегося исследования или эксперимента, и становится отправной точкой для новых плодотворнейших научных исследований и обобщений». И с этим нельзя не согласиться, но как этим отчитываться (?!), поскольку в таких случаях публикации обычно не выходят.

Тем не менее, Струмилин также написал, что для оценки труда ученых «можно было бы предложить в качестве нормальной единицы печатный лист годной к публикации научной работы стандартного качества», заметив, что «самое трудное добиться, во-первых, объективно сравнимых оценок качества этой продукции и, во-вторых, достаточно обоснованных методов приведения качественных различий к количественным эквивалентам». Далее Струмилин указывает, что «в качестве самой примитивной шкалы качества продукции научно-исследовательских работ мы могли бы для начала установить следующих 4 словесных характеристики: 1) удовлетворительная работа, 2) хорошая, 3) выдающаяся из ряда, 4) классическая работа» с начислением 1, 2, 3 и 4 баллов соответственно и при этом умножать их на листаж таких публикаций, т.е. получать число «листо-баллов». И это подобно тому, что применяется, например, в грузоперевозках, учитывающих тонно-километры.

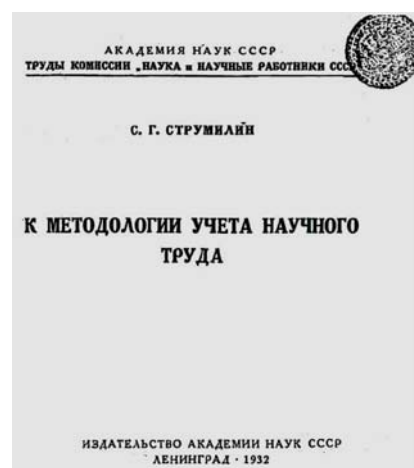

Рис. 14. Обложка брошюры «К методологии учета научного труда»

Fig. 14. The cover of the brochure "On the methodology of accounting for scientific work"

⁵⁴ с 1971 г. сменившему название на *American Men and Women of Science*

Однако Струмилин задумывается и об уровне таких работ и пишет, что «в числе признаков, качества всякой научной работы на одном из первых мест следует поставить степень ее новизны и оригинальности. Работе, являющейся лишь простым перепевом старых истин, хотя бы и на новый лад, едва ли можно приписать сколько-нибудь высокую научно-познавательскую ценность». При этом Струмилин отмечает, что определить степень новизны и оригинальности авторских работ задача непростая, тем не менее, сам их подразделяет на три ступени и дает довольно длинное определение каждой из них.

В начале 1970-х годов в СССР был предложен способ наукометрической оценки работ авторов, в котором главный упор делался на статейном материале [Либенсон (Libenson), 1971]. Автор указал, что «публикационный критерий» (т.е. число публикаций) не дает информации о ценности каждой работы и для суждения об истинной продуктивности ученого не пригоден. При этом им предлагалось оценивать публикации с помощью двух параметров научной информации – класса и новизны публикации. Классов и степеней новизны было сформировано по пять, что позволяло все статьи подразделить на 25 групп (A1, B1, ... D5). Было отмечено, что такой подход «затрудняет получение количества баллов за сумму работ в ущерб их качеству, поскольку оценка ставится за достигнутый результат, а не за объем проделанной работы». При этом говорилось, что если работа выполнена в соавторстве, то делить полученную величину на число соавторов не следует, так как это может служить препятствием для сотрудничества. Впрочем, и авторские коллективы были относительно небольшими в те времена. Число цитирований учитывать не предлагалось.

В 2005 году американский физик Х.Хирш [Hirsch, 2005], напротив, предложил новый наукометрический показатель, названный *h*-индекс (индекс Хирша), основанный на числе цитирований. Несмотря на простоту его определения (что является главным и единственным достоинством этого индекса) ввиду множества недостатков к настоящему времени с целью улучшения наукометрической ценности этого показателя предложено более полутора сотен вариаций индекса Хирша (Гарафутдинов, Чемерис, неопубл.).

Главный недостаток индекса Хирша заключается в игнорировании высокоцитируемых публикаций, в которых часто описываются прорывные исследования или ставятся важные проблемы. В качестве примера можем привести статью нашего коллеги О.И.Яхина [Yakhin et al., 2017], написанную в соавторстве с тремя его коллегами и процитированную по данным Google Scholar по состоянию на конец марта 2024 года 1236 раз. При этом его *h*-индекс в РИНЦ составляет 11, а по версии Scopus равен 5. Следует отметить, что такой наукометрический показатель может быть достигнут

любым исследователем, опубликовавшим 5 статей, процитированных всего по 5 раз каждая, что легко достигается даже самоцитированием.

Таким образом, проблема объективной оценки труда ученых остается, и без нее, конечно, в современных условиях не обойтись, и именно независимое цитирование⁵⁵ может служить показателем качества труда ученого. Однако немало случаев, когда разрабатывается какой-то новый подход или излагаются взгляды, сильно опережающие свое время, что позже могут стать главенствующими, но такой ученый долго не будет получать никакого цитирования. И здесь нужно вспомнить ту самую работу Менделя 1865 года, неоцененную современниками, тогда как сейчас словосочетания «расщепление по Менделю», «менделевское расщепление» и им подобные встречаются в огромном количестве публикаций, причем без ссылок на оригинальную работу автора, что считается так называемым неявным цитированием. Мендель опубликовал совсем немного работ, и кроме двух статей по растениям, у него были публикации о торнадо, по метеорологии, которые оставались неизвестными широкой публике и практически не цитировались, из-за чего индекс Хирша у Менделя при его жизни (подсчитывайся он в то время) мог бы быть не больше 2, да и потом бы не сильно вырос.

Не лучше с наукометрическими показателями было бы у выдающегося швейцарского ученого Ф.Мишера, открывшему миру ДНК в виде новой тогда субстанции – нуклеина [Burne, Dahm, 2019]. Его научное наследие большей частью сосредоточено в письмах своему дяде (брату матери), тоже профессору В.Гису, в которых содержится описание проводимых Мишером исследований и получаемых им результатов [Спирин (Spirin), 1985]. Более того, Мишер сейчас не имеет даже неявного цитирования, поскольку на вопрос «кто открыл ДНК?», по крайней мере, подавляющее большинство студентов биологических специальностей отвечают – «Уотсон и Крик», хотя те сделали другое открытие – установив организацию этой молекулы в виде двойной спирали. Мы некоторое время назад даже решили этому вопросу посвятить специальную статью [Герашенков и др. (Gerashchenkov et al.), 2019].

Однако сейчас встает новая серьезная проблема в виде возможности относительно легкого искусственного увеличения того же индекса Хирша, в том числе за деньги, и этому вопросу посвящено недавнее сообщение в журнале Science [Langin, 2024]

⁵⁵ за вычетом самоцитирования, а также цитирования соавторами общих статей, поскольку те сами получают занимаются самоцитированием и это не независимая оценка той или иной публикации

под заголовком, гласящим в переводе на русский «Исследователи покупают цитаты, чтобы раздуть показатели», в которых описываются как с помощью инструмента ChatGPT от имени вымышленного автора можно добиться подобного результата, в том числе путем «оптовой» покупки цитирований. В этой же работе предлагается также новый наукометрический индекс – c^2 -index, позволяющий, по мнению его автора, отследить чрезмерное цитирование статей конкретного автора. Но как бы хорошо не работал этот c^2 -индекс, проблему просто так не решить, но и «отмахиваться» от нее нельзя.

Что касается субъективной оценки деятельности того или иного ученого в виде экспертных заключений, то и они могут оказаться неверными, в силу непонимания изложенного (особенно в случае его исключительной новизны), личной неприязни, либо конкуренции. Поэтому только комплекс различных наукометрических оценок (а не один индекс Хирша), но все же вкупе с экспертной оценкой, может позволить охарактеризовать того или иного ученого. Но и это не должно быть возведено в абсолют.

Повторное создание Российской академии наук

Образование современной Российской академии наук происходило непросто. На сайте РАН (<https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=b493fa34-ffed-4c63-af15-d828b64c88a1>) приведен рассказ очевидца тех событий, которым стал академик Г.А.Месяц, и желающие могут с ним самостоятельно ознакомиться. Здесь же приведем лишь краткую хронологию некоторых событий с датами, когда они состоялись.

Вопрос о создании Академии наук РСФСР с центром в Новосибирске возникал еще в 1957 году при организации Сибирского отделения АН СССР. Ведь все союзные республики в СССР имели свои Академии наук кроме РСФСР. Но в силу ряда причин этого тогда не произошло.

Вновь об этом заговорили после опубликованной 16 августа 1989 года статьи академика Н.Н.Моисеева в газете «Советская Россия», озаглавленной «Мысли о будущем Российской академии наук», в которой он выдвинул идею создания Российской академии наук, мотивируя необходимостью наличия некоего фундаментального базиса для решения стоящих проблем. Эта статья вызвала большой резонанс.

После обращения в Центральный комитет КПСС председателя Президиума Верховного Совета РСФСР В.И.Воротникова и председателя Совета министров РСФСР А.В.Власова «О создании Академии наук РСФСР» с просьбой обсудить этот волнующий общественность вопрос на заседании Президиума АН СССР 17 октября 1989 года проблема создания АН РСФСР на нем рассматривалась. В итоге обсуждались

три возможных сценария, для проработки которых была создана рабочая группа, заседавшая 24 ноября 1989 года и ознакомившая с принятым документом членов Президиума 16 января 1990 года.

24 января 1990 года вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об учреждении Академии наук РСФСР». Опираясь на этот Указ, Совет Министров РСФСР принял постановление № 88 от 13 марта 1990 года «О формировании Академии наук РСФСР».

Однако после избрания в июне 1990 года нового состава Верховного Совета РСФСР, а затем его председателя Ельцина, ход событий изменился. На первой же сессии нового Верховного Совета РСФСР был рассмотрен Указ от 24 января 1990 года «Об учреждении АН РСФСР». 25 марта 1991 года вышло постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «Об Организационном комитете и практических мерах по созданию Российской Академии наук». 27 июня 1991 года на заседании Организационного комитета было принято Положение о порядке формирования первоначального состава Российской академии наук. К тому времени Ельцин стал Президентом РСФСР.

Но союзное руководство болезненно относилось к идее создания Академии наук РСФСР. Последней попыткой сохранить АН СССР был Указ Президента СССР М.С.Горбачева «О статусе Академии наук СССР» №627 от 23 августа 1991 года, однако произошедший перед этим 19-21 августа 1991 года Августовский путч резко все изменил. Внутри АН СССР стала активно обсуждаться идея преобразования АН СССР в Российскую академию наук, в том числе из-за возможных проблем с финансированием науки в следующем году.

9 - 10 октября 1991 года в актовом зале Московского государственного университета проходило Общее собрание Академии наук СССР. В результате обсуждений Президиум АН СССР пришел к единогласному решению о необходимости сохранения единства АН СССР и возвращения ей названия и статуса Российской академии наук. Была утверждена и резолюция «Об организации Комиссии Академии наук СССР по интеграции Академии наук СССР с вновь избираемым составом Российской академии наук». Первый пункт принятой Общим собранием АН СССР резолюции гласил: «Сохранить единство Академии наук СССР с возвращением ей названия и статуса Российской академии наук. Просить руководство Союза и РСФСР принять соответствующие решения по этим вопросам».

14 ноября 1991 года на совместном заседании Комиссии АН СССР по интеграции Академии наук СССР с вновь избираемым составом Российской академии наук и Комиссии, организованной Комитетом по науке и образованию Верховного

Совета РСФСР, было решено создать рабочую группу по подготовке Временного устава Российской академии наук.

21 ноября 1991 года вышел Указ Президента РСФСР Ельцина № 228 «Об организации Российской академии наук». Учредительное Общее собрание Российской академии наук прошло 17–20 декабря 1991 года в актовом зале МГУ. В работе собрания принял участие и выступил с приветствием Президент РСФСР Ельцин. Поскольку Устав академии еще не был утвержден, Комиссия по интеграции приняла постановление «О процедуре выборов президента РАН на Общем собрании Российской академии наук 17 декабря 1991 г.» и в результате проведенного голосования Президентом Российской академии наук стал академик Ю.С.Осипов, занимавший потом эту должность около 20 лет. Но руководителям Академии наук России посвящена следующая глава.

Президенты Академии наук и прочие руководители ея

Поскольку список всех президентов Академии наук России с Екатерининских времен можно найти во многих местах и в частности на сайте РАН (<https://www.ras.ru/about/president/allpresidents.aspx>), то здесь коснемся за отдельными исключениями лишь тех фигур, что правили дольше остальных, тем более, что в Приложении будет дан их полный список Президентов Академии наук с Петровских времен с привязкой к датам правления разными руководителями нашего государства. К тому же имеется замечательная книга обо всех Президентах Академии периода самодержавия [Коллектив авторов (Collective of Authors), 2000]. При этом в истории Академии наук было три периода, когда у нее совсем не было Президентов. Так, в 1741-1746 годах Академией наук фактически руководил ее секретарь, советник Канцелярии Шумахер за вычетом периода его отстранения на время проводившегося следствия, когда его заменял Нартов. В 1810-1818 годах эту функцию выполняли министры народного просвещения А.К.Разумовский и А.Н.Голицын, в 1915 – 1916 годах – вице-президент академик П.В.Никитин, 1916-1917 годах – и.о. вице-президента, академик Карпинский. Во время Президентства К.Г.Разумовского некоторое время руководили Академией назначаемые директора, которых было несколько, а также управляющий делами.

В связи с тем, что от Петра Первого до 1917 года Президенты Академии наук и прочие руководители назначались на этот пост и в некоторых случаях отстранялись от него правителями Российской империи, то, пожалуй, стоит кратко напомнить правящих в те времена царственных особ и их родственные отношения.

Итак, Алексей Михайлович Романов (1645 – 1676 гг.⁵⁶) был дважды женат. Двое его сыновей от первой супруги М.И.Милославской царствовали – Федор III (1676-1682 гг.) и Иоанн V (1682-1696 гг. – двоецарствие). От второй супруги Алексея Михайловича - Н.К.Нарышкиной царствовал Петр I (1692-1696 гг. – двоецарствие, 1696 – 1725 гг. – единодержавие). При этом двоецарствие единокровных братьев – Иоанна V (был старше на 6 лет) и Петра I – первое время шло при регентстве их старшей (на 9 и 15 лет соответственно) сестры по линии Милославских – царевны Софьи. После отстранения Петром I от власти Софьи в 1769 году формально братья правили вместе, но Иоанн практически не принимал никакого участия в государственных делах. При этом он был женат на П.Ф.Салтыковой, и одна из их многочисленных дочерей впоследствии стала императрицей Анной Иоанновной (1730 – 1740 гг.).

После смерти Петра I, ставшего к этому времени Императором, трон заняла его вторая жена Екатерина I (1725 – 1727 гг.), и одна из их дочерей впоследствии стала императрицей Елизаветой Петровной (1741 – 1761 гг.). При этом ей пришлось сместить с трона наследника по линии Милославских из Брауншвейгской ветви – Иоанна VI (1740 – 1741 гг.), после кончины Анны Иоанновны формально правившим в годовалом возрасте, матерью которого была племянница Анны Иоанновны - внучка Иоанна V по материнской линии Великая княжна Анна Леопольдовна (принцесса Мекленбург-Шверинская). Но замужем Елизавета Петровна не была и детей не оставила. До нее же власть принадлежала внуку Петра I от первого брака последнего с Е.Лопухиной и сыну их сына царевича Алексея – Петру II (1727 – 1730 гг.), оказавшимся последним чисто российским самодержцем по мужской линии. После Елизаветы Петровны на престол взшел также внук Петра I – родившийся в Германии Петр III (1761 – 1762 гг.) – сын дочери Петра I Анны Петровны и Карла Фридриха Гольштинского-Готторпского, которого (Петра III) женили на троюродной сестре, принцессе Екатерине Алексеевне (урожденной Софии Фредерике Августе) - будущей императрице Екатерине II (1762 – 1796 гг.), ставшей ею после дворцового переворота, сместившего ее супруга. После смерти Екатерины II на престол взшел их сын Павел I (1796 – 1801 гг.) – правнук Петра I. Он был убит в результате заговора, и императором стал его сын Александр I (1801 – 1825 гг.), после смерти которого трон унаследовал его младший брат – Николай I (1825 – 1855 гг.), один из сыновей которого затем стал императором Александром II (1855 – 1881 гг.), вслед за которым императорами становились его сын и внук –

⁵⁶ здесь и далее приведены годы правления

Александр III (1881 – 1894 гг.) и Николай II (1894 – 1917 гг.) соответственно.

Поскольку при акцентировании внимания на родственных связях приходилось «перескакивать» с одной монаршей особы на другую, то, пожалуй, стоит привести перечень правителей России как они в те времена наследовали власть. После Алексея Михайловича Романова, правили дальше - Федор III, Иоанн V и Петр I, Петр I, Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна, Иоанн VI, Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, Александр II, Александр III, Николай II.

Когда Петр I организовывал Академию наук, то должность ее руководителя было решено назвать – «Президент», что было заимствованием из французского языка, в котором “president” восходит к латинскому praesidens (означающему «сидящий впереди»), что неудивительно, учитывая интерес Петра Первого к Парижской академии наук и избрание его ее Почетным членом. При этом многие Президенты Академии в досоветский период профессиональными учеными не были.

Первым Президентом Академии наук в России стал Блюментрост⁵⁷, официально назначенный на эту должность в 1725 году уже Екатериной I и занимавший ее до 1733 года, когда его отстранила Анна Иоанновна из-за смерти своей старшей сестры Екатерины Иоанновны, посчитав его виновным ввиду неправильного лечения (поскольку Блюментрост оставался лейб-медиком императрицы), что, впрочем, доказано не было. При Елизавете Петровне первым президентом – не иностранцем – стал граф К.Г.Разумовский, занимавший эту должность дольше всех – с 1746 года по 1798 год, почти 52 года. Причем стал он президентом в 18-ти летнем возрасте. Своим назначением он обязан тому, что являлся младшим братом фаворита Елизаветы Петровны. Однако в 1750 году Разумовский был направлен в Малороссию и много времени проводил также в Москве, и потому в Санкт-Петербурге бывал не часто, но продолжал

⁵⁷ Есть сведения, что Петр I намеревался сделать Президентом создаваемой им Академии наук своего сподвижника – Д(и)митрия Кантемира – весьма образованного человека того времени, господаря Молдавского княжества, но тот умер в 1723 году. Но это все же маловероятно, потому что уже с 1719 года Петр I похоже выбрал для этого Блюментроста, познакомившись с ним в Голландии в 1716 году, где тот ему сильно приглянулся. Кстати Блюментрост получил высшее образование, учась в Европе в том числе под руководством Вольфа, и в то время уже собирался возвращаться в Россию, и Петр I возложил на него доставку купленного у Рюйша анатомического кабинета, послужившего основой Кунсткамеры.

оставаться Президентом Академии все годы, в связи с чем в бытность его Президентом сначала был введен управляющий делами Академии, а затем в 1766 году был учрежден институт директорства. И директорами в разные годы были четверо человек, включая уже упоминавшуюся Дашкову. Причем на время ее удаления от дел в течение пары лет Академией наук руководил вице-директор⁵⁸ Бакунин, ставший позже на полтора года полноценным директором Академии наук, поскольку, придя к власти, Павел I отправил Дашкову в отставку из-за того, что считал (и небезосновательно) последнюю причастной к смещению своего отца Петра III.

Второй по продолжительности период президентства (почти 38 лет) пришелся на графа С.С.Уварова, который к тому же на протяжении 16 лет (с 1833 по 1849 гг.) одновременно был и Министром народного просвещения России, в ведении которого в тот момент как раз находилась Академия наук. Уваров скончался в 1855 году, занимая пост Президента Академии. Здесь нельзя не коснуться того факта, что К.Г.Разумовский и С.С.Уваров являются родственниками. Упомянутый выше А.К.Разумовский был сыном первого и тестем второго. И при этом он тоже руководил Академией наук на протяжении 6 лет, будучи в то время Министром народного просвещения в 1810 – 1816 годах. Таким образом, в общей сложности на эту связанную с Академией наук «президентскую» династию, длившуюся при семи самодержцах, приходится около 95 лет правления⁵⁹, что составляет без малого треть от трехсотлетней истории самой Академии. Справедливости ради, нужно сказать, что была еще одна президентская династия, но время их правления составило чуть более двух лет, причем разделившись практически поровну. Так, с 1733 по 1734 год вторым по счету Президентом был барон Герман Карл фон Кейзерлинг, а с 1740 по 1741 годы таковым (четвертым) являлся его зять - барон Карл Герман фон Бреверн и в те годы ходила шутка, что Бреверн получил Академию наук в качестве свадебного подарка.

Еще одним «долгожителем» на посту Президента Академии наук является один из внуков Николая I – Великий князь Константин Константинович, возглавлявший ее чуть более 26 лет при Александре III и Николае II, также вплоть до самой своей смерти в 1915 году. Близость к монаршим особам позволила ему тогда поднять престиж

⁵⁸ еще один вице-директор некоторое время возглавлял Академию

⁵⁹ возможно, мы первые обратили на это внимание, поскольку ни в одном из прочитанных нами трудов по истории Академии наук и президентов ее в России нам эта информация не встретилась

Академии, в том числе повысив оклады не только академикам, но и другим служащим.

21 с половиною год руководил Российской академией наук уже в наши времена академик Осипов. На «пятом месте» по продолжительности пребывания на посту Президента Академии наук (19 лет и 2 месяца) находится академик Карпинский, но его президентство разделено на периоды, когда он возглавлял Российскую академию наук с 1917 по 1925 год и Академию наук СССР с 1925 по 1936 год, пока смерть не застигла его на этом посту. При этом ему еще можно прибавить период, когда он с 1916 по 1917 год, будучи и.о. вице-президента Императорской академии наук, ею руководил после смертей Президента Великого князя Константина Константиновича (в 1915 году) и вице-президента академика Никитина (в 1916 году).

В целом руководили Академией в должности Президента 23 человека, но помимо них еще 11 человек, включая единственную среди них женщину, осуществляли, в том числе временно руководство Академией, не будучи Президентами. Таким образом, в общей сложности за триста лет во главе созданной Петром Великим Академии наук стояли 34 человека в разных статусах, одним из которых был Шумахер.

Иоганн Даниил Шумахер – первый библиотекарь и первый музейный работник на Руси

Секретарю Академии наук И.Д.Шумахеру, с самого начала ее существования занимавшему эту должность⁶⁰ и 47 лет⁶¹ с 1714 и практически по 1761 год (до самой смерти) преданно служившему Петру Первому и затем его детищу – Академии наук 1724 года рождения и иже с ней - библиотекой (1714 г.р.) и Кунсткамерой (1718 г.р.), а также образованной чуть позже типографией (1727 г.р.), несмотря на всю неоднозначность его фигуры, нужно уделить отдельное внимание. И он того заслуживает, поскольку очень много сделал для создания и развития Академии, хотя некоторыми его действиями и поступками были недовольные.

Итак, Шумахер родился в 1690 году⁶² во Франции в городке Кольмар в семье местных бюргеров и по происхождению был эльзасским немцем. В 1711 году он защитил магистерскую

диссертацию по философии в Страсбургском университете и при нем оставлен, но спустя некоторое время был вынужден его покинуть и уехать в Париж, где познакомился с П.Лефортом, племянником сподвижника Петра I Ф.Лефорта, который по приказанию царя, ища за границей наиболее дельных специалистов, пригласил Шумахера в Россию. Так в сентябре 1714 года Шумахер оказался в России и был принят на должность секретаря по иностранной переписке в Медицинскую канцелярию, которой руководил лейб-медик Петра I Арескин, рекомендовавший императору Шумахера для заведования библиотекой.

По воспоминаниям Шумахера⁶³ он, спустя три недели по приезду благодаря посредничеству Арескина⁶⁴, приступил к исполнению обязанностей библиотекаря Петра Великого и, следовательно, можно считать, что библиотечная профессия в России зародилась именно в то время – сентябрь-октябрь 1714 года.

После смерти Арескина⁶⁵ Шумахер хотел покинуть Россию (написав абшид), но Петр отпустил его в Европу лишь в длительный отпуск. При этом он поручил Шумахеру массу важных дел о 13 пунктах (о чем говорилось выше), с которыми тот при посещении ряда стран (Франции, Германии, Голландии, Англии) в целом успешно справился, за исключением того, что не смог уговорить приехать в Россию Вольфа. Впрочем, и в дальнейшем Вольф не поддавался на уговоры, но дал обещание, используя свое влияние уговорить некоторых ученых приехать в Россию, и его выполнил.

Отъезду Шумахера в Европу в 1721 году предшествовало интересное событие. Петр Первый самлично подобрал Шумахеру невесту – дочь своего обер-кухонейстера Я.Фельтена. Возможно, царь сделал это специально, рассчитывая, что Шумахер в этом случае обязательно вернется в Россию, поскольку видимо не хотел расставаться со столь ценным работником. Однако свадьба состоялась по возвращению Шумахера только в апреле 1723 года, и на ней «посаженным отцом» был никто иной, как сам император Петр Великий, выказавший тем самым молодым чрезвычайную милость, вероятно, мало кому оказываемую. А «посаженной матерью» была

⁶⁰ позже его должности или точнее их наименования несколько видоизменялись, но суть оставалась прежней

⁶¹ только Разумовский тогда (в XVIII веке) большее количество лет (52 года) «провел» в Академии, но вклад Шумахера несоизмеримо больше, несмотря на то что первый был Президентом, а второй – всего лишь ее секретарем, потом советником

⁶² Шумахер и Блюментрост были ровесниками

⁶³ существующих в рукописном варианте на немецком языке под названием в переводе на русский «Жития советника Шумахера».

⁶⁴ имевшему свою немаленькую библиотеку, приобретенную после его смерти по указу Петра I в количестве 2527 томов

⁶⁵ Вместо Арескина Медицинскую канцелярию затем в 1721 – 1730 годах возглавлял старший брат Блюментроста – И.Л.Блюментрост

императрица Екатерина I, поскольку, согласно обычаю, «посаженные родители» должны были быть обязательно супругами. В таком разе на свадьбе само собой присутствовало много знатных особ, а также великие княжны.

В историографии Академии наук в России сложилась ситуация, когда на протяжении многих лет Шумахер представлялся чуть ли не исчадием ада⁶⁶, из-за которого проистекали тогда все беды Академии, точнее беды академиков преимущественно русского происхождения⁶⁷, что мало соответствует действительности, поскольку он был требователен ко всем и даже получил прозвище “*flagellum professorum*”⁶⁸. Больше доверие должна вызывать изданная в 1870 году «История Императорской академии наук...» П. Пекарского (хотя бы потому, что была ближе к имевшим место событиям), в первом томе которой Шумахеру посвящена отдельная глава, в которой он предстает неким пронырой, но в целом показаны очень непростые отношения между разными людьми в Академии в Ломоносовский период.

Однако в связи с трехсотлетием со дня рождения Шумахера в 1990 году еще в СССР вышла публикация Ю.Н. Столярова [Столяров (Stolyarov), 1990], в которой чуть ли не впервые отдано должное организаторским способностям Шумахера и его роли в становлении «старших сестер» Академии – библиотеки и Кунсткамеры. К 325-летию Шумахера Столяров опубликовал новую статью [Столяров (Stolyarov), 2015], в которой отметил, что после предыдущего юбилея Шумахера и той его статьи 1990 года отношение к нему (к Шумахеру) стало меняться в лучшую сторону и это справедливо, поскольку вклад последнего в организацию и в первые десятилетия существования Академии наук выходит далеко за пределы его библиотечной деятельности, хотя и в нее он привнес много нового и передового.

Но до этого в своем труде «Книга в России в первой четверти XVIII века» Луппов [Луппов (Luprov), 1973], описывая становление публичных библиотек в нашей стране, фактически по достоинству оценил вклад Шумахера в русскую науку и книжную культуру. Он писал: «значение учреждения Библиотеки Академии наук выходило далеко за рамки развития библиотечного дела. Это была важная веха в развитии русской культуры. Создание крупнейшего книгохранилища новейшей научной литературы по всем отраслям знания позволило молодой русской Академии наук успешно

развернуть работу с первых дней своего существования. <...> Поставленная Петром I перед Библиотекой-Кунсткамерой задача распространения в стране знаний сделала новое учреждение одним из крупнейших культурно-просветительных центров в России, которое вместе с Академией наук содействовало развитию науки и культуры в России. Можно без преувеличения сказать, что учреждение Библиотеки Академии наук, первой в стране научной библиотеки общественного пользования, как и самой Академии, было одной из реформ Петра I в области культуры, и эта реформа была неразрывно связана с другими реформами Петра по преобразованию страны». И Шумахер действительно очень много сделал для этого, следуя указаниям и воле Петра Великого.

Но, пожалуй, раньше других (не считая Пекарского) довольно объективно жизнедеятельность Шумахера описал Андреев [Андреев (Andreev), 1947].

Свою вторую статью Столяров, считавший Шумахера еще и первым библиотековедом в России, закончил словами «Первый профессиональный библиотекарь в России был больше чем просто библиотекарь. Он был одновременно организатором нарождающейся науки, заметным деятелем книжной культуры и культуры вообще» [Столяров (Stolyarov), 2015]. И с этим трудно не согласиться.

Кроме книги Луппова и статей Столярова имеется еще ряд публикаций других отечественных ученых, посвященных Шумахеру [Савельева (Savel'eva), 1999; Леонов (Leonov), 2021], и в них также сделан главным образом разбор его деятельности как библиотекаря, что неудивительно, поскольку эти статьи принадлежат перу директору Библиотеки Академии наук, являющейся преемницей библиотеки, созданной Петром I и развиваемой Шумахером, а также сотруднице этой библиотеки.

Шумахер первым получил официальное наименование библиотекаря в нашей стране и уже этим вписал навечно свое имя в анналы истории библиотечного дела в России и Академии наук, будучи к тому же и ее первым секретарем. Учитывая то, что на нем еще лежала ответственность за Кунсткамеру, его можно считать и первым музейным работником на Руси. При этом на протяжении целого десятилетия до открытия Академии Шумахер делал все в одиночку, не имея помощников, если не считать работавшего одно время переплетчика.

Исполняя функции библиотекаря на протяжении ряда лет, Шумахер имел уже определенный опыт такой работы, и поэтому его поездка в 1721 – 1722 годах по странам Западной Европы и посещение большого числа библиотек фактически было для него, если так можно выразиться, повышением квалификации.

Шумахер сделал библиотеку Академии наук по-настоящему публичной, и с 25 октября 1728 года

⁶⁶ особенно это имело место в Советский период, хотя и не только

⁶⁷ добавили негатива к образу Шумахера в советские времена и художественные фильмы про Ломоносова 1955 и 1986 годов выпуска

⁶⁸ в переводе с латинского означает «хлыст профессоров»

она стала доступна для общественного пользования. В частности, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» публиковались объявления, что библиотека «во вторник и пятницу пополудни от 2 до 4 часа, отперта и всякому вход в оную свободен». Но постоянное обслуживание читателей началось раньше – еще в 1718 году, когда библиотека из тесного флигеля в Летнем дворце Петра Первого переехала в более просторные Кикины палаты. Хотя есть свидетельства ранней выдачи книг читателям еще в 1715 году.

Нужно сказать, что Шумахер ввел в библиотечную практику заочный абонемент, отправляя книги читателям, в частности известному историку В.Н.Татищеву в его подмосковное имение, а также и в отдаленные концы России, внося тем самым серьезный вклад в просвещение населения нашей страны.

При этом Шумахер строго следил, чтобы книги возвращались в библиотеку и со своим немецким педантизмом не делал поблажек никому, не взирая на лица и их сановное положение. Составленные Шумахером каталоги давали полное представление о местонахождении каждой книги в библиотеке. При этом он ввел так называемую форматную расстановку изданий, в первую очередь, заботясь о красивом интерьере. И когда ему Ломоносов говорил, что удобнее систематическая расстановка, то Шумахер ему отвечал, что одна и та же книга может относиться к разным дисциплинам. На самом деле у него форматная расстановка осуществлялась в пределах подфондов, т.е. была вторым признаком деления фонда и ее правильнее считать системно-форматной. Шумахер начал практиковать межбиблиотечный обмен дублетными изданиями еще при жизни Петра I, тем самым введя новую для библиотек форму экономного пополнения фондов.

При Шумахере в период 1742–1747 годов был напечатан первый подробный каталог книг академической библиотеки в четырех томах, а также в 1742–1745 годах опубликовано примечательное издание в нескольких томах *Musei imperialis Petropolitani, Turpis academiae scientiarum Petropolitanae*. Также был издан специальный путеводитель по библиотеке и Кунсткамере, о котором речь пойдет ниже.

Здание Кунсткамеры было достроено лишь в 1734 году, но полностью перевод библиотеки и редкостей в новое здание Кунсткамеры завершился только к 1740 году. Шумахер решил издать посвященное этому событию и новому хранилищу парадное издание с роскошными иллюстрациями – благо созданная типография это позволяла. Оно содержало 12 чертежей с планами, фасадами, разрезами зданий и имело длинное название – «Палаты СанктПетербургской Императорской Академии наук библиотеки и кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных

и натуральных вещей сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих» (рис. 15).

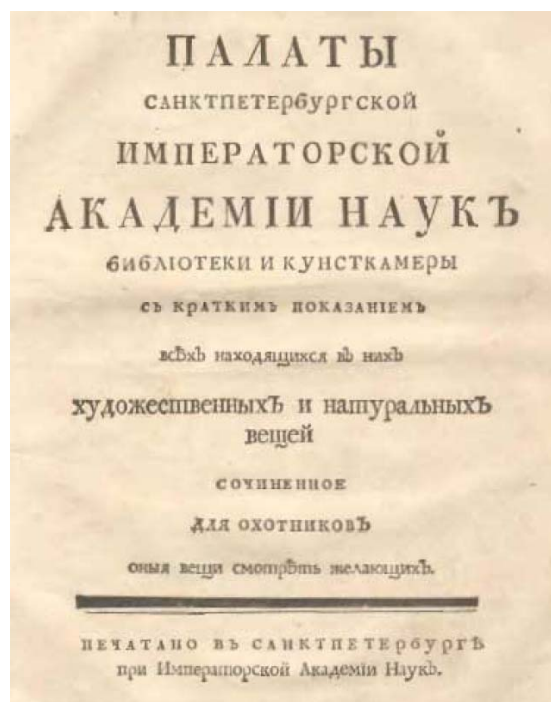

Рис. 15. Титульная страница парадного издания о Библиотеке и Кунсткамере, задуманного и осуществленного Шумахером

Fig. 15. The title page of the ceremonial edition about the Library and the Kunstkammer, conceived and implemented by Schumacher

Рис. 16. Фрагмент фронтисписа книги, посвященной библиотеке и Кунсткамере (первое издание)

Fig. 16. Fragment of the frontispiece of a book dedicated to the Library and the Kunstkammer (first edition)

Это издание начало готовиться еще скорее всего при Анне Иоанновне (правила до 17 октября 1740 года) и поэтому на фронтисписе летящая Слава держит свиток, на котором написано «ПЕТРЪ I началъ АННА совершила». Хотя есть точка зрения, что имелась ввиду уже Анна Леопольдовна – регентша при своем сыне Иоанне VI, в годовалом возрасте находившимся на царском троне до 21 ноября 1741 года.

Рис. 17. Фрагмент фронтисписа книги, посвященной библиотеке и Кунсткамере (финальное издание)
Fig. 17. Fragment of the frontispiece of a book dedicated to the Library and the Kunstkammer (final edition)

Но как бы то ни было (имеется в виду кто под «Анной» не подразумевался) из-за дворцового переворота власть сменилась и на окончательном издании текст стал другим – «ПЕТРЪ I началъ ЕЛИСАВЕТЪ I совершила» (рис. 17). Также появился перевод на немецкий язык (рис. 18). При этом как пишет Пекарский за 12 дней до

воцарения Елисаветы Петровны в газете «Петербургские ведомости» была помещена по сути реклама о выходе этих «Палат...» и Шумахер, намереваясь пустить тот путеводитель в продажу распорядился затем удалить всю информацию о предыдущей монаршей особе. Однако до наших дней дошли оба издания этой книги.

При этом имеется еще одно издание с летящей Славой на фронтиспise, держащей свиток с некими вензелями.

Различные издания этой парадной книги со сменой посвящений показывают важность, которую ей придавал Шумахер, в том числе для того, чтобы заслужить благосклонность правящих особ. Однако больший интерес представляет содержащая в этом издании информация об Академии наук «со всем что до оныя принадлежить» (рис. 20).

Рис. 18. Фронтиспис с Елисаветой и титульный лист книги, посвященной Библиотеке и Кунсткамере (новое издание)
Fig. 18. Frontispiece with Elisaveta and title page of the book dedicated to the Library and the Kunstkammer (new edition)

На рис. 19 можно разглядеть, что Президентом тогда был фон Бреверн (перестал им быть 15 апреля 1741 года), а советниками были Гольдбах и Шумахер. Перечислены профессора (они же академики), как действующие, так и выбывшие. Среди студентов фигурирует Ломоносов. Библиотекой и Кунсткамерой заведует библиотекарь Шумахер. Про Канцелярию говорится, что она находится под управлением Президента и советников. Также имеются прочие службы с немалым штатом технических работников в

виде типографии, книжной лавки, переплетной, словолитной, гравировальной и прочая. Приводится краткое «изъяснение» о состоянии Академии, библиотеки и Кунсткамеры.

При жизни по достоинству Шумахера оценивали немногие, среди них сам император Петр Великий, Лефорг, Блюментрост. О Шумахере также доброжелательно отзывались лейб-медик императрицы Елисаветы Петровны И.Г.Лесток, составитель первого Атласа Российской империи Кирилов, тот же Татищев.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ СО ВСЕМЪ ЧТО ДО ОНЫЯ ПРИНАДЛЕЖИТЬ.

<p>ПРЕЗИДЕНТЫ И СОВЪТНИКИ. ПРЕЗИДЕНТЫ. КАРАЙ ФОНЪ БРЕБЕРГЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. АЛЕКСАНДРИЦЪ БЛАГОУМНОГО СЪЮЗЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. СЕМЕНОВЪ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. БОГДАНЪ АМФИТЕАТРЪ ФОНЪ СОРЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. СОВЪТНИКИ. ХРИСТИАНЪ ГОЛАБАХЪ, Офицеръ Императорской Тайной Канцелярии. БОГДАНЪ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, Офицеръ Императорской Тайной Канцелярии. АЛЕКСАНДРИЦЪ БЛАГОУМНОГО СЪЮЗЪ, Офицеръ Императорской Тайной Канцелярии. СЕМЕНОВЪ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, Офицеръ Императорской Тайной Канцелярии.</p>	<p>ПРОФЕССОРЫ. КЛАССЪ ПЕРВЫЙ МАТЕМАТИЧЕСКОГО НАУКЪ. АЛЕКСАНДРЪ ВАКУНДИЧЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. АЛЕКСАНДРИЦЪ БЛАГОУМНОГО СЪЮЗЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. СЕМЕНОВЪ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. БОГДАНЪ АМФИТЕАТРЪ ФОНЪ СОРЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны.</p>	<p>ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ. ПЕТЕРЪ ПЕТРОВИЧЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. АЛЕКСАНДРИЦЪ БЛАГОУМНОГО СЪЮЗЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. СЕМЕНОВЪ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны. БОГДАНЪ АМФИТЕАТРЪ ФОНЪ СОРЪ, Императорская Тайная Советница и Камер-фрау Императрицы Александры Федоровны.</p>	<p>ГИМНАЗИА. Училища въ 1741 году. Императорская Тайная Канцелярия. Императорская Тайная Канцелярия. Императорская Тайная Канцелярия. Императорская Тайная Канцелярия. Императорская Тайная Канцелярия. Императорская Тайная Канцелярия. Императорская Тайная Канцелярия.</p>
---	--	--	--

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНИЕ О СОСТОЯНІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ ТАКЖЕ И ФИЗИОТЕКИ И КУРСКАМЕРЪ.

Въ 1741 году Императорская Академия наукъ учреждена по повелѣніи Императрицы Елизаветы Петровны, въ 1741 году Императоромъ Павломъ Первымъ, въ 1795 году Императоромъ Александромъ Вторымъ, въ 1802 году Императоромъ Александромъ Вторымъ, въ 1826 году Императоромъ Николаемъ Первымъ, въ 1881 году Императоромъ Александромъ Третьимъ, въ 1894 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1917 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1925 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1934 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1941 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1945 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1953 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1958 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1964 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1970 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1976 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1982 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1988 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 1994 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 2000 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 2006 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 2012 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 2018 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ, въ 2024 году Императоромъ Николаемъ Вторымъ.

Рис. 19. Информация по состоянию на 12 февраля 1741 года об «Императорской Академии наукъ со всемъ что до оныя принадлежить» из парадного издания «Палаты ...»
 Fig. 19. Information as of February 12, 1741 about the "Imperial Academy of Science with everything that belongs to it" from the ceremonial edition of the House ...

Шумахер работал в Академии при пяти Президентах и одном управляющим (при последнем пятом Президенте), умудряясь ко всем «влезать в доверие». Причем многие из них спустя какое-то время в силу разных причин (переезд в Москву, пребывание в других местах Российской империи, убытие за границу) оказывались до некоторой степени оторванными от дел Академии, и тогда обязанность по ее функционированию во многом ложилась на плечи Шумахера, и он с этим вполне справлялся. Здесь можно также напомнить, что с 15 апреля 1741 года по 21 мая 1746 года Президента в Академии наук не было, и она находилась в полной власти ее секретаря Шумахера за исключением периода, когда он немногим более года находился под следствием, которого коснемся ниже. Причем даже имеются высказывания, что Шумахер на протяжении целых трех десятков лет в той или иной степени руководил Академией наук.

Шумахер наладил в академической Канцелярии строгий учет всех входящих и исходящих бумаг: императорских и правительственных Указов, распоряжений по Академии, различных договоров и расписок, докладных записок сотрудников. Он поставил делопроизводство так, что ни одна бумага из стен Академии не выходила без оставления копии. Шумахером также создано в Академии архивное подразделение, хотя в органах власти Российской империи они появились еще в 1720 году согласно подписанного Петром I 10 марта «Генерального регламента или Устава», вводящего должность актуариуса (архивариуса), которому надлежало «письма прилежно собирать, оным реестры чинить, листы перемечивать...».

Поскольку Шумахер начинал свою службу в России в Медицинской канцелярии, то он довольно долго был единственным работником в Академии наук, считавшимся государственным служащим согласно Петровской Табели о рангах. А библиотекарь тогда приравнивался на военной службе к унтер-офицерскому чину. В 1737 году Шумахер получил чин 6-го класса коллежского советника, соответствующий полковнику в армии, в 1754 году он стал статским советником, и это был довольно высокий чин 5-го класса, соответствующий генеральскому. И это давало ему определенную независимость и одновременно вызвало зависть у окружающих его академиков. Шумахер провел в Академии практически всю свою сознательную жизнь, ревностно исполняя возложенные на него обязанности, и его такое отношение к делу вызвало острое неприятие со стороны тех, кто не хотел ни признавать его административной роли, ни подчиняться трудовой дисциплине.

Немецкая педантичность, пунктуальность и требовательность порождали недовольство у окружения Шумахера, вызывая множество жалоб на него, вплоть до инициированного уголовного преследования. Немалую роль играла и постоянная нехватка денег в Академии и, по мнению некоторых академиков, этому способствовало направление денег не на научные исследования, а на ту же типографию с ее большим штатом вспомогательных работников, хотя она была крайне необходима для печатания трудов тех же академиков.

Пожалуй, стоит привести некоторые выдержки из той же «Летописи Российской Академии наук», показывающие Шумахера с разных сторон, а также некоторых других членов Академии, причем часть из них будет повторена, но для полноты картины это того стоит. *Курсивом* даны наши уточнения и комментарии.

1 января (ст. ст.) 1724 г.

По именному Указа Е.И.В. заключен контракт с Шумахером за подписью Блюментроста по управлению Библиотекой и Кунсткамерой, «также дондеже Академия размножится, при оной секретарское дело править». (Е.И.В. – *Его Императорское Величество.*)

1724 годъ.

Янв. 1. По именному Е. И. В. указу, съ библиотекаремъ Шумахеромъ таковъ контрактъ сочиненъ:

Обязуется оный библиотекарь, Данило Шумахеръ, библиотеку и кунсть-камеру въ своемъ правлении имѣть, какъ въ библиотекѣ, такъ и въ кунсть-каморѣ все порядочно содержать, въ библиотекѣ книгамъ, а въ кунсть-каморѣ обрѣтающимся разнымъ вещамъ каталоги учредить; такожде, дондеже академія размножится, при оной секретарское дѣло править. А противъ того, по именному жъ Е. И. В. указу, обѣщается оному библиотекарю, Данилѣ Шумахеру, жалованье по осми сотъ рублевъ на годъ, которое давано будетъ впередъ за годъ, какъ и прочимъ членамъ академіи. Такожде квартиру, дрова и свѣчи свободныя давать сего 1724 году января съ 1 числа.

[А]

Laurentius Blumentrost.

14 февраля 1724 года

Блюментрост составил для Шумахера инструкцию по приему приезжающих академиков, подбору младшего персонала, приобретению книг и инструментов.

1 июля 1724 года

Шумахер представил доклад о трудностях с получением денег.

4 января 1728 года

Блюментрост приказал «во отлучении своем в Москву все дела Академии и канцелярские управлять и крепить библиотекарю Шумахеру. А ежели же какие будут новые и важные дела, о тех писать в Москву и требовать резолюции от него, господина Президента».

24 февраля 1729 года

А.Д.Кантемир в письме Шумахеру поблагодарил за заботы об издании книги его отца Д.Кантемира и обсуждал посвящение к ней.

21 мая 1729 года

Блюментрост в письме Шумахеру из Москвы повторил свое требование, чтобы все академики писали учебники по своей науке.

14 августа 1729 года

Спорили о полномочиях Шумахера. Предложено каждому изложить свое мнение письменно. Герман заявил, что считает для себя унижительными обязанности помощника при Шумахере, а в остальном он свой долг исполняет.

25 августа 1729 года

Блюментрост написал Герману из Москвы письмо в защиту Шумахера.

Блюментрост написал следующее «Въ мое отсутствие я могу поручать кому хочу завѣдываніе академическими дѣлами. Сверхъ того, г. Шумахеръ не есть секретарь Академіи, но самый старшій изъ членовъ ея и секретарь его величества по дѣламъ Академіи, назначенный по особому повелѣнію съ самага начала учрежденія ея. Эта должность не была съ него слагасма, и, слѣдовательно, онъ состоитъ въ ней до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ новыхъ повелѣній, которыя уничтожатъ первое».

7 января 1732 года

Блюментрост, возвратившийся из Москвы, впервые пришел на заседание Конференции. Он отметил, что в его отсутствие не все дела велись должным образом и предложил профессорам подать в письменной форме свои мнения об Академическом уставе (*Его еще не было, и Регламент не был утвержден Сенатом.*)

10 января 1732 года

Шумахер подал запрос - будет ли Президент сам подписывать бумаги или это должен делать он.

12 января 1732 года

Зачитано распоряжение Блюментроста о том, что в его отсутствие в Конференции его будет замещать Х.Гольдбах, а Г.В.Крафт по-прежнему будет исполнять обязанности секретаря. Шумахеру поручается все дела по Академии и Канцелярии «исправлять и крепить».

11 ноября 1734 года

И-А. фон Корф (*третий по счету Президент Академии наук, ставший им 23 сентября 1734 года*) объявил, что отныне Академия отделяется от Канцелярии и других учреждений, Гольдбах остается секретарем Академии, Х.Медер – при Канцелярии, где Шумахер будет директором.

17 ноября 1736 года

Шумахер учинил расправу с «жалобщиками» - московскими учениками (*прибывшими в Петербург 1 января 1736 года, среди которых был и Ломоносов*), подавшими жалобу в Сенат об их обучении. Хотя их после этого стали регулярно обучать, но за дерзость были «батожем нещадно».

(*О, времена, о, нравы.*)

9 ноября 1737 года

Канцелярия (*Шумахер*) затребовала от всех ответы на вопросы: 1) жалованье; 2) сколько лет служит; 3) где служил раньше; 4) когда повышали в должности или давали прибавку жалованья; 5) имел ли наказания. (*12 ноября все представили ответы.*)

7 февраля 1738 года

Из Канцелярии присланы Указы Сената о пожаловании Гольдбаху и Шумахеру чинов советника Академии.

13 октября 1738 года

Из Канцелярии пришла копия Указа Сената о том, что отныне Гольдбах и Шумахер должны подписывать все дела Академии наряду с Президентом. (*Возможно нынешние «визы» оттуда и пошли.*)

30 декабря 1740 года

Шумахер долго обдумывал, как лучше оформить дипломы Академии, запросил мнения всех. 31 декабря набросок нового диплома был представлен Гольдбаху.

14 мая 1741 года

По требованию Шумахера в Канцелярию передан точный список всех почетных членов и профессоров Академии наук. (*15.04.1741 года фон Бреверн перестал быть Президентом Академии.*)

8 июня 1741 года

Ломоносов вернулся из Германии в Петербург и явился в Академию наук к Шумахеру.

22 января 1742 года

А.К.Нартов⁶⁹ написал доношение в Сенат на Шумахера, обвиняя его в различных злоупотреблениях и плохом отношении к академическим служащим, особенно к русским. 8 февраля оно было передано в Сенат.

25 июня 1742 года

Шумахер представил письмо Г.Гейнзиуса в Академию о жалобе на него Делиля, рапорт контролера Я.Гофмана о незаконном вскрытии писем Делиля.

30 сентября 1742 года

По жалобе на Шумахера Сенат по указанию императрицы учредил Следственную комиссию.

7 октября 1742 года

По решению Следственной комиссии Шумахер отстранен от дел и арестован. Опечатаны Кунсткамера, Библиотека и Книжная лавка Академии. На время расследования руководство Академией передано Нартову. В связи с «делом Шумахера» (*еще до него самого*) арестован ряд сотрудников Академии, в числе которых Ломоносов, находившийся под арестом с 27 мая 1742 года по 8 августа 1743 года, когда в связи с болезнью получил разрешение жить дома. «Дело Шумахера» значительно осложнило научную работу Академии.

20 декабря 1742 года

Конференция получила решение по поводу дел Академии – указ от 10 декабря с просьбой ответить на ряд вопросов: 1) как обращался к профессорам Шумахер; 2) какие из обязанностей академического архива мешают академикам работать.

3 января 1743 года

Все профессора начали отвечать на вопросы Следственной комиссии по делу Шумахера, переданные им 20 декабря 1742 года. Работа Комиссии продолжалась 5, 18, 24 января, 5, 8, 10, 15, 28 февраля, 17 и 21 марта 1743 года. Все просили сохранить статут Академии наук и выделяемые на ее содержание деньги. Научные вопросы не рассматривались.

21 февраля 1743 года

Ломоносов приходил на заседание Конференции, но не был допущен к участию, пока не будет принято решение Следственной комиссии о его неуважительном отношении к Конференции.

7 декабря 1743 года

«Всенародно» зачитан Указ Сената от 5 декабря 1743 года о возвращении Шумахера и отстранения Нартова от управления Канцелярией.

⁶⁹ отвечал за работу Инструментальных мастерских Академии, был токарем Петра Великого, изобрел уникальный токарный станок, опередив свое время.

12 января 1744 года

Сенат, рассмотрев доклад Следственной комиссии о недостойном поведении Ломоносова, решил освободить его от наказания, но при этом в течение года выдавать ему половинное жалование и просить ему прощения у профессоров. 27 января Ломоносов зачитал предписанное Сенатом извинение и был допущен к участию в заседаниях.

27 июля 1744 года

По предложению Шумахера распределялась между всеми сотрудниками работа по ревизии и описанию палат Академии. *(Сенатским Указом было предписано провести ревизию в Библиотеке и Кунсткамере, которая показала положительные результаты работы Шумахера. В частности, первоначальный фонд библиотеки составлял около 2 тысяч томов, а на момент ревизии книг было 18238 томов.)*

15 июля 1745 года

Выяснилось, что Шумахер послал в Сенат новую бумагу, согласно которой жалование профессоров он определил по собственному произволу, а не по их заслугам. Решено 17 июля собраться на экстренное заседание. Работа по составлению прошения в Сенат с жалобой на произвол Шумахера велась в течение нескольких дней июля и августа.

2 марта 1747 года

Ф.Г.Штрубе огласил приказ Президента⁷⁰: профессора, подписавшие жалобу в Сенат на Шумахера, должны в четырехдневный срок представить свои объяснения.

3 сентября 1748 года

Определено: Шумахера от дел по библиотеке и Кунсткамере освободить и за его долговременную службу и «безвинное претерпение» к его окладу советника в 1200 рублей добавить по 600 рублей в год и предоставить квартиру в академическом доме.

До 26 августа 1764 года

Ломоносов написал «Краткую историю о поведении академической Канцелярии ...» с резкой критикой Шумахера, И.К.Тауберта, Теплова и др.

Здесь нужно заметить, что Теплов, будучи в те годы управляющим Академией при Президенте Разумовском, конфликтовал с Ломоносовым, который умолял императрицу, чтобы она его «от Теплова ига избавить не презрела». Таким образом, в Академии отнюдь не только имелись конфликты, связанные с «немецким засильем».

Наконец, нужно перейти непосредственно к «делу Шумахера» и обстоятельствам, его вызвавшим. Для этого стоит обратиться к труду Пекарского 1870 года и привести из него дословно отдельные выдержки. Так, Пекарский пишет: «При Академии состоял съ званіемъ совѣтника бывший токаръ Петра Великаго, Андрей Константинович Нартовъ, въ вѣдѣніи котораго была инструментальная мастерская. Онъ лично считалъ себя обиженнымъ отъ Шумахера, о чемъ откровенно объяснялъ въ своемъ донесеніи: въ изданномъ Шумахеромъ описаніи, подъ заглавіемъ «Палаты Академіи» имени Нартова не было помѣщено въ числѣ академиковъ, тогда-какъ, по его мнѣнію, онъ состоялъ

въ ней членомъ⁷¹. Кромѣ того, Шумахеръ не давалъ жалованья на служившихъ при Нартовѣ канцеляристовъ и противился опредѣленію къ нему секретаря. Нартовъ поэтому долгомъ счелъ подать въ Сенатъ въ 1742 году донесеніе на Шумахера, гдѣ главныя обвиненія изложены были или неопредѣленно, или же такъ, что доказать ихъ положительно не было никакой возможности; притомъ же онъ примѣшалъ сюда много такого, что, нисколько не вредя Шумахеру, выказывало только личную вражду противъ него Нартова».

Нартов солидаризовался с академиком Делилем, имевшим «большой зуб» на Шумахера за его разоблачение с географическими картами России.⁷² Нартов привлек также жалобы некоторых академических служащих и студентов, утверждавших, что Шумахер присвоил себе несколько десятков тысяч рублей из денег, назначенных на Академию; что он был врагом русского народа⁷³ и что, наконец, умышленно старался об уничтожении намерений Петра Великого, высказанных в Проекте об Академии наук. Также в качестве обвинений звучало то, что Шумахер в Академии окружил себя родственниками.

Здесь, видимо, нужно коснуться тех, о ком шла речь. Из детей Шумахера, достигших совершеннолетия, были две дочери: одна вышла замуж за академика Аммана и умерла вскоре после свадьбы, а вторая была в первом браке за Таубертом, а во втором – за П.А.Ступишиным – представителем старинного дворянского рода. И, по мнению обвинителей, Шумахер при первой возможности прибавлял им жалованье. По Пекарскому следует, что «зятю академику Амману прибавлено жалованья подъ предлогомъ, что онъ опредѣленъ при кунсткамерѣ; любимецъ Шумахера и впослѣдствіи также его зять, студентъ Таубертъ произведенъ въ адъюнкты, а академикъ Крафтъ, женатый на сестрѣ Тауберта⁷⁴, получилъ должность инспектора гимназіи, отчего также сталъ пользоваться прибавкою къ жалованью».

Пекарский приводит фрагмент письма Ломоносова от 1 ноября 1753 года тогдашнему любимцу императрицы Елизаветы, Шувалову: «... Всѣ нынѣ упражняющіеся въ наукахъ говорятъ: не дай Богъ, чтобы Академія досталась Тауберту въ приданое за дочерью Шумахеровой». То, что ситуация в Академии была

⁷¹ что на самом деле не соответствовало действительности

⁷² Делиль был замечен, что тайно отправлял во Францию копии географических карт Российской Империи, после чего он порвал связи с Академией и, затем покинув Россию, всячески порочил ее в глазах европейской научной общественности.

⁷³ не напоминает штампы 1937 года?

⁷⁴ после того как дочь Шумахера развелась с Таубертом, они стали бывшими родственниками

⁷⁰ им 21 мая 1746 года стал Разумовский

напряжена, свидетельствуют и другие слова Пекарского, что «между Ломоносовымъ и Таубертомъ стали происходить безконечныя пререканія, причемъ съ обѣихъ сторонъ было непреодолимое желаніе унижить какимъ бы то ни было образомъ другъ друга. Въ этой враждѣ приняли участіе и прочіе члены Академіи: одни держали сторону Тауберта, другіе Ломоносова. Что бы ни предлагалъ одинъ, то старался уничтожить другой и пр. Все это, разумѣется, имѣло печальныя послѣдствія для ученаго общества и нисколько не содѣйствовало его процвѣтанію, хотя въ этой борьбѣ часто шла рѣчь объ интересахъ науки, просвѣщенія и общественнаго блага».

В гравировальной палате одно время служил младший брат Шумахера – И.Я.Шумахер, рисовавший виньетки для заставки и концовки многих изданий Академии наук. Он же был и известным архитектором и построил в Петербурге и Москве немало зданій и других сооружений. В том числе он спроектировал Химическую лабораторію для Ломоносова.

Пекарскій в 1870 году также приводит выдвигавшееся против Шумахера обвинение следующего толка – «Шумахеръ, для своихъ прихотей, завель при Академіи шестивесельную шлюпку⁷⁵, которой содержаніе въ годъ обходилось казнѣ 200 руб., а между тѣмъ никто изъ академическихъ служителей на ней не ѣздитъ; когда же имъ приходится переѣзжать рѣку (напомним, что мостов тогда не было) по казенной надобности, то имъ даются особыя деньги».

Шумахеру ставилось в вину даже то, что он не воспользовался служебнымъ положеніем, чтобы получить статус академика или профессора, хотя в Академическомъ университетѣ преподавал, закончив в свое время магистратуру при Страсбургскомъ университетѣ.

Известно, что инициатором жалобы на Шумахера былъ адъюнктъ Ломоносов [Ламанскій (Lamansky), 1865] и этимъ отчасти объясняется тотъ негатив, исходящій отъ историографовъ - поклонниковъ Ломоносова. Нетъ спору – Ломоносов – выдающійся ученый и сравнивать его с темъ же Шумахером, как, впрочем, и со многими академиками техъ лет, просто бессмысленно. Шумахер – просто хороший бюрократ, а Ломоносов – талантище⁷⁶, и ему, конечно, мог, по его мнѣнію, мешать чиновникъ Канцеляріи. Но и тогда все упиралось в деньги, точнее в ихъ нехватку.

Когда Шумахер узналъ о жалобѣ на него, то онъ отреагировалъ следующимъ образомъ: «Я съ

удовольствіемъ ожидаю, когда дойдетъ до меня дѣло, и сумѣю тогда раскрыть злостныя намѣренія этихъ людей. Оба⁷⁷ они обманщики и дураки, за каковыхъ слывуть у всѣхъ, кто ихъ знаетъ». 26 августа 1742 года Шумахер в письмѣ к Я.Штелину написалъ: «г. совѣтникъ Нартовъ получилъ изъ сенатской конторы паспортъ на проѣздъ въ Москву, безъ сомнѣнія, для подтвержденія переданныхъ Делилемъ пунктовъ и своихъ собственныхъ клеветъ. Я не обращаю на то вниманія, потому что у меня совѣсть чиста. Кромѣ нѣкоторыхъ негодяевъ, и большіе, и малые подтверждать, что намѣреніе обоихъ клонится единственно къ тому, чтобы разрушить Академію и извлечь пользу изъ ея разрушенія. Можно припомнить при томъ и нѣчто смѣшное. Делиль уже болѣе двухъ лѣтъ не имѣетъ сношеній съ Академіей, а теперь сенатская контора, по представленію Нартова, безъ вѣдома Академіи, передала этому Делилю экспедицію инструментальныхъ и лабораторныхъ наукъ - такъ титулуется теперь инструментальная мастерская. Это позоръ, какъ все идетъ!...».

Доношеніе Нартова, датированное 22 января 1742 года, 8 февраля было передано в Сенат, который, впрочем, не торопился предпринимать какие-то действия противъ Шумахера. Чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, Нартовъ действительно поехалъ в Москву (о чемъ упоминалось выше) и добился того, что 30 сентября 1742 года императрица Елизавета Петровна подписала Указъ о назначеніи следственной комиссіи. И 7 октября 1742 года по «делу Шумахера» Сенатомъ была создана специальная комиссія, которую возглавилъ Президентъ Адмиралтействъ-коллегии Н.Ф.Головин, а членами были вице-президентъ Военной академіи С.Л.Игнатьевъ и Президентъ Коммерцъ-коллегии Б.Г.Юсуповъ. Были арестованы Шумахер, контролеръ Гофманъ, книготорговецъ Прейсеръ и канцеляристъ Паули; тогда же вместо Шумахера все академическіе дела поручены Нартову. По порученію Комиссіи надзоръ за библиотекой и Кунсткамерой поручили адъюнкту Теплову и помощнику библиотекаря А.И.Богданову.

Но все познается в сравненіи. Нартовъ, жаловавшійся на самовольное управленіе Шумахера, когда же вступилъ самъ в распоряженіе делами, то стал, в свою очередь, поступать не менее самовольно и притомъ часто невежественнее. Грубое обращеніе Нартова с академиками и опечатаніе ихъ архива привели къ тому, что исконные враги Шумахера — академики стали подавать на вопросы комиссіи благоприятные для послѣдняго отзывы, а некоторые стали хлопотать даже о его возвращеніи къ управленію академическими делами. Не только академики-иноземцы не хотели слушаться Нартова, но и Ломоносовъ сталъ выказывать ему

⁷⁵ по нынѣшнимъ временамъ эту шлюпку, наверно, можно сравнить с некимъ люксовымъ автомобилемъ с мощнымъ двигателемъ

⁷⁶ хотя в то время (при подачѣ Нартовымъ жалобы на Шумахера) Ломоносовъ былъ только-только переведенъ изъ студентовъ в адъюнкты и могъ считаться по современнымъ понятіямъ «молодымъ ученымъ», в томъ числѣ, «проходя по возрасту»

⁷⁷ имѣлись в виду Нартовъ и Делиль

презрение. Делиль, действовавший с Нартовым вначале заодно, позже стал высказываться против него. Враждебная Шумахеру сторона являлась защитницей русских интересов в Академии, а между тем, служившие в ней русские, как-то Адодуров, Третьяковский и Теплов подали отзывы в пользу владычества над Академией Шумахера. Того же мнения стал придерживаться и Ломоносов, прося возвращения Шумахера, который вновь вступил в управление Академией в 1744 году. Но это случилось позже.

21 октября 1742 года был проведен первый допрос Шумахера, в ходе которого он сам признался⁷⁸, что брал казенный спирт, но позже смог относительно внятно объяснить свои действия, оправдываясь служебной необходимостью для дел Кунсткамеры и тем, что ранее Президенты Академии такое тоже себе позволяли. 24 декабря 1742 года Следственная комиссия приняла решение освободить из-под ареста Шумахера, так как не увидела никакого серьезного преступления с его стороны. 28 декабря 1742 года Шумахер был освобожден и все его пожитки «распечатаны».

А в начале следующего 1743 года состоялся Указ Сенату о возвращении Шумахера в Академию с выдачей жалованья, причитавшегося за время ареста. Еще через год комиссия закончила следствие, признав Шумахера виновным только в употреблении казенного простого вина (спирта) на свои нужды, за что он и был приговорен к уплате в казну 109 руб. с копейками. Но в то же время было найдено уместным представить Шумахера — за то, что он «претерпѣль не малый арестъ и досады», — в статские советники с назначением в директоры Академии, а товарищами к нему придать Тауберта и Адодурова. (Однако тогда этого не произошло.) Обвинителей же приговорили к наказанию плетью и батогами, но «высочайшей милостью» помиловали, разрешив вернуться в Академию. Но только 7 декабря 1743 года был зачитан Указ Сената от 5 декабря 1743 года об отстранении Нартова от управления Канцелярией.

Нартов за время своего правления пытался улучшить финансовое положение Академии, навести порядок в ее делах, но общего языка с академиками он не нашел и пробыл в этой должности только полтора года. По утверждению членов академии, он оказался «ничего, кроме токарного художества, не знающим», был «самовластным» администратором.

Однако война академиков и Шумахера не прекращалась до вступления в звание Президента академии (в мае 1746 года) графа Разумовского, который начал наводить в ней свои порядки. Но

нападки на Шумахера все равно шли и жалобы продолжали поступать в Сенат. Разумовский по рассмотрению всех жалоб академиков на Шумахера в декабре 1747 года наложил такую резолюцию «Советник Шумахер во всех своих поступках перед профессорами прав, и ненависть у них одним тем заслужил, что он по ревности своей к пользе и славе государственной принуждал тех профессоров, которые после того всем замешательствам и напрасным жалобам причиною были и всех возбуждали, к отправлению должности их и к показанию действительных трудов, для чего им столь знатные жалования определены».

Пожар 1747 года, произошедший в Кунсткамере и уничтоживший некоторое количество книг, знаменитый Готторпский глобус, а также часть образцов, привезенных Мессершмидтом из Сибири, никак не отразился на Шумахере, поскольку в нем оказался виновен истопник. К тому же за библиотеку тогда отвечал помощник библиотекаря А.И. Богданов.

Императрица Елизавета Петровна Указом от 24 июля (4 августа) 1747 года утвердила новые штат и «Регламент» Академии наук и художеств, составленный Шумахером и Тепловым, резко повышавший роль академической Канцелярии в управлении делами Академией. Вскоре после этого 28 июля (8 августа) 1747 года Теплов был избран почетным членом Императорской Академии наук и художеств с выдачей ему академического диплома и определен вторым членом Академического собрания (Конференции) по старшинству чина перед прочими академиками, заняв в иерархии Академии наук третью ступеньку, после Разумовского и Шумахера.

Наконец, 3 сентября 1748 года было окончательно определено: Шумахера от дел по библиотеке и Кунсткамере освободить и за его долговременную службу и «безвинное претерпение» к его окладу советника в 1200 рублей добавить по 600 рублей в год и предоставить квартиру в академическом доме. 4 декабря 1748 года императрица подписала Указ Сенату, в котором повелевалось: «Шумахеру быть у дѣль въ Академіи по прежнему, и за которое время жалованья онъ не получалъ, оное ему выдать». И это было видимо совсем не то, что ожидали его противники.

Из письма Шумахера Теплову от 11 февраля 1749 года: «какъ я доволенъ, что начинаютъ понимать истинныя чувства гг. профессоровъ! Имъ не я, Шумахеръ, отвратителенъ, а мое званіе. Они хотятъ быть господами, въ знатныхъ чинахъ, съ огромнымъ жалованьемъ, безъ всякой заботы обо всемъ остальномъ!...». И нужно думать, что Шумахер был прав. Вообще, несмотря на свое эльзасское происхождение, Шумахер, прожив в России почти

⁷⁸ в хищении спирта Шумахера не обвиняли и это, возможно, был очень хитрый ход с его стороны, но как сейчас это можно доказать...

всю свою сознательную жизнь, стал патриотом нашей страны и эти его слова и прочие действия не дают в этом усомниться.

В 1754 году Шумахер все же получил чин статского советника, соответствующий генерал-майорскому званию. Но к этому времени он уже был очень слаб - сказывался возраст. Нередко он по месяцу не ходил в канцелярию. Это и заставило Разумовского в 1757 году назначить присутствовать в академической канцелярии Ломоносова и Тауберта.

15 сентября 1759 года императрицей было объявлено Сенату высочайшее повеление, в силу которого Шумахеру пожалована «за его долговременная ея императорскому величеству и предкамъ ея величества службы, въ Лифляндіи, въ Дерптскомъ уѣздѣ мыза Укипихтъ и къ ней девять съ одною восьмою долею гака съ принадлежащими къ тому угодьями въ вѣчное и потомственное его владѣніе ему, Шумахеру, женѣ, дѣтямъ и наслѣдникамъ его».

Хотя жалобщики и обвиняли Шумахера в присвоении больших сумм денег, умер он в нищете. Так, у Пекарского читаем - «в іюля 1761 года Анна Доротея Шумахеръ писала въ академическую канцелярію: «мужъ мой статскій совѣтникъ и Академіи наукъ членъ Данииль⁷⁹ Шумахеръ сего іюля 2 дня волею Божею умре, а для пристойнаго по чину погребенія тѣла его имѣю въ деньгахъ крайнюю надобность, почему и просила о выдачѣ заслуженнаго имъ жалованья». «Въ іюль 1762 года женѣ Шумахера выданъ окладъ жалованья его, какъ сказано въ опредѣленіи, «за долговременную и усердную мужа ея службу, которую оказалъ онъ во первыхъ при Петре Великому въ учрежденіи государственной библиотеки и кунсткамеры, а потомъ въ правленіи дѣлъ при Академіи наукъ съ самаго ея начала и заведеніемъ при оной Академіи разныхъ художествъ, которые съ толь бодрымъ успѣхомъ и ' знатною казенною прибылью почти всѣ природными русскими производятся».

Рис. 20. Подпись И.Д.Шумахера
Fig. 20. The signature of I.D.Schumacher

Шумахер был похоронен на кладбище у Сампсониевского собора, но до наших дней могила не сохранилась, поскольку кладбище перестало

⁷⁹ Основное имя Шумахера при рождении – Даниил, о чем его жена, безусловно, знала, и это следует из подписи самого Шумахера, приведенной на рис. 21. Однако, приехав в Россию, Шумахер на русский манер стал называться, в том числе Иваном Даниловичем. Младший брат его носил имя Иоганн Якоб, т.е. Якоб.

существовать. Не сохранилось ни одного портрета Иоганна Даниила Шумахера,⁸⁰ и дошла только его подпись (рис. 20).

Положение, Регламенты, Уставы Академии наук

Прежде чем завершить данную статью нужно коротко коснуться правоустанавливающих документов, согласно которым Академия наук в нашей стране «жила» все эти годы. Хотя, так или иначе, многих из них мы уже касались, но все же стоит в хронологическом порядке их упомянуть, включая многократные, в том числе безуспешные попытки внесения изменений в эти важные документы.

Довольно много информации на этот счет содержится в Сборнике «Уставы академии Наук СССР», 1974 года издания, доступном, в том числе по адресу - http://old.ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/272/.

Итак, первым документом, регулирующим жизнь Академии наук, был Петровский Проект, с которым в старой орфографии можно ознакомиться здесь - <https://opentextnn.ru/history/historiography/institutions-historiography/academy/proekt-polozhenija-ob-uchrezhdenii-akademii-nauk-i-hudozhestv-1724-g/>. Его еще называли «генеральным регламентом». Однако в том Проекте далеко не все что нужно было прописано, и поэтому шли попытки разработать и утвердить Устав Академии наук. Уже 20 сентября 1725 года Блюментростом был составлен текст академического «Регламента» и 27 сентября передан в Сенат, но не утвержден им.

До 1747 года Академия не имела официального Устава. Помимо упомянутого выше документа действовали также Именной указ императрицы Екатерины I от 23 февраля (6 марта) 1725 года «О приглашении ученых людей в Российскую Академию Наук и о выдаче, желающим ехать в Россию, нужных пособий», данный российский послу князю А.Б.Куракину; Именной указ императрицы Екатерины I от 7 (18) декабря 1725 года «О заведении Академии Наук и о назначении оной президентом лейб-медика Блюментроста», который был объявлен из Сената 21 декабря 1725 (1 января 1726) года, и Высочайше утвержденный императрицей Анной Иоанновной доклад Академии Наук от 4 (15) февраля 1733 года «О форме печати оной Академии».

24 июля (4 августа) 1747 года императрицей Елизаветой Петровной были утверждены составленный Шумахером и Тепловым «Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» (http://old.ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/272/) и «Штат Санкт-Петербургской Императорской Академии наук и художеств», с разделением собственно на Академию и Университет. Но не все в нем устроило академиков. Так, в частности, 7 декабря 1748 года в

⁸⁰ те «изображения» Шумахера, что можно найти в интернете, следует считать импровизацией их авторов

Историческом собрании зачитано негативное мнение Ломоносова о «Регламенте».

Весной 1764 года Ломоносов составил свой проект «Регламента» Академии наук, с которым императрицу ознакомили уже после смерти его автора. 16 мая 1776 года академиком было предложено представить свои проекты реорганизации Отделений Академии для нового Устава. И Эйлер представил своей проект Устава, но в нем не учитывались национальные потребности развития науки в России. Также остался без утверждения проект Устава 1769 года, в котором предполагалось значительное увеличение научного состава Академии и имелись намерения приравнять академиков к государственным служащим. 11 января 1782 года Екатерина II назначила комиссию для выработки нового Устава Академии, но и он не был принят.

В новом столетии 18 марта 1802 года было подписано распоряжение об организации комитета для разработки Уставов Академии наук, Российской академии и Московского университета. 25 июля (6 августа) 1803 года император Александр I утвердил «Регламент Императорской Академии Наук» и «Примерный Штат Академии Наук» (<https://opentextnn.ru/history/historiography/institutions-historiography/academy/reglament-akademii-nauk-1803-g-70-44-kb/>). Регламент гласил, что Академии отводилась роль центра науки и организации научных исследований.

30 января (11 февраля) 1830 года император Николай I высочайше утвердил дополнительные пункты к «Регламенту Императорской Академии Наук» и «Штат Императорской Академии Наук» (опубликованы Сенатом 19 февраля (3 марта) 1830 года). Однако 11 февраля 1832 года было решено приступить к подготовке нового текста Устава. И 8 января 1836 года Устав Академии наук был утвержден (<https://opentextnn.ru/history/historiography/institutions-historiography/academy/ustav-sankt-peterburgskoj-akademii-nauk-1836-g/>). 7 февраля вышел Указ Сената о введении в действие утвержденных Николаем I Устава и Штата Академии взамен прежнего Регламента и Штата 1803 года. В §1 Устава Академии, утвержденного императором Николаем I в 1836 г., указывалось, что Академия наук есть «первенствующее ученое сословие в Российской Империи». 11 марта 1836 года Конференция Академии наук была ознакомлена с Уставом и было принято решение издать его тиражом в 150 экземпляров. В 1869 году Устав был издан вторично и в 1889 году еще раз.

19 (31) октября 1841 года вышел рескрипт на имя министра народного просвещения и высочайше утвержденное императором Николаем I «Положение об Отделении Русского языка и словесности при

Императорской Академии Наук», на основании которого Российская Академия была присоединена к Императорской Академии Наук в виде особого Отделения Русского языка и словесности. Для организации деятельности нового Отделения было разработано специальное Положение, утвержденное императором тем же 19 октября 1841 года. В связи с этим была начата работа над новым Уставом, но проекты, ни 1841, ни 1843 годов не были представлены на утверждение.

Новый Президент Академии наук Д.Н.Блудов 2 марта 1856 года предложил Общему собранию создать комиссию для пересмотра действующего Устава. Но из-за неудач Крымской войны было решено с Уставом повременить. В 1860-х годах в связи с идущими реформами в стране вновь встал вопрос о новом Уставе Академии и 24 декабря 1863 года Александр III дал указание на составление нового Устава «с целью усилить научную деятельность Академии, направив ее на пользу России». В 1864 году была создана специальная комиссия, и 23 января 1865 года Министр народного просвещения А.В.Головин получил проект разработанного Устава и распорядился разослать его для обсуждения в Университеты, а также напечатать в «Журнале Министерства народного просвещения», что вызвало сильное недовольство академиков.

При Московском университете тоже была создана специальная комиссия для рассмотрения проекта Устава Академии наук. Данная комиссия пришла к заключению, что Академия давно отклонилась от задач, поставленных ей Петром Первым, против нее возникло сильное общественное предубеждение. Особо подчеркивалось, что Академия наук есть такое же научное общество, как и другие. Отличается она от них лишь тем, что академики получают более высокие оклады и чины. Другие российские университеты высказали аналогичную точку зрения в адрес «первенствующего научного сословия». Академия наук решила не отвечать на высказанные замечания, оказавшись в еще большей изоляции. Тем не менее, 12 января 1866 года проект Устава Академии наук был направлен на утверждение в Государственный совет, который счел нецелесообразным принятие данного Устава.

Еще одна попытка пересмотреть Устав 1836 года относится к 1890 году, когда Академию возглавил новый Президент Константин Константинович. Для обновления Устава в начале 1890 года была создана специальная комиссия для пересмотра тех параграфов, которые не отвечали веяниям времени. Тем не менее, в итоге было принято решение сохранить Устав 1836 года.

В конце 1901 года еще раз поднимался вопрос об изменении Устава, однако созданная комиссия

пришла к заключению, что Устав 1836 года «дает достаточные определения прав и обязанностей первенствующего ученого сословия Российской империи».

Вскоре после Февральского переворота возникли предложения по внесению изменений в Устав в плане демократизации ряда процедур и, в частности, предлагалось допустить выборность Президента и вице-президента самим академическим сообществом. 9 мая 1917 года Временное правительство утвердило изменения в Уставе 1836 года, затронувшие как раз упомянутые выше процедуры.

26 ноября 1918 года была создана комиссия по пересмотру Устава Академии. В проекте оговаривался предельный возраст для академиков в 70 лет, по достижению которого они не могли занимать административные должности. Но разработанный к январю 1919 года проект Устава был возвращен на доработку, поскольку не все положения понравились власти, и работа над Уставом продолжалась вплоть до 1923 года. Однако жизнь требовала внесения корректив. Так, 7 февраля 1920 года на Общем собрании Академии наук было принято новое Положение о порядке избрания действительных членов. В связи в переходом Академии наук в подчинение Совнаркому СССР 25 июля 1925 года была создана новая комиссия под председательством члена коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции Милютина. Со стороны Академии в нее входили вице-президент Стеклов и неперменный секретарь Ольденбург. 26 мая 1927 года на заседании Политбюро было решено утвердить выработанный комиссией Милютина Устав АН СССР с поправками. Затем уточненный вариант Устава был согласован с Президиумом Академии наук и с Управлением делами СНК СССР. 18 июня 1927 года Устав был утвержден (<https://opentextnn.ru/history/historiography/institutions-historiography/academy/ustav-an-sssr-1927-g/>). Он стал первым Уставом Академии наук СССР. В нем указывалось, что Академия является высшим научным учреждением Советского Союза и состоит при ЦИК СССР. При этом появилась карательная норма, согласно которой академиков можно было лишать этого звания ввиду их несоответствия, а также если их деятельность направлена явным образом во вред СССР.

Но уже в 1929 году было решено приступить к выработке нового Устава Академии, который был принят Общим собранием Академии 4 апреля 1930 года и утвержден Президиумом ЦИК СССР 23 мая 1930 года (<https://opentextnn.ru/history/historiography/institutions-historiography/academy/ustav-an-sssr-1930-g/>). Но на этом изменения не закончились, и 28 апреля 1934 года неперменный секретарь Волгин на Общем собрании

объявил о необходимости в новом Уставе, который в итоге был принят и утвержден 23 ноября 1935 года (<https://opentextnn.ru/history/historiography/institutions-historiography/academy/ustav-an-sssr-1935-g/>). Затем еще ряд изменений в Устав вносились, начиная с 1937 года.

После завершения Великой Отечественной войны в 1956 году приступили к выработке нового Устава Академии, который был утвержден 28 марта 1959 года и введен в действие 31 марта 1959 года (<https://opentextnn.ru/history/historiography/institutions-historiography/academy/ustav-an-sssr-1959-g/>). 29 июня 1962 года была создана комиссия для разработки проекта нового Устава Академии наук. В этот момент шли серьезные преобразования структуры Академии наук СССР. Новый Устав был утвержден 1 июля 1963 года (<https://opentextnn.ru/history/historiography/institutions-historiography/academy/ustav-an-sssr-1963-g/>). В дальнейшем в действующий Устав еще вносились незначительные поправки: 22 июня 1964 года, 14 декабря 1965 года, 1 июля 1966 года, 6 марта 1968 года, 24 ноября 1970 года.

С ныне действующим Уставом Российской академии наук, а также с предшествующими ему Уставами прежних лет можно ознакомиться на сайте РАН – <https://www.ras.ru/about/rascharter.aspx>.

Заключение

Российская академия наук - одна из немногих общероссийских институций, которая имеет столь длинную непрерывную, преемственную 300-летнюю историю и этим, безусловно, должна гордиться.

Однако с памятными и праздничными датами не все так просто, поскольку таковыми может быть на выбор целый их ряд: 13 (24) января 1724 года Петр I написал записку об учреждении Академии наук и художеств, «в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам и переводили книги»; «назначить место для сего и доход»; 20 (31) января 1724 года – Петр I подписал закон, в котором в одном из пунктов идет речь об «Академии наук, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам и переводили книги, назначить место для сего и доход»; 22 января (2 февраля) 1724 года – Сенат одобрил Проект положения об учреждении Академии наук и художеств; 28 января (8 февраля) 1724 года – последовал объявленный из Сената Именной Указ Петра I «Об учреждении Академии Наук и Художеств» с приложением Проекта ея; 15⁸¹ августа 1725 года – императрице

⁸¹ не ясен стиль этой даты – какое летоисчисление использовалось для этого документа, хотя, скорее всего, это был григорианский календарь и соответственно сегодня это тоже самое число

Екатерине I представлены в Летнем дворце несколько академиков (и это некоторые историографы склонны рассматривать как первое заседание Академии, хотя протокол не велся); 2 (13) ноября 1725 года – состоялось первое зафиксированное заседание Академии (проходившее еще до ее официального открытия, но протокол уже велся); 20 ноября (1 декабря) 1725 года - издан Указ Екатерины I «О заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Л.Л.Блюментроста»; 7 (18) декабря 1725 года - объявлен через Сенат Именной Указ Екатерины I «Об открытии предположенной к учреждению императором Петром Великим Академии наук и о назначении в оную президентом лейб-медика Лаврентия Блюментроста»; 27 декабря 1725 года (7 января 1726 года) – официальное открытие Академии наук в присутствии многочисленных высокопоставленных гостей и прочей знати; 29 декабря 1776 года (9 января 1777 года) – празднование 50-ти летия Академии наук, на котором пожелала присутствовать Екатерина II и затем в этот день (в декабре) в память об этом событии проводились неоднократно Годичные собрания Академии.

Но какую же из этих дат следует считать наиболее важной? Причем, как говорилось выше, различные юбилеи Академии в прежние годы проводились в разные дни, в том числе не связанные ни с одной из вышеупомянутых дат.

Итак, 22 января (2 февраля) 1724 года, безусловно, важная дата и это есть наиболее точная дата рождения нынешней Российской академии наук. Причем, долгие годы (и мы это специально подчеркивали в ходе изложения) Годичные собрания в прошлом, в том числе уже в Советской России и в СССР проводились именно в этот день. Однако 28 января 1724 года вышел объявленный через Сенат именной Указ Петра Великого, к которому прикладывался уже печатный вариант Проекта (хотя и несколько отличающийся от рукописного), но он также нес указания на пометы императора. Все же этот день, а ныне это 8 февраля следует считать не днем рождения, а днем регистрации Академии наук в нашей стране. И тут можно даже увидеть некую аналогию с нынешней в ЗАГСе регистрацией новорожденного, дающей ему «путевку в жизнь» в виде первичного удостоверения личности. Что касается приведенных выше слов Шумахера - «Сие есть подлинное начало Санктпетербургской академии», относящихся к весне 1723 года, то то время можно считать зачатием Академии.

Итак, получается, что Академия зачата весной 1723 года (ранее шли лишь различные приготовления к этому действию), рождена 2 февраля 1724 года, а зарегистрирована как Учреждение науки в России 8

февраля того же года. И эти две конкретные даты – 2 и 8 февраля 1724 года – самые важные. Что касается дней 13 января и 20 января, то их, применяя аналогию, можно считать «подготовительными или предродовыми схватками». Хотя и прочие последующие даты важны, поскольку это уже история становления и развития Академии – ее жизненного пути. Так, если проводить аналогии и дальше, то Указ Екатерины I об организации Академии и затем ее торжественное открытие, можно сравнить с получением основного удостоверяющего документа и началом трудовой деятельности соответственно. При этом почему бы не допустить, что очередную круглую дату Академия будет отмечать со 2-го по 8-ое февраля в двух столицах, как это уже было, например, в 1925 и 1945 годах?

Как можно видеть из данной статьи, при очень кратком рассмотрении вопросов создания и в течение трехсот лет функционирования Академии наук в нашей стране, мы уделили значительное внимание ее организации и предшествующему периоду, что не удивительно, поскольку в этом явно проявился гений Петра Великого. Причем тогда в силу объективных и даже субъективных причин имело место не международное сотрудничество, а фактически наставничество со стороны ряда стран западной Европы. Но сейчас подобное уже излишне и массового приглашения ученых из-за рубежа (как это было во времена Петра I) уже давно не требуется, поскольку в России выросла собственная плеяда высококлассных ученых.

Довольно подробно (насколько это возможно в обычной статье) коснулись первых лет жизни Академии в XVIII веке, а также начавшегося после Октябрьского переворота и шедшего не меньше полутора десятилетий «великого перелома» в науке (или науки), пик которого пришелся на 1929 год, сравниваемого некоторыми учеными даже с коллективизацией в сельском хозяйстве [Берлявский (Berlyavsky), 2012].

К сожалению, история советского периода функционирования АН СССР, изложенная во многих публикациях, несет на себе отпечаток тенденциозности и политизированности, мешающий воспринимать действительность какой она была в реальности, что отмечается известным историографом Российской академии наук Есаковым [Есаков (Esakov), 2000]. Можно также как дополнительный аргумент привести слова из упоминавшейся выше брошюры «К двухсотлетию Всесоюзной академии наук...», изданной в 1925 году и не имевшей конкретного автора. На странице 8 этого труда есть фраза – «Большинство академиков были выходцами из низших классов населения. Особенно нужно отметить имя М.В.Ломоносова, крестьянина». Что,

конечно, было не так, но видимо, по-другому тогда написать было бы политически безграмотно.

И это не единичный пример подобных неверных высказываний об Академии в советские годы, в отличие от единичного примера самого Ломоносова, хотя кое-кто усматривает в его происхождении не только «крестьянскую кровь». Впрочем, еще один адъюнкт и Почетный член Академии наук Теплов, выполнявший даже роль управделами Академии при президенте Разумовском, имел простое происхождение, хотя его биологическим отцом считается глава Синода Феофан Прокопович - очень влиятельный человек при Петре I⁸² и сохранивший часть своего влияния в последующие годы.

В своем изложении мы остановились на повторной организации Российской академии наук, не затронув дальнейшие десятилетия. И сделано это намеренно, поскольку их еще должны проанализировать профессиональные историки, а «большое», как известно, видится на расстоянии. И не нам сейчас судить и делать какие-то выводы об этом времени. При этом 8-ой том «Летописи Академии наук 1954 – 1959», только что вышел из печати, уже возможно готовятся последующие, которые, безусловно, будут интересны читателям и любителям старины, пусть даже недавней.

Не оставили без внимания отмечавшиеся юбилеи Академии наук, в том числе проводившиеся с большим размахом, а также День Советской и теперь Российской науки, объединяющий все научное сообщество нашей страны. Постарались собрать не самые освещаемые события и малоизвестные факты из истории Академии наук и иже с ней, до части которых нам пришлось «дойти» самим, анализируя доступные документы и прочие источники информации.

Использовавшиеся кое-где при передаче оригинальных исторических текстов старорежимные слог и орфография являются данью уважения нашим предкам, тем более, что читать их не сильно затруднительно.

⁸² Феофан Прокопович исповедовал императора перед его кончиной и как считают некоторые - Петр открыл ему тайну о своем незаконнорожденном внебрачном сыне и просил о нем позаботиться, что Феофан, похоже, и делал, пока был жив, а перед смертью мог рассказать об этом дочери Петра Первого – будущей императрице Елизавете Петровне, которая, заняв престол, также поддерживала единокровного брата. Хотя все это домыслы (не лишены, впрочем, некоторых оснований), но точный ответ может дать только генетический анализ определения родства и чтобы решиться на эти исследования, включающие эксгумацию, нужны дополнительные исторические свидетельства и проработки разных версий.

Надеемся, что данная статья привлечет внимание широкого круга читателей, интересующихся историей возникновения и развития науки в нашей стране, хотя, будучи биологами, мы чуть подробнее коснулись вопросов, связанных с науками о Жизни.

Верим, что без прогресса науки у человечества нет будущего. Ведь все, что нас сейчас рукотворное окружает - так или иначе, есть результат научных изысканий. Да и природное в индустриальном обществе во многом сохраняется благодаря науке. И так должно быть всегда, пока существует Жизнь на планете Земля.

Безусловно, фундаментальная наука сама по себе, конечно, интернациональна и международное сотрудничество нужно. По мере возможностей его надо развивать, однако оно должно работать на благо Российской Федерации, принося нашей стране ощутимую пользу или, по крайней мере, она должна быть обоюдною.

Несколько бездумное⁸³ подталкивание отечественных ученых к совместным исследованиям с зарубежными партнерами в недавнем прошлом на самом деле в некоторых областях сыграло отрицательную роль, когда таковые почти прекратились, и ученые России оказались зависимыми от так называемого «коллективного Запада» по ряду методологических подходов, поскольку ранее соответствующие эксперименты выполнялись зарубежными коллегами на их приборной базе вместо того, чтобы развивать недостающие компетенции в нашей стране. Здесь мы имеем в виду, в частности, близкое нам и очень важное во многих смыслах полногеномное секвенирование с его разными подходами, включая само оборудование для его проведения, а также весьма дорогие расходные материалы к нему, отечественные аналоги которых в России только-только начали появляться. И, в частности, ООО «Синтол», производя капиллярный и полногеномный секвенаторы и реактивы к ним, является одним из пионеров в этой области в нашей стране.

Очень жаль, что в какой-то момент в Российской Федерации у власти оказались люди, посчитавшие, что все можно купить, но технологическую независимость просто так не купишь, и о ней нужно было заботиться самим и всегда. К тому же из этого проистекают прочие проблемы в таких важных сферах как биобезопасность и кибербиобезопасность, равно как и

⁸³ имеется в виду «сотрудничество ради сотрудничества», без наличия хорошо продуманного плана извлечения максимальных выгод для нашей страны, включая разработанную стратегию его реализации «в долгую»

обычная кибербезопасность, которым в современных условиях следует уделять повышенное внимание.

Нашей державе всенепременно нужны передовые научные результаты⁸⁴, обеспеченные, в том числе отечественными прорывными технологиями, патентование которых даст ощутимое преимущество, включая экономическую сферу. Отрадно, что процесс в этом направлении теперь идет все активнее, в том числе в Десятилетие науки и технологий.

Желание быть представленными в мировой научной литературе большим числом публикаций «любой ценой» привело к тому, что сейчас отечественные ученые вынуждены тратить немалые, в том числе бюджетные деньги разных уровней за принятие их статей в зарубежные журналы из верхних квартилей. Причем такие публикации оказываются не всегда лучшего качества (например, не полностью завершенными), поскольку часто главное для авторов, чтобы статья «вышла» из печати к некоему сроку (как правило, к тому или иному отчету), а вызовет ли она интерес и будет ли цитироваться в будущем – это уже, по сути, становится делом вторым. Это абсолютно неправильный путь завоевания достойных научных мировых позиций, который к ним к тому же принципиально привести не может.

При этом именно цитирование (независимое⁸⁵), а не количество абы каких публикаций определяет уровень проводимых исследований в стране и вызывает уважение к ним. И набивший оскомину индекс Хирша здесь не причем, поскольку он, фактически, игнорирует самые важные прорывные исследования. Поэтому этот индекс и ему подобные ущербные наукометрические показатели, рассчитываемые зарубежными библиометрическими базами данных и фирмами, строящими на этом свой бизнес, на научный процесс в Российской Федерации не должны оказывать серьезного влияния. И здесь нужно взять пример с КНР, которая отказалась от этого еще в 2018 году. Хотя нужно признать, что и с экспертными оценками результатов научных исследований не все так просто, и они далеко не всегда могут быть независимыми.

Также необходимо стремиться, чтобы и отечественные научные журналы по многим дисциплинам высоко котировались и в них на международном языке науки (уже давно⁸⁶ ставшим

английским) хотели бы публиковаться известные в мире ученые, в том числе из других стран. Но и полностью русскоязычные журналы также обязательно нужно поддерживать и развивать.

И то, что сейчас при оценке результатов научных исследований с публикационной активности акцент будет смещен на востребованность научных разработок промышленностью следует расценивать, безусловно, положительно, хотя нужно иметь в виду, что фундаментальная наука сразу внести свой вклад в реальное производство не сможет и нужно время. К тому же с производственными предприятиями более тесный контакт имеют технические науки, тогда как естественные науки в целом дальше от них, не говоря уже про гуманитарные направления. Видимо необходимо, чтобы получаемые научные результаты оказывались в той или иной степени востребованы всем обществом. В этой связи в настоящее время от всех ученых требуется повышенная ответственность за проводимые исследования и их актуальность.

Однако на все передовое нужны деньги. Много денег. И они в нашей стране с ее богатствами, безусловно, есть. А будет их еще больше, и в немалой степени именно благодаря науке, которая становится все более мощной производительной силой современного общества. И трехсотлетие Российской академии наук в определенной степени тому залог. Но, как и во всем, нужны вложения.

Завершая данную статью на пафосной ноте, пожалуй, следует вспомнить приписываемые императору Александру III слова – «у России есть только два союзника – ее армия и флот». Однако сейчас к ним нужно добавить еще и современную, как фундаментальную, так и прикладную науку⁸⁷. Тем более, что наукоемкость нынешних армии и флота несравнимо выше, чем в прежние времена. И научный поиск должен идти во всех направлениях. Можно вспомнить и другие мудрые слова, авторство которых также под вопросом – «кто не хочет кормить свою армию, тот будет кормить чужую». Но сейчас армия (включая флот) и наука связаны воедино неразрывно и, соответственно, нужно хорошо финансировать обе эти государственные структуры, не забывая, впрочем,

вытеснив немецкий язык. При этом в Петровские времена языком науки была латынь, а также немецкий, до этого им был греческий, затем недолго французский, испанский. Существует легенда, что Ломоносов от адъютанта Географического департамента И.Трускотта потребовал говорить с ним по латыни, коль скоро тот ученый. И действительно мировой язык науки каждый, считающий себя ученым, знать должен.

⁸⁷ в том числе академическую, поскольку статья посвящена ей

⁸⁴ в том числе, полученные с участием зарубежных партнеров на паритетных началах

⁸⁵ под которым следует понимать цитирование публикаций нейтральными учеными, а не самоцитирование и не цитирование соавторами общих статей

⁸⁶ Английский языком науки частично стал после уже Первой и окончательно после Второй мировых войн,

и про гражданскую науку. Если слегка перефразировать еще одно известное выражение, то неким девизом ученых можно считать следующий с более правильной логикой посыл – «Бороться, не сдаваться, искать и находить!»

Литература

1. Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге В кн. Петр Великий : Сборник статей. Москва; Ленинград : 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР. 1947. С.284-333.
2. Атаянц М.Ю. Деятельность центральной комиссии по улучшению быта ученых (1921 - 1925) // Государственная служба. 2012. №5. С.89-91.
3. Афиани В.Ю., Илизаров С.С. «... Мы разгоним к чертовой матери Академию наук», - заявил 11 июля 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. №1. С.167-173.
4. Басаргина Е.Ю. Кирикова О.А., Поникаровская М.В. (сост.) Петр Великий и основание Петербургской академии наук : документы и материалы. Часть 1. Министерство науки и высшего образования РФ, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. 2022. 169 С.
5. Басаргина Е.Ю. Кирикова О.А. (сост.) Петр Великий и основание Петербургской академии наук : документы и материалы. Часть 2. Министерство науки и высшего образования РФ, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. 2022. 279 С.
6. Бастракова М.С. (предисловие) Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925) : Сборник документов. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 419 с.
7. Берлявский Л.Г. Эволюция правового статуса Академии наук в 20-е годы XX века // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. Т.2. С.142-161.
8. Вайсмань Д. Къ вопросу о повышении производительности научного труда (Научная организация научной работы). Екатеринбург : Наука, 1919. 90 С.
9. Визгин В.П. Ядерный щит в "тридцатилетней войне" физиков с невежественной критикой современных физических теорий // Успехи физических наук. 1999. Т. 169. С. 1363–1389. DOI: 10.3367/UFNг.0169.199912j.1363
10. Гайсинович А.Е. Зарождение и развитие генетики // М. Наука. 1988. 424 С.
11. Гарафутдинов Р.Р., Чемерис А.В. «Российский след» в ранних исследованиях нуклеиновых кислот // Биомика. 2019. Т.11(3). С. 266-281. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2019-25
12. Геращенко Г.А., Гарафутдинов Р.Р., Баймиев Ан.Х., Кулуев Б.Р., Баймиев Ал.Х., Чемерис А.В. Два величайших открытия двух столетий - нуклеин и двойная спираль ДНК // Биомика. 2019. Т.11(3). С. 259-265. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2019-24
13. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Москва : тип. Н. Степанова, 1839. Т.10. 468 С.
14. Ергин Ю.В. Уфимский физический институт (1919-1937). Уфа : Гилем. 2006. 121 с.
15. Есаков В.Д. От Императорской к Российской: Академия наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6. С.120-132.
16. Есаков В.Д. О некоторых вопросах истории Академии наук. (К 275-летию юбилею РАН) // Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг. Вып. 2 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н.Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 258-285.
17. К двухсотлетию Всесоюзной академии наук. (1725-1925). Ленинград : Гос. изд., 1925. 48 С.
18. Коллектив авторов (под ред. Э.И.Колчинского) Во главе первенствующего ученого сословия России. СПб. Наука. 2000. 206 С.
19. Колчинский Э.И., Конашев М.Б. Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал»? // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. Т.24(4). С. 49-74.
20. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1977. 211 с.
21. Ламанский В.И. Ломоносов и Петербургская академия наук : Материалы к столетию памяти его 1765-1865 года, апр. 4-го дня // Москва : Унив. тип. 1865. 156 с.
22. Лаппо-Данилевский А.С. Петр Великий, основатель Императорской Академии наук в С.-Петербург. Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. Наук. 1914. 60 с.
23. Леонов В.П. Избранное. Библиотека РАН. Санкт-Петербург : БАН. 2021. 568 с.
24. Либенсон В.С. Шкала для оценки значимости научных работ / В кн.: Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. IV. Л., 1971. С. 300-304.
25. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1973. 374 С.
26. Майер А.Л. О старом Зимнем дворце и палате в коей скончался государь император Петр Великий : Сведения, собр. по повелению е. и. в. ген.-инспектора по инж. части А.Л.Майером. Санкт-Петербург : 1872. 16 С.
27. Мичурин И.В. Избранные сочинения. Под общей редакцией П.Н.Яковлева. М.,

- Государственное издательство сельскохозяйственной литературы. 1948. 792 с.
28. Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого : Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. Санкт-Петербург : тип. В.Киршбаума. 1897. 86 С.
 29. Пекарский П.П. История Академии наук в Петербурге Петра Пекарского / Санкт-Петербург : Отделение русского языка и словесности Акад. Наук. 1870. Т. 1. 775 с.
 30. Савельева Е.А. Иоганн Даниель Шумахер и Библиотека Академии наук / В кн.: Немцы в России : петербургские немцы. Санкт-Петербург. 1999. С. 9–19.
 31. Серов Д.О., Жуковская А.В. Письма и бумаги прибыльщика Алексея Курбатова (1700-1720-е годы) // Москва : Издательский дом Высшей школы экономики. 2023. 549 с.
 32. Соболев В.С. Из истории российской науки // Социология науки и технологий. 2011. Т.2(1). С.9-24.
 33. Сонин А.С. Физический идеализм: История одной идеологической кампании. М. : Физматлит. 1994. 225 с.
 34. Спирин А.С. (ред.) Фридрих Мишер. Труды по биохимии. М. 1985. 318 с.
 35. Столяров Ю.Н. Вклад И.Д.Шумахера в развитие русской науки и культуры. (К 325-летию со дня рождения первого российского библиотекаря и библиотековеда) // Научн. и техн. 6-ая кн. 2015. №9. С.34-50.
 36. Столяров Ю.Н. Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (К 300-летию со дня рождения). Книга. Исследования и материалы. Москва : Кн. палата, 1990. С. 116–130.
 37. Струмилин С.Г. К методологии учета научного труда. Л. 1932. 30 С.
 38. Тимирязев К. Из научной летописи 1912 г. Отбой мендельянцев // Вестник Европы. 1913. С.267-283.
 39. Шебунин А.Н. Основание Академии наук // Новое литературное обозрение. 2002. №2(54). С.7-28.
 40. Янин В.Л. О тех, кого помню, - с улыбкой. (Из коллекции академика В.Л.Янина) // Вестник Российской академии наук. 2002. Т.72(4). С. 381-384.
 41. Byrne J., Dahm R. Friedrich Miescher and the 150th anniversary of the discovery of DNA // *Biomics*. 2019. V.11(3). P. 249-258. doi: 10.31301/2221-6197.bmcs.2019-23
 42. Fruton J.S. P.A. Levene and 2-deoxy-D-ribose // *Trends in Biochemical Sciences*. 1979. V.4. P. 49-50. DOI: 10.1016/0968-0004(79)90351-7
 43. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // *Proc Natl Acad Sci USA*. 2005. V.102(46). P.16569-16572. doi: 10.1073/pnas.0507655102
 44. Hu J, Gao C. CRISPR-edited plants by grafting. *Nat Biotechnol*. 2023 Jul;41(7):909-910. doi: 10.1038/s41587-022-01516-7
 45. Langin K. Researchers buy citations to inflate metrics // *Science*. 2024. V.383(6685). P.807. doi: 10.1126/science.ado7761
 46. Levene P.A., London E.S. The structure of thymonucleic acid // *J. Biol. Chem*. 1929. V.83. P. 793-802.
 47. Williams G. *Unravelling the Double Helix: The Lost Heroes of DNA*. Wiedeneld & Nicolson. London. 2019. 494 P.
 48. Yakhin O.I., Lubyaynov A.A., Yakhin I.A., Brown P.H. Biostimulants in Plant Science: A Global Perspective. *Front Plant Sci*. 2017. V.7. 2049. doi: 10.3389/fpls.2016.02049

References

1. Andreev A.I. *Osnovanie Akademii nauk v Peterburge* V kn. Petr Velikij : Sbornik statej. Moskva; Leningrad : 1-ja tip. Izd-va Akad. nauk SSSR. 1947. S.284-333. [Foundation of the Academy of Sciences in St. Petersburg] (In Russian)
2. Atajants M.Ju. *Dejatel'nost' central'noj komissii po uluchsheniju byta uchenyh (1921 - 1925)*. *Gosudarstvennaja sluzhba*. 2012. №5. S.89-91. [Activity of the central commission for the improvement of the life of scientists (1921-1925)] (In Russian)
3. Afiani V.Ju., Ilizarov S.S. "... My razgonim k chertovoj materi Akademiju nauk", - zajavil 11 ijulja 1964 g. pervyj sekretar' CK KPSS N.S.Hrushhev. *Vopr. istor. estestv. tehn*. 1999. No1. S.167-173. ["... We will disperse the Academy of Sciences to hell," First Secretary of the Central Committee of the CPSU N.S. Khrushchev said on July 11, 1964] (In Russian)
4. Basargina E.Ju. Kirikova O.A., Ponikarovskaja M.V. (sost.) *Petr Velikij i osnovanie Peterburgskoj akademii nauk : dokumenty i materialy*. Chast' 1. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija RF, Sankt-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj akademii nauk. 2022. 169 S. [Peter the Great and the foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences : documents and materials. Part 1.] (In Russian)
5. Basargina E.Ju. Kirikova O.A. (sost.) *Petr Velikij i osnovanie Peterburgskoj akademii nauk : dokumenty i materialy*. Chast' 2. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija RF, Sankt-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj akademii nauk. 2022. 279 S. [Peter the Great and the foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences : documents and materials. Part 2.] (In Russian)
6. Bastrakova M.S. (predislovie) *Organizacija nauki v pervye gody Sovetskoj vlasti (1917-1925) : Sbornik dokumentov*. Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie, 1968. 419 s. [(preface) The organization of science in

- the early years of Soviet power (1917-1925) : A collection of documents] (In Russian)
7. Berl'janskij L.G. Jevoljucija pravovogo statusa Akademii nauk v 20-e gody XX veka. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. 2012. T.2. S.142-161. [Evolution of the legal status of the Academy of Sciences in the 20s of the XX century] (In Russian)
 8. Byrne J., Dahm R. Friedrich Miescher and the 150th anniversary of the discovery of DNA. *Biomics*. 2019. V.11(3). P. 249-258. doi: 10.31301/2221-6197.bmcs.2019-23
 9. Collective of Authors (edited by E.I.Kolchinsky) At the head of the leading academic class of Russia. Sankt-Peterburg. Nauka. 2000. 206 P.
 10. Ergin Ju.V. Ufinskij fizicheskij institut (1919-1937). Ufa : Gilem. 2006. 121 s. [Ufa Institute of Physics (1919-1937)] (In Russian)
 11. Esakov V.D. Ot Imperatorskoj k Rossijskoj: Akademija nauk v 1917 g. *Otechestvennaja istorija*. 1994. No 6. S.120-132. [From the Imperial to the Russian: The Academy of Sciences in 1917] (In Russian)
 12. Esakov V.D. O nekotoryh voprosah istorii Akademii nauk. (K 275-letnemu jubileju RAN) // Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN. 1997-1998 gg. Vyp. 2. Rossijskaja akademija nauk, Institut rossijskoj istorii; otv. red. A.N.Saharov. M.: IRI RAN, 2000. S. 258-285. [On some issues of the history of the Academy of Sciences. (To the 275th anniversary of the Russian Academy of Sciences)] (In Russian)
 13. Fruton J.S. P.A.Levine and 2-deoxy-D-ribose. *Trends in Biochemical Sciences*. 1979. V.4. P. 49-50. DOI: 10.1016/0968-0004(79)90351-7
 14. Gaisinovich A.E. Zarozhdenie i razvitie genetiki // M. Nauka. 1988. 424 S. [The origin and development of genetics] (In Russian)
 15. Garafutdinov R.R., Chemeris A.V. "Russian traces" in early nucleic acids research. *Biomics*. 2019. V.11(3). P. 266-281. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2019-25 (In Russian)
 16. Gerashchenkov G.A., Garafutdinov R.R., Baymiev An.Kh., Kuluev B.R., Baymiev Al.Kh., Chemeris A.V. The two greatest discoveries of two centuries - the nuclein and the double helix of DNA. *Biomics*. 2019. V.11(3). P. 259-265. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2019-24 (In Russian)
 17. Golikov I.I. Dejanija Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelja Rossii, sobrannye iz dostovernih istochnikov i raspolozhennye po godam. Moskva : tip. N. Stepanova, 1839. V.10. 468 S. [The Deeds of Peter the Great, the Wise Transfigurator of Russia, collected from reliable sources and arranged by year] (In Russian)
 18. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output. *Proc Natl Acad Sci USA*. 2005. V.102(46). P.16569-16572. doi: 10.1073/pnas.0507655102
 19. Hu J, Gao C. CRISPR-edited plants by grafting. *Nat Biotechnol*. 2023 Jul;41(7):909-910. doi: 10.1038/s41587-022-01516-7
 20. K dvuhsotletiju Vsesojuznoj akademii nauk. (1725-1925). Leningrad : Gos. izd., 1925. 48 S. [On the bicentennial of the All-Union Academy of Sciences. (1725-1925)] (In Russian)
 21. Kolchinskij Je.I., Konashev M.B. Kak i pochemu «Pravda» uchila «Botanicheskij zhurnal»? *Voprosy istorii estestvoznanija i tehniki*. 2003. T.24(4). S. 49-74. [How and why did Pravda teach the Botanical Magazine?] (In Russian)
 22. Kopelevich Ju.H. Osnovanie Peterburgskoj akademii nauk // Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie, 1977. 211 s. [The foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences] (In Russian)
 23. Lamanskij V.I. Lomonosov i Peterburgskaja akademija nauk : Materialy k stoletiju pamjati ego 1765-1865 goda, apr. 4-go dnja // Moskva : Univ. tip. 1865. 156 s. [Lomonosov and Peterburg Academy of Sciences devoted to his memory] (In Russian)
 24. Langin K. Researchers buy citations to inflate metrics. *Science*. 2024. V.383(6685). P.807. doi: 10.1126/science.ado7761
 25. Lappo-Danilevskij A.S. Petr Velikij, osnovatel' Imperatorskoj Akademii nauk v S.-Peterburge. Sankt-Peterburg : tip. Imp. Akad. Nauk. 1914. 60 s. [Peter the Great, founder of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg] (In Russian)
 26. Leonov V.P. Izbrannoe. Biblioteka RAN. Sankt-Peterburg : BAN. 2021. 568 s. [Favorites. Library of the Russian Academy of Sciences] (In Russian)
 27. Levene P.A., London E.S. The structure of thymonucleic acid. *J. Biol. Chem*. 1929. V.83. P. 793-802.
 28. Libenson V.S. Shkala dlja ocenki znachimosti nauchnyh rabot. V kn.: Problemy dejatel'nosti uchenogo i nauchnyh kolektivov. Vyp. IV. L., 1971. S. 300-304. [Scale for assessing the significance of scientific works / In the book: Problems of the activity of a scientist and research teams] (In Russian)
 29. Luppov S.P. Kniga v Rossii v pervoy chetverti XVIII veka. Leningrad, 1973. [The book in Russia in the first quarter of XVIII age] (In Russian)
 30. Majer A.L. O starom Zimnem dvorce i palate v koj skonchalsja gosudar' imperator Petr Velikij : Svedenija, sobr. po poveleniju E.I.V. gen.-inspektora po inzh. chasti A. L. Majerom. Sankt-Peterburg : 1872. 16 S. [About the old Winter Palace and the chamber in which Emperor Peter the Great died : Information, cathedral. at the behest of E. I. V. Gen.-Inspector of Engineering] (In Russian)

31. Michurin I.V. Izbrannye sochinenija. Pod obshhej redakciej P. N. Jakovleva. M. Gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skhozajstvennoj literatury. 1948. 792 s. [Selected works] (In Russian)
32. Pavlov-Sil'vanskij N.P. Proekty reform v zapiskah sovremennikov Petra Velikogo : Opyt izuchenija russkikh proektov i neizdannye ih teksty. - Sankt-Peterburg : tip. V.Kirshbauma. 1897. 86 S. [Reform projects in the notes of Peter the Great's contemporaries : The experience of studying Russian projects and their unpublished texts] (In Russian)
33. Pekarskiy P.P. Istoriya Akademii nauk v Peterburge Petra Pekarskogo. Sankt-Peterburg : Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Akad. nauk, 1870. T. 1. 775 p. [History of Academy of Sciences in Petesburg by Petr Pekarsky] (In Russian)
34. Saveleva E.A. Iogann Daniel Shumaher i Biblioteka Akademii nauk // Nemtsy v Rossii : peterb. nemtsy. Sankt-Peterburg, 1999. P. 9–19. [Iohann Daniel Schuaher and Library of Caademy of Sciences] (In Russian)
35. Serov D.O., Zhukovskaja A.V. Pis'ma i bumagi pribyl'shhika Alekseja Kurbatova (1700-1720-e gody). Moskva : Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomikiju 2023. 549 s. [Letters and papers of profit-makers Alexei Kurbatov (1700-1720)] (In Russian)
36. Shebunin A.N. Osnovanie Akademii nauk. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2002. No2(54). S.7-28. [The Foundation of the Academy of Sciences] (In Russian)
37. Sobolev V.S. Iz istorii rossijskoj nauki. *Sociologija nauki i tehnologij*. 2011. V.2(1). S.9-24. [From the history of Russian science] (In Russian)
38. Sonin A.S. Fizicheskij idealizm: Istoriya odnoj ideologicheskoy kampanii. M. : Fizmatlit. 1994. 225 s. [Physical idealism: The history of an ideological campaign] (I Russian)
39. Spirin A.S. (ed.) Friedrich Miescher. Trudy po biohimii. M. 1985. 318 s. (Friedrich Miescher. Works on biochemistry.) [In Russian]
40. Stolyarov Yu.N. Pervyy rossiyskiy gosudarstvennyy bibliotekar Iogann-Daniil Shumaher (K 300-letiyu so dnja rozhdeniya). Kniga. Issledovaniya i materialy. Moskva : Kn. palata, 1990. Sb. 61. P. 116–130.
41. Stolyarov Ju.N. Vklad I.D.Shumahera v razvitie russkoj nauki i kul'tury. (K 325-letiju so dnja rozhdenija pervogo rossijskogo bibliotekarja i bibliotekoveda) // *Nauchn. i tehn. 6-aja kn.* 2015. No9. S.34-50. [I.D.Schumacher's contribution to the development of Russian science and culture. (To mark the 325th anniversary of the birth of the first Russian librarian and librarian)] (In Russian)
42. Strumilin S.G. K metodologii ucheta nauchnogo truda. L. 1932. 30 S. [On the methodology of accounting for scientific work] (In Russian)
43. Timiryazev K. Iz nauchnoj letopisi 1912 g. Otboj mendel'jancev. *Vestnik Evropy*. 1913. S.267-283. [From the scientific chronicle of 1912, The Retreat of Mendelyantsev] (In Russian)
44. Vajsman D. K voprosu o povyshenii proizvoditel'nosti nauchnogo truda (Nauchnaja organizacija nauchnoj raboty). Ekaterinoslav : Nauka, 1919. 90 S. [Weisman D. On the issue of increasing the productivity of scientific work (Scientific organization of scientific work)]. Yekaterinoslav : Nauka, 1919. 90 P. (In Russian)
45. Vizgin V.P. The nuclear shield in the 'thirty-year war' of physicists against ignorant criticism of modern physical theories. *Phys. Usp.* 1999. V.42. P. 1259–1283. DOI: 10.1070/PU1999v042n12ABEH000670
46. Williams G. Unravelling the Double Helix: The Lost Heroes of DNA. Wiedeneld & Nicolson. London. 2019. 494 P.
47. Yakhin O.I., Lubyarov A.A., Yakhin I.A., Brown P.H. Biostimulants in Plant Science: A Global Perspective. *Front Plant Sci.* 2017. V.7. 2049. doi: 10.3389/fpls.2016.02049
48. Yanin V.L. O teh, kogo pomnju, - s ulybkoy. (Iz kollekcii akademika V.L.Yanina). *Vestnik Rossijskoj akademii nauk.* 2002. V.72(4). S. 381-384. [About those whom I remember - with a smile. (From the collection of Academician V.L.Yanin)] (In Russian)

Приложение / Appendix

Главы государства (годы правления)	Президенты Академии наук (годы руководства)
Петр I (26.05.1682 - 28.01.1725)	лейб-медик Л.Л.Блюментрост* (28.01.1724 – 06.12.1725)
Екатерина I (28.01.1725 - 07.05.1727)	лейб-медик Л.Л.Блюментрост (07.12.1725 - 06.06.1733)
Петр II (07.05.1727 - 19.01.1730)	
Анна Иоанновна (25.01.1730 - 17.10.1740)	барон Г.К. фон Кейзерлинг (09.08.1733 - 23.09.1734)
	барон И-А. фон Корф (23.09.1734 - 27.03.1740)
	конференц-министр К. фон Бревверн (24.04.1740 - 15.04.1741)
Иоанн VI (17.10.1740 - 21.11.1741)	

Триста лет Российской академии наук и иже с ней

Елизавета Петровна (21.11.1741 - 25.12.1761)	граф Разумовский К.Г. (21.05.1746-15.04.1798)
Петр III (25.12.1761 - 29.06.1762)	
Екатерина II (29.06.1762 - 06.11.1796)	
Павел I (07.11.1796 - 12.03.1801)	барон Николай Н.А. (15.04.1798 - 06.02.1803)
Александр I (12.03.1801 - 19.11.1825)	
Николай I (14.12.1825 - 18.02.1855)	граф Новосильцев Н.Н. (14.02.1803 - 03.04.1810)
Александр II (19.02.1855 - 01.03.1881)	почетный академик (с 1811 года) Уваров С.С. (12.01.1818 - 04.09.1855); <i>титул графа с правом наследования он получил в 1846 году</i>
Александр III (01.03.1881 - 20.10.1894)	граф Блудов Д.Н. (26.11.1855 - 19.02.1864)
Николай II (20.10.1894 - 02.03.1917)	граф Литке Ф.П. (23.02.1864 - 25.04.1882)
Львов Г.Е. (02.03.1917 - 07.07.1917)	граф Толстой Д.А. (25.04.1882 - 25.04.1889)
Керенский А.Ф. (07.07.1917 - 25.10.1917)	Великий князь Константин Константинович (03.05.1889 - 02.06.1915)
Ленин В.И. (27.10.1917 - 21.01.1924)	академик Карпинский А.П. (15.05.1917 - 15.07.1936)
Сталин И.В. (21.01.1924 - 05.03.1953)	
Хрущев Н.С. (7.09.1953 - 14.10.1964)	
Брежнев Л.И. (14.10.1964 - 10.11.1982)	академик Комаров В.Л. (29.12.1936 - 17.07.1945)
Андропов Ю.В. (12.11.1982 - 9.02.1984)	академик Вавилов С.И. (17.07.1945 - 25.01.1951)
Черненко К.У. (13.02.1984 - 10.03.1985)	академик Несмеянов А.Н. (16.02.1951 - 19.05.1961)
Горбачев М.С. (11.03.1985 - 25.12.1991)	академик Келдыш М.В. (19.05.1961 - 19.05.1975)
Ельцин Б.Н. (25.12.1991 - 31.12.1999)	академик Александров А.П. (25.11.1975 - 16.10.1986)
Путин В.В. (07.05.2000 - 07.05.2008)	
Медведев Д.А. (07.05.2008 - 07.05.2012)	
Путин В.В. (07.05.2012 - по наст.вр.)	академик Марчук Г.И. (16.10.1986 - 17.12.1991)
	академик Осипов Ю.С. (17.12.1991 - 29.05.2013)
	академик Фортков В.Е. (29.05.2013 - 23.03.2017)
	академик Козлов В.В.** (24.03.2017 - 26.09.2017)
	академик Сергеев А.М. (27.09.2017 - 20.09.2022)
	академик Красников Г.Я. (20.09.2022 - по наст.вр.)

* - курсивом указан Президент, который тогда только намечался

** - врио

В периоды с 16.04.1741 по 20.05.1746 гг., с 04.04.1810 по 11.01.1818 гг., с 03.06.1915 по 14.05.1917 гг. Президентов в Академии наук не было и в эти годы, а также во время президентства Разумовского в разных статусах (соблюдая хронологию) ею управляли: И.Д.Шумахер, А.К.Нартов, опять И.Д.Шумахер, Г.Н.Теплов, В.Г.Орлов, А.А.Ржевский, С.Г.Домашнев, Е.Р.Дашкова, П.П.Бакунин, А.К.Разумовский, А.Н.Голицын, П.В.Никитин, а также А.П.Карпинский, который единственный из них позже стал Президентом Российской Академии наук и спустя некоторое время Президентом Академии наук СССР.